

АНАФЕМА

Хроника государственного
переворота

Иван Иванов

(записки разведчика)

6.30 4 октября — 5 октября 1993 года

Книга 3

УКАЗ № 1578

Указ Бориса Николаевича Ельцина «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве» (директивная часть)

«...ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. В соответствии со статьей 19 закона Российской Федерации «О чрезвычайном положении» Министру внутренних дел Российской Федерации Ерину В. Ф., Министру безопасности Российской Федерации Голушко Н. М., Министру обороны Российской Федерации Грачеву П. С. к 10.00 4 октября 1993 г. создать объединенный оперативный штаб по руководству воинскими формированиями и другими силами, предназначенными для обеспечения чрезвычайного положения в г. Москве.

2. Министру обороны Российской Федерации и министру внутренних дел Российской Федерации по согласованию с комендантом района чрезвычайного положения в городе Москве выделить необходимые силы и средства для обеспечения режима чрезвычайного положения, подчинив их в оперативном отношении на период чрезвычайного положения коменданту района чрезвычайного положения.

3. Коменданту района чрезвычайного положения в г. Москве незамедлительно принять меры по освобождению и разблокированию объектов, захваченных преступными элементами в г. Москве, разоружению незаконных вооруженных формирований и изъятию оружия.

4. Возложить функции администрации района чрезвычайного положения в городе Москве на правительство Москвы. В соответствии со статьей 19 Закона Российской Федерации «О чрезвычайном положении» приостановить до особого распоряжения полномочия Московского городского Совета народных депутатов и районных Советов народных депутатов города Москвы.

...

14. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Президент Российской Федерации
Б. Ельцин

Москва, Кремль
4 октября 1993 года, 5.00 ч.
№1578

РАССТРЕЛ ПАРЛАМЕНТА

«Допросив тысячу военнослужащих, мы получили следующие доказательства: никаких мирных переговоров в промежуток времени между событиями 3-го и 4-го октября не велось — был отдан приказ штурмовать немедленно... В паузе между случившимся 3-го и тем, что произошло 4-го октября, никто не предупреждал людей, оставшихся в «Белом доме», о начале обстрела и штурма, то есть доказательства ведения каких-либо переговоров нет. Следовательно, события 4-го октября надо квалифицировать как преступление, совершенное на почве мести, способом, опасным для жизни многих, из низменных побуждений».

*Генеральный прокурор РФ Алексей Казанник
(«Деловой мир», №95(928) 1994 г.)*

В 6.43 раздались первые выстрелы. Оказалось, снайперы ГУО РФ и МВД стороннего государства решили подогреть штурмовой энтузиазм трех батальонов 119-го парашютно-десантного полка и подстрелили двух его офицеров. На подходе к «Белому дому», прямо на марше, в 100 метрах от перекрестка Нового Арбата и Новинского бульвара (Садового кольца), под вывеской «Арбату 500 лет!» колонна ЗИЛ-131 с десантниками была обстреляна с домов, уже занятых наемными войсками и МВД. Стреляли с крыш домов по левую сторону Нового Арбата, в том числе и с крыш домов жилого городка посольства США. Что характерно, когда полк спешил и стал пробираться по узкой асфальтовой дорожке к мэрии, ельцинские снайперы выбрали себе только две жертвы — и обе из руководства полка — замкомполка и замкомандира саперной роты.

Документировано несколькими свидетельскими показаниями, что к командирам попавших под обстрел подразделений десантников и таманцев несколько раз подходили сотрудники «наружки» ФСК (тогда МБ РФ) и МВД, которые сообщили, что огонь ведут **свои** — **правительственные снайперы-трассовики бывшей «девятки» и неизвестные снайперы с крыши посольства США и его жилого городка (о наличии среди стрелков ГУО РФ заезжих снайперов-**

иностранцев сотрудники «семерки», очевидно, не знали), они посоветовали десантникам и таманцам быть поосторожней, так как, по их словам, снайперы ГУО РФ имеют богатый опыт еще со времен войны в Афганистане, им все равно, кого убивать. Сотрудники «наружки» подробно рассказали, откуда именно ведут огонь правительственные снайперы (показали дома, соответствующие слуховые и квартирные окна); особо выделили обнаглевших снайперов с крыши посольства США и советовали не подставлять им спину, поскольку, по их словам, те никому из «наших» не подчиняются.

Следом к баррикадам у «Белого дома» подошли БТРы и открыли пулеметный и автоматный огонь на поражение. С этого момента и до 5.30 5-го октября огонь из БТРов и БМП практически не прекращался. Был лишь один перерыв на 2 — 2,5 часа, когда «Альфа» и «Вымпел» выводили депутатов. Об интенсивности огня свидетельствует хотя бы такой факт. Еще 3-го октября дивизия МВД имени Дзержинского была поднята по боевой тревоге. С вечера, объявив подготовку к атаке и штурму парламента, в расположении дивизии зачитали приказ: сформировать экипажи БТРов во главе с сержантами-инструкторами для атаки «Белого дома», учебному полку немедленно начать снаряжение магазинов и пулеметных лент. Всю ночь 3-го октября и весь день 4-го октября учебный полк дивизии Дзержинского был занят тем, что непрерывно снаряжал автоматные рожки и пулеметные ленты. Постоянно подвозили все новые и новые «цинки» с патронами. Начиная с рассвета 4-го октября, снаряженные ленты и магазины только и успевали отправлять в район «Белого дома». И это продолжалось до 5-го октября включительно.

Часть БТРов дивизии Дзержинского была передана «бейтаровцам» СВА. Жирный куш, недоданный изувеченным в Афгане и сэкономленный на погибших там ребятах, впервые был брошен с правительственного стола и достался Котеневу. Утром 4-го октября прозвучал приказ эмвэдэшных генералов никого в плен не брать. Наибольшую активность проявляли генерал-майоры милиции Огородников и Панкратов. Гражданские экипажи БТРов («Бейтар») и задали безжалостный тон всем участникам акции, первыми же очередями расстреляв около 40 безоружных баррикадников. Только из одной дивизии Дзержинского ВВ МВД в расстреле парламента участвовали 23 БТРа.

Расстрел постов баррикадников со стороны Краснопресненской набережной

«Виктор Степанович! ...Мы там видели детей, женщин. Там где-то пятьсот или шестьсот трупов. Остановите эту бойню!»

Руслан Аушев. 4 октября. 15.00. Кремль. Призыв к Черномырдину на совещании правительства и субъектов Федерации.

Показания капитана ВДВ Смирнова, одного из защитников парламента, о начале атаки (выпускник рязанского училища, был командиром группы спецназ):

«Ночью с 3-го на 4-ое октября спал на ковровой дорожке на втором этаже в 24-м подъезде вместе с охраной штаба Ачалова у окна, выходящего на Москва-реку. Оружием не обеспечен. Проснувшись, увидел выдвижение боевой техники наемных частей на исходные позиции. Со стороны гостиницы «Украина» на противоположном берегу реки на набережную Тараса Шевченко у Калининского моста вышли БТРы и БРДМ. Заняли исходные.

На нашей стороне реки БТРы числом около 12 (14 БТРов из батальона Таманской дивизии вышли во внутреннее кольцо оцепления со стороны Краснопресненской набережной. На БТРе-145 шел комдив 2 мед Валерий Евневич. — Авт.) объехали со стороны Калининского моста по набережной «Белый дом» и расположились на набережной, правее парадной лестницы. Командиры боевых машин и наводчики-операторы торчали из люков и не думали укрываться.

Подумалось, что сейчас начнется канитель с переговорами об условиях сдачи, предъявят ультиматум, но услышал беспорядочную стрельбу. Один из БТРов открыл огонь по окнам соседнего с Домом Советов здания, выходящего на Краснопресненскую набережную по переулку Глубокий, имитируя начало боя. Одновременно был открыт огонь из КПВТ по людям, сооружениям вентиляционных шахт на газонах «Белого дома». Сразу начался прострел лестничных пролетов снайперами. Их огонь по кабинетам депутатов и штабным комнатам велся на упреждение в обрез примерно по уровню подоконников.

Расстрел начался внезапно, подло и без предварительных условий. Свербила одна мысль: «Где взять оружие!»

Поменял точку наблюдения. Началась высадка солдат с брони со

стороны посольства США и стадиона. С военной точки зрения

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. Краснопресненская набережная, дом 2. 4 октября 1993 года. 7-я мотострелковая рота Таманской дивизии и стрелок-журналист из «Известий» Николай Бурбыга в действии: «На какое-то время я стал пулеметчиком БТР-170 7-й мотострелковой роты».}

мне это представлялось полным абсурдом — выбрасывать людей «на мясо» в условиях неподавленных огневых точек, если бы таковые имелись, — бессмысленное и безответственное решение. Пьяные солдаты неуклюже переваливались, стреляя из автоматов и неумело прячась за естественными укрытиями. Плотность огня по зданию Дома Советов нарастала. На крыше посольства заметил вооруженного человека.

В этих условиях услышал команду Руцкого по селектору: «Огонь не открывать!» Ачалов продублировал: «Огонь ни в коем случае не открывать!» Макашов оговаривал условия открытия огня лишь при крайней необходимости: «...лишь в случае реального проникновения противника в здание!» В противном случае — огонь не открывать!

Руководство обороной второго этажа осуществлял Макашов. Несмотря на нехватку оружия и патронов, защитники «Белого дома» были спокойны. Мы надеялись на выручку идущих нам на помощь частей.

Уверенность укрепилась с появлением вертолетов, которые перед этим вызывал Руцкой (в *это время капитан ВДВ присоединился к нашей группе на 5-м этаже — Авт.*). Каково же было разочарование, когда «наши» вертолеты начали корректировать огонь по «Белому дому», сопровождая это тупым зубоскальством в эфире. Возмущению Руцкого не было предела. Хасбулатов, напротив, был молчалив и замкнут.

По этажам вновь прозвучала команда огонь не открывать. Руцкой попытался войти в связь и вступить в переговоры о перемирии с «Дунаем» (позывной командующего от МВД в эфире). Противоположной стороной обращения Руцкого были проигнорированы. Вдобавок на этой же частоте кто-то с чувством явной безнаказанности злорадно посулил: «Сейчас мы вас всех прикончим, суки!» (Конец цитаты.)

Факт: Штурм и расстрел парламента 4-го октября 1993 года начался внезапно, без какого-либо объявления или предварительного предупреждения.

Никаких предложений сдаться или вывести из здания женщин и детей атакующие не делали.

Перед началом атаки никаких ультиматумов о капитуляции

парламенту не выдвигалось.

Первыми очередями из БТР было-убито около 40 безоружных человек.

По данным Руцкого, в «Белом доме» на момент начала атаки находилось до 10 тысяч человек, в том числе женщины и дети.

Неоднократные требования Руцкого прекратить огонь по «Белому дому») и дать возможность вывести из здания Дома Советов женщин и детей на штурмующих действия не возымели — огонь не прекращался в течение 10 часов! За это время руководителями акции не было сделано ни одного предложения расстреливаемым в Доме Советов людям сдаться, им не давали возможности вывести из-под огня женщин и детей, что приходилось делать под обстрелом, с потерями.

По радиостанции мы сразу услышали чьи-то призывы о помощи: «На баррикадах десятки убитых и раненых! Срочно нужны носилки и спасатели! Всем, кто может, помочь вынести раненых! Их необходимо срочно эвакуировать в здание!» Не укладывалось в голове, что начавшаяся чудовищная бойня на языке кремлевских стратегов в плане операции обозначается не иначе, как: «Милиция и внутренние войска МВД отгесняют людей от здания».

Быстро пришло осознание, что как такового штурма не будет. Будет массовый и безнаказанный расстрел из бронетехники по американской схеме. Хотя в первые минуты расстрела парламента еще было трудно себе представить, что людей целый день будут заживо сжигать и стирать с лица земли кумулятивными снарядами и снарядами объемного взрыва из 125-мм танковых орудий Т-80ДУ, испепелять из огнеметов «Шмель», аналогичными по своему действию зарядами, рвать в клочья из 73-мм орудий БМД-1, из 30-мм скорострельных автоматических пушек БМП-2 и БМД-2, 12,7-мм пулеметов ДШК танков Т-80ДУ, сдвоенных танковых пулеметов БТРов — 14,5-мм крупнокалиберных пулеметов КПВТ и 7.62-мм гтуттемдтон

Калашникова танковых (ПКТ), 7,62-мм ротных и 5,45-мм ручных пулеметов Калашникова (РПКМ и РПКС-74)...

Вспомнил, что надо разбудить Дмитрия. Он сразу посмотрел на часы — было 6.45 (другой будильник показывал «6.35»). Ему приказали найти и носить за хромающим Ачаловым бронезилет. Бронезилета у Ачалова не было, и я отдал свой. Начало атаки разбудило далеко не всех. В разных комнатах здания парламента, в его холлах, на лестницах и в

подъездах еще спали сотни и тысячи человек. В одном лишь бункере спортзала по многочисленным свидетельствам очевидцев остались в западне более 700 спящих.

Среди проспавших начало атаки был и депутат Николай Павлов, который на исходе ночи устроился почитать в огромном кабинете Бабурина на составленных напротив окна стульях. В разгар обстрела его не сразу смогли убедить покинуть удобное, но смертельно опасное ложе. Проснувшись, сибиряк гневно отмахнулся от советов и остался сидеть в кресле напротив окна, вслух читая под пулеметные серенады стихи. Кто-то продемонстрировал ему работу снайперов: стоило рукой один раз слегка колыхнуть белую штору, как все окно (и участок стены напротив него в «начальствующих» апартаментах на 6-м этаже) разнесли разнокалиберными пулями и снарядами. Атакующие патронов не жалели и стреляли на любое шевеление (по данным видеохроники только на 1,5 кв. метрах стены у карты Хасбулатова я насчитал 43 пробоины от боеприпасов 3-х разных калибров).

Тысячи же наших людей, среди которых было немало опытных боевых офицеров и прошедших Афганистан солдат, вынуждены были встречать штурмующих с голыми руками. Можно лишь представить себе, как они в ярости проклинали безалаберное и непредусмотрительное парламентское начальство и собственное бессилие. В таком положении оказался и мой многоопытный приятель.

Руцкой так и не узнал, что в далеком апреле 1986 года у Джавара этот человек со своими парнями и БТРом пробивался к сбиту (на 360-м боевом вылете) Су-25 и матом кричал будущему исполняющему обязанности президента: «Мужик, бросай пистолет! Свои!» (несмотря на ранения, Руцкой сумел отползти от подступавших душманов на 700 метров), был в дни государственного переворота в наших рядах и неоднократно попадался ему на глаза.

Когда 4-го октября на второй этаж «Белого дома», ошалело строча из автомата, влетел первый десантник, безоружный Виктор из какой-то ниши сумел подловить его и, схватив руками за ремень, вытолкнул гвардейца в окно (2-й этаж, невысоко, автоматчик остался цел). Со вторым тоже повезло — Виктор умудрился не схлопотать пулю, а стрелок последовал на улицу — вслед за своим товарищем на исходную позицию. Лишь выскочивший вскоре из коридора с АКСУ короткой очередью смог охладить воинственный пыл гвардейцев. Патронов практически не было, их жалели, и полуденный бой в здании (десантники проникли в «Белый дом» через подвал со стороны мэрии около 12.00) на различных маршевых пролетах и в подъездах выглядел примерно так: со второго или третьего этажа выставлялся ствол АКСУ, потом

незадачливым штурмовикам кричали: «Подними голову!», гвардейцы ошалело смотрели в зрачок автомата, после чего им кричали (использовались, как правило, нелитературные обороты): «Убирайся, пока цел!» Этим здравым советам практически все нарофоминцы послушно следовали. Время от времени со стороны защитников парламента в сторону нападавших раздавались короткие редкие очереди.

...Из окна я обратил внимание на такую нелепицу: один из баррикадников под огнем БТРов со стороны набережной выскочил (может быть, с бутылкой бензина) им навстречу. На парня, очень похожего на Крестonosца, были накинута одна на другой два бронежилета, очевидно, он думал, что это спасет его от пули из КПВТ. Юноше повезло — он один из немногих, кому повезло добежать обратно до дверей «Белого дома» со стороны набережной. Большинство баррикадников на постах со стороны набережной скосили БТРы и котеневцы, убивавшие безоружных и заспанных людей.

...Стало ясно, что вскоре можно будет прямо из окна нашей приемной дотянуться рукой до дула КПВТ одного из атакующих БТРов. Через какое-то время раздался приказ перейти с Ачаловым к Хасбулатову.

Мы поднялись с Ачаловым на пятый этаж в приемную Хасбулатова. Против обыкновения остановились в угловом коридорчике, отделенном от приемной проходной комнатой охраны. Комната эта была небольшая, всего метров 16-18, окон в ней не было. За ней виднелся светлый зал огромной и уже ставшей мне хорошо знакомой приемной.

В самом центре этой комнатки за распахнутой настежь дверью перед журнальным столиком сидел в застегнутом белом плаще Хасбулатов и молча курил тонкую черную сигарету. Там же был Руцкой в светлом тканевом бронежилете и в камуфляже, с переносным радиотелефоном сотовой связи «Ericsson» через плечо и телефонной трубкой в руке.

Мы остановились в паре метров от них в коридоре. Иван и я расположились на стульях. Метрах в 7 дальше по коридору занял позицию кряжистый охранник Руцкого. Он расположился за наваленными поперек коридора сейфами. Непосредственный его начальник Володя Тараненко позднее попытался навязать Дмитрию сомнительную честь — по приказу Руцкого вынести на улицу белый флаг, но ему неделикатно отказали. С тем флагом вышел похожий на корреспондента ИТАР-ТАСС Терехова человек и был убит снайпером.

Охрана Руцкого смотрела на нас, как на сумасшедших, когда на

глазах высокопоставленных руководителей пришлось с грохотом разбить великолепный стул. Выломанную из спинки стула длинную палку Дмитрий вручил Ачалову в качестве трости-костыля. Это подало дурной пример остальным, и вскоре вокруг нашего «г-образного» коридора выломали все закрытые двери — в открытых комнатах оборудовали огневые позиции.

Минут через 25-30 Руцкому и Ачалову начали поступать донесения. Доложили, что первыми же очередями атакующих БТРов убито около 40 безоружных только со стороны трех подъездов, есть раненые. Разметали огнем и походную часовенку на улице вместе с молящимися женщинами. Руцкой подтвердил свой приказ, отданный еще в первые минуты атаки, когда он велел занести раненых в здание, открыть «Белый дом» и впустить в него с улицы всех попавших под обстрел БТРов. Он категорически запретил открывать огонь за пределами «Белого дома» и по целям вне здания. Как и 3-го октября, действовал приказ огонь не открывать. Оружие разрешено было применять только внутри здания, да и то лишь в случае проникновения в него штурмующих частей. Этот приказ повторяли по внутренней сети радиооповещения «Белого дома» и радиостанциям.

Александр Владимирович с заметным опозданием распорядился выдать все оставшееся табельное оружие Департамента охраны ВС РФ, запас которого измерялся несколькими десятками стволов.

Руцкой, стоя в дверях комнаты, ругался: «Где это еб...ное Эм-Бэ!» Потом по радиотелефону кому-то из руководства частей МБ он кричал: «У Вас же есть оружие! Ударьте им в спину или убедите немедленно прекратить огонь. Объясните, что здесь есть женщины и дети. В здании около 10 тысяч человек. У меня уже 40 убитых. Танки сейчас начнут стрелять залпами. Они убийцы. Остановите их!» Это врзалось в память довольно отчетливо, с дословной точностью. Руцкой то появлялся, то исчезал в проеме двери, постоянно с кем-нибудь связывался по радиотелефону, говорил примерно одно и то же. Требовал, чтобы собеседники звонили в западные посольства, в правительства.

По-другому он требовал немедленного прекращения огня лишь от Черномырдина, когда сквозь зубы и явно через силу бросал всего несколько слов в эфир: «Черномырдин, немедленно прекрати огонь! Черномырдин, немедленно прекрати огонь!»

Руцкой был в состоянии гнева и возмущения от происходящего, от своего бессилия. Узнав про черноволосых молодцов в кожаных куртках на бронетранспортерах и с помповыми ружьями в руках, Руцкой матерился по-черному: «...Е...е жиды! Это все Боксер со своими головорезами ...Е...я свердловская мафия!» Слово знал, что произойдет

буквально через несколько часов — как на крови павших у расстреливаемого «Белого дома» (напротив мэрии) хасиды на радостях будут танцевать ритуальную пляску Суккота (документировано видеоматериалами российского телевидения).

Раньше состояние обреченной решимости мне приходилось наблюдать лишь у генерал-полковника Ачалова, еще две недели назад осознавшего всю безысходность нашего положения. Обязанный защищать закон и Конституцию вместе с армией, из-за предательства генералитета он вынужден был в одиночку с нашими, по сути, безоружными добровольцами противостоять попытке государственного переворота. Нам, сделавшим добровольный выбор одиночек, в эти часы было легче.

Все дни и недели осады у меня вызывало чувство сильного возмущения то, что преступники, задумавшие государственный переворот, правильно оценили наших людей и не оставили им никакого выбора. Оппозиционеров хладнокровно запланировали физически уничтожить. По сценарию переворота люди в «Белом доме» были поставлены перед выбором, который с самого начала требовал неприемлемую цену и заранее был предопределен. Выбора не было!

На 62 автомата защитников парламента было брошено 185 единиц армейской бронетехники (80 БТРов, 10 танков, 60 БМД, 20 БМП, 15 БРДМ) и 61 единица бронетехники МВД (по официальным данным о привлечении сил и средств ВВ 4 октября: 26 БТРов, 25 БМП-2 и 10 спецмашин). На один автомат — три единицы бронетехники, один крупнокалиберный пулемет и две пушки. На каждого ребенка, на каждую женщину и каждого безоружного мужчину послали в «бой» по взводу или отделению пьяных автоматчиков-убийц с приказом «пленных не брать». Сегодня уже точно установлено, что в «операции» 4-го октября правительственными войсками было задействовано более 102 снайперских винтовок (52 СВД — из Балашихи и 50 с армейского склада в Алабино), в том числе и группой прибывших из отдаленного государства снайперов-спецназовцев. Численность правительственных войск и наемников исчислялась многими десятками тысяч и приближалась к круглой цифре; даже официальные источники признавали, что 4-го октября в отдельные моменты операции по расстрелу парламента непосредственно вокруг здания Дома Советов было задействовано до 20 тысяч военнослужащих.

...Через некоторое время Руцкой вышел в предбанник и, резко ткнув в нас с Иваном пальцем, потребовал немедленно оповестить 1-й и

14-й подъезды о том, что сейчас на пандус «Белого дома» будут садиться 3 вертолета. Вертолеты наши, и ни в коем случае по ним огонь не открывать. Ждали, кажется, «Ми-24». Руцкой почему-то обращался не к своим охранникам, а непосредственно к нам.

Вышедший буквально следом Ачалов подтвердил его слова, приказав мне обойти огневые точки «Белого дома» в зоне пандуса и передать на указанные посты распоряжение Руцкого. По радиостанции передать данный приказ было невозможно не столько из-за того, что питание радиостанций почти у всех уже было на исходе, сколько из-за соображений секретности и открытости эфира. Поэтому, взяв в сопровождающие офицеров Андрея и Вильно, я отправился в обход «Белого дома».

Сначала мы поспешили оповестить посты в месте наиболее вероятной посадки вертолетов на пандус «Белого дома» со стороны набережной. Спустились к парадному входу на пост Макашова.

В необозримый по ширине холл парадного входа «Белого дома» одновременно через стеклянную стену со стороны набережной могла бы въехать рота танков или БМП. Все ясно понимали, что при отсутствии у нас гранатометов и противотанковых средств невозможно ничем помешать десанту на бронетехнике приблизиться вплотную к «Белому дому» и прорваться на первый этаж этого холла. Позиции были определены, исходя из того, что бой придется вести исключительно внутри здания с теми, кто в него войдет через стеклянные стены.

Здесь я и увидел последний раз Крестоносца, Славу-комбата, Сашу-Морпеха, двух «барсов», одного нашего омовца с ручным пулеметом и генерала Макашова.

Они расположились, как и было задумано по плану обороны, на втором и третьем этажах парадного холла. Контролировали первый этаж холла, ожидая встретить штурмующих сверху перекрестным огнем уже в самом здании. Под первым этажом этого холла был еще один этаж, в который штурмующие также могли войти снизу. Это можно было сделать хотя бы из-под того же пандуса, подъехав со стороны набережной на БМП к расположенному под ним подъезду 1А. В случае же начала перестрелки в этом холле ребята становились легко уязвимыми для снайперов из гостиницы «Украина».

Альберт Михайлович сидел на внутреннем балконе второго этажа в простенке у окна, выходящего на набережную. На коленях он бережно держал автомат. На его голове был неизменный берет. Рядом с ним позицию занял начальник его охраны, Саша-морпех.

Когда я шагнул в холл, ребята в несколько голосов выкрикнули:

«Осторожно, снайперы!» Первым делом предупредив об опасности и наказав особо не высовываться, они рассказали нам о вышедших на небывалую охоту снайперах из гостиницы «Украина». Они уже успели познакомиться с их работой и теперь рассредоточились за колоннами и другими укрытиями. На мое сообщение о вертолетах Макашов кивнул головой и подтвердил, что принял эту информацию к сведению.

Судя по интенсивности обстрела из БТРов и БМП, ни о какой посадке вертолетов со стороны набережной у парадного входа «Белого дома» уже не могло быть и речи.

В это время произошла неожиданная встреча. Один из бойцов этого поста узнал Вильно и Андрея. Это был их товарищ по прибалтийскому отряду. Друзья только и успели, что обменяться приветствиями да сумбурными вопросами. Мы спешили передать приказ Руцкого и Ачалова на другой пост в 14-м подъезде. Объяснив, что у нас еще не выполнено задание, Вильно и Андрей вынуждены были попрощаться со своим товарищем.

Пока же они обнимались, я не удержался от комментария по поводу этих злосчастных вертолетов. Не без мрачной иронии сказал стоявшему рядом Крестоносцу, что в сказки давно не верю. Тот без радости согласился с моими словами.

Так и отпечаталась у меня в памяти одна из невозможных картин той нашей жизни:

Москва. Парламент. Атака БТРов. Передовая позиция на мраморной парадной лестнице. Как рядовой боец, первым встречающий десант, сухопарый генерал-полковник с автоматом в руках.

Позднее Макашов сам лег за ручной пулемет.

Из наших генералов излишне прямолинейный Макашов в сложных внутрипарламентских ситуациях был наиболее последовательным и никогда не виллял. Он был бы уместен в порядочном обществе, но не в нашем. Как принято сегодня говорить, необходимо было проявлять гибкость: подкупать войска деньгами и должностями. Технология взятия власти, видимо, исключает нравственный императив.

Всего пару дней назад многим из нас запомнился возмущенный отказ генерал-полковника что-либо пообещать за поддержку парламента каким-то действующим комдивам, пекущимся о своей выгоде. Макашов не шел на компромисс с такими людьми, не объединялся с ними даже тогда, когда этого требовала обстановка.

Мы и предположить не могли, что первыми в «Белый дом» ползут бойцы 119-го парашютно-десантного полка из Наро-Фоминска,

десантники, которых мы так тщетно ждали и на которых только и надеялись. Полк-предатель по некоторым данным даже пытался пробиться к нам с боем и условием своего перехода на сторону парламента выдвинул приход к ним лично Ачалова, засылая в Дом Советов сообщения: «Если Ачалов сам придет, наш полк пойдет за ним!»

Тем не менее это произошло, и смогли же потом как-то оправдать себя его офицеры. Объяснили же они собственное предательство какими-то карьерными или бытовыми соображениями. Эти офицеры-десантники точно знали, что их полк шел на защиту парламента.

Правда, и среди них нашелся человек, совесть которого не выдержала. На глазах медбригады Ю. Холькина командир 5-й роты 2-го батальона 119-го полка **капитан Сергей Олегович Смирнов** решился «погасить» из гранатомета БТР МВД, атаковавший их батальон. Он был расстрелян прямо через бетонный забор из крупнокалиберного пулемета КПВТ другого БТРа МВД. **Его тело прошили навывлет две пули калибра 14,5 мм.**

Военнослужащим 119-го полка также, наверное, будет небезынтересно узнать, как ельцинские части оцепления «Белого дома» по ошибке задержали и, видимо, расстреляли их товарища — однополчанина. Расстреляли из-за неточного доклада и нежелания одного из начальников штурма утруждать себя выяснением истины. Тот радиоперехват подробно записан сотрудниками охраны Руцкого, а в открытом эфире свидетелями этого эпизода могли быть иностранные журналисты.

Вышестоящему офицеру доложили, что в расположении правительственных частей задержан снайпер 119-го полка. На вопрос, свой он или нет и что с ним дальше делать, последовал, краткий приказ. Сами переговоры трех офицеров заняли всего пару минут:

— ...Обнаружен снайпер 119-го полка. Говорит, что они на нашей стороне.

— Так!.. Что там? 119-й на нашей стороне или нет?

— 19-й — на нашей, 119-й — не знаю!

— Уничтожить!

Последнее слово приказа было произнесено жестко, с беспощадной деловитостью. Мать взятого в плен и **расстрелянного, судя по всему, охранкой президента рядового 119-го пдп Панова Владислава Викторовича** теперь сможет точно представить себе последние минуты своего сына. Как перед смертью он, скорее всего пытался доказать, что произошла чудовищная ошибка, и он действует в

составе своей части на стороне Ельцина. Он был единственный, кто лежал в гробу без ретуши и без следов мук на лице — стреляли с близкого расстояния. Тела остальных четверых были либо изуродованы из КПВТ и искажены гримасами боли от смертельных ранений (как у капитана Смирнова), либо обезображены пулями снайперов ГУО РФ и заезжих охотников, стрелявших преимущественно в голову или в шею со спины (как у старшего лейтенанта Красникова).

Снайперы ГУО РФ застрелили заместителя командира саперной роты **старшего лейтенанта Константина Кирилловича Красникова** (пуля в голову) еще на подходе к «Белому дому» около мэрии. **Разведчика-снайпера разведроты 119 пдп ефрейтора Сергея Хихина**, вырвавшегося вперед в составе группы из 3-х бойцов, снайпер ГУО РФ из 3-го слева верхнего окна дома 11/2 на Дружинниковской (перекресток с переулком Капранова) «снял» в районе сквера, как и убитого при аналогичных обстоятельствах **рядового взвода связи 2-го батальона Романа Сергеевича Коровушкина**. Чудом уцелевшим под огнем снайперов можно считать солдата 3 батальона 119 пдп Шнитко — снайпер пробил ему каску и шапку, но пуля из СВД лишь чиркнула по голове; после чего ему все же «всадили» со стороны сквера (к вопросу о хозяевах детского парка — панкратовцах и котеневцах) автоматную очередь в ногу. Снайперы достали и лейтенанта 119-го полка Земскова — в ногу. Огонь на поражение велся армейцам исключительно **в спину по приказу руководства МВД со ссылкой на мифический переход полка на сторону парламента.**

Через считанные часы после нашего разговора на мое место, пошатаваясь, поднялся капитан злополучного 119-го полка воздушно-десантной дивизии Андрей Емельянов, героически пытавшийся отстреливать пожилых теток из obsługi Дома Советов сразу из двух пистолетов (документировано видеоматериалами.)

Уже после расстрела парламента стало известно, что когда 119-й полк пришел на нашу защиту, его командира купили, а офицерам полка пообещали квартиры и щедрые премиальные. Нормальные люди просто отказались бы...

Впрочем, у меня, почему-то, нет на них обиды, скорее горечь за них же самих. Неужели не сняты гвардейцам расстрелянные?

Во время «боя» уже внутри «Белого дома» изрядно «принявший на грудь» Андрей Емельянов с несколькими своими подчиненными попал в коридоре Дома Совета «в мешок». Офицера и его солдат пожалели — вместо автоматных очередей в упор им подарили жизнь. Ошалевший от неожиданного подарка судьбы капитан мгновенно облаглел и тут же

выступил в качестве организатора частных переговоров с генералом Макашовым, незатейливо предлагая всем защитникам парламента... сдать ему лично. Капитан, видимо, уже мысленно провертел в своем кителе дырку для золотой звезды Героя России, представляя сколько доверчивых «языков» ему сейчас доведется взять. Макашов отказался вести с ним какой-либо разговор, заметив: «Да он просто пьян!» Поразительно, что с юным «героем» всерьез носился такой солидный человек, как Иона Андронов, несмотря на то, что гвардеец прямо заявил, что берет «языков» без санкции и без согласования даже со своим непосредственным командиром.

Емельянов потом публично признавал, что встречавшиеся с ним офицеры Макашова вызвали у него чувство большого уважения. Он говорил, в частности, что Саша-морпех произвел на него во время этих бессмысленных переговоров впечатление «достойного противника с твердыми убеждениями и, несомненно, глубоко порядочного человека».

Впрочем, десантникам, судя по нашим данным, было не до моральных угрызений. Скорее всего, их больше беспокоила дележка добычи. Узнав, что внутренние войска грабанили много видеоаппаратуры и попрятали это все в БТРы, пришедшие к шапочному разбору туляки и рязанцы (введены в район Дома Советов на смену 119-му *пдп* в 23.30) по совету нарофоминцев решили ее ночью экспроприировать. В полках очень сильно переживали, когда перед самой бандитской разборкой удачливых мародеров из внутренних войск скоростно отправили к месту постоянной дислокации. Так десантники остались без видеоманитофонов.

...Тогда же в начале штурма 4-го октября мы стремились побыстрее выполнить полученный приказ и поспешили распрощаться с товарищами. Оставшиеся с Макашовым ребята готовились для отражения штурмовых отрядов. По их напряженным лицам читалось томительное ожидание боя. Каждый из них улыбнулся нам и не преминул пожелать удачи или сказать какие-нибудь другие ободряющие слова напутствия. Первым мне пожелал удачи Слава-комбат, Саша-морпех стоял дальше всех от меня и смог лишь дружески кивнуть на прощание.

О том, что происходило утром на баррикадах вокруг «Белого дома», я могу судить по увиденному мной из окон здания (если не считать нашей скоротечной «пробежки» по трупам товарищей вокруг Дома Советов). Значительно полнее моих отрывочных наблюдений о первых атаках могут поведать их жертвы, уцелевшие на улице. Для полноты картины приведу подробные описания расстрелов баррикад и

наружных постов, учитывая, что многому в этих рассказах мы являемся непосредственными свидетелями.

Расстрел западных баррикад (атака БТРов «Бейтара» и МВД в направлении 8-го подъезда по Рочдельской улице)

Существуют видеоматериалы, на которых видно, как к «Белому дому» подходят БТРы с «бейтаровцами» СВА Котенева. Сан Саныч и его тогдашний заместитель Паша одеты в камуфляж. Паша спрыгивает с брони БТРа с пулеметом Калашникова в руках. Позднее он часто бахвалился, что 4-го октября 1993 года собственноручно убил 17 «красно-коричневых» (есть свидетели). Котенев перебегает по кустам к углу дома в окружении 5-6 человек с оружием в руках. Водитель микроавтобуса-мерседеса СВА Сергей подбежал к солдатам и отобрал у одного из них автомат...

Показания баррикадника Евгения О. (приводится по «КП» от 9 октября 1993 года):

«Командир нашего отряда предложил желающим пойти поспать в раздевалку 8-го подъезда. Другие спали, я заснуть не мог. В 6.36 вышел из подъезда к нашим позициям. Люди стоят в оцеплении, сидят у костров. Наше вооружение — обрезки труб, стальные прутья (прижимавшие ковровые дорожки) и бутылки с бензином. Где-то около 6.50 со стороны набережной послышались выстрелы, и к баррикаде по Рочдельской улице (справа, если смотреть в сторону реки) выскочили три БТРа, стрелявшие редкими очередями вверх в сторону «Белого дома». Остановились. С них соскочили сидевшие сверху на броне какие-то люди в черных кожаных куртках и более светлых брюках с ружьями (не автоматами, а именно ружьями) в руках. Они побежали к заборам возле сквера и автопредприятия, перелезли через них и забежали за домики и другие препятствия (*«бейтаровцы» СВА помимо всего прочего были вооружены еще и помповыми крупнокалиберными ружьями иностранного производства. — Авт.*).

Народ, сидевший у костров, не мог понять, чьи это БТРы. Некоторые приподнялись и замахали им руками: «Эй, вы наши или не наши?» Молчание. Затем пулемет центрального БТРа опустился и из него раздалась длинная очередь на высоте примерно 2 метров от земли параллельно фасаду здания ВС. Я понял, что это стреляют в спину защитникам баррикады на противоположном конце площади. Очереди

продолжались.

Все тут же попадали на землю. Стали разбирать бутылки с бензином. Командир отряда кричит: «Наверное, надо отходить назад к подъездам». Другие отвечают: «Давай в сторону, под защиту парашюта». Я отполз в сторону за парашют пандуса, который поднимается сбоку у здания ВС. Посмотрел: рядом лежат мои товарищи по средней линии баррикады.

Сзади послышался грохот и с тыла на нашу баррикаду выскочил легкий танк (*это была БМП. — Авт.*). В него полетели бутылки с бензином. Большинство из них разбились, не загоревшись. На задней части танка горело небольшое бензиновое пламя, не причинившее ему никакого вреда.

Затем БТР, который был снаружи, дал длинную очередь по защитникам баррикады. Я сидел на корточках за парашютом высотой около 0,5 метра. Очередь прошла над самой головой, сбив ветки небольшой сосны. В стену здания ВС она ударила примерно на такой же высоте и немного ниже.

Кругом стреляли: по зданию и из верхних этажей здания по БТРах. Иногда очереди из БТРов били и в нашу сторону.

Я лежал на животе. Когда оглянулся, увидел убитых. Один лежал головой в сторону баррикады, часть черепа у него была снесена, и виднелись мозги. Другой лежал на спине. Третий мой хороший знакомый Дмитрий Фадеев также лежал на спине, из его рта выступила пена. Его мотоциклетный шлем старого образца валялся в стороне. Недалеко лежал еще один товарищ по отряду. Он держался рукой за лицо (ранение в области левого глаза), ранило его и в правую ногу.

В стоявший недалеко небольшой самосвал вскочил кто-то из казаков и подал его задней стенкой в наш угол. «Давайте раненых», — закричал он. Но поднимать раненых в кузов было тяжело. Самосвал уехал, а раненых мы потащили в 8-й подъезд. Там же и укрылись большинство из защитников баррикады.

Я и еще один из стоявших на баррикадах остались снаружи, считая, что здание ВС не даст нам защиты, это будет ловушка, где всех переколотят.

После этого я был просто зрителем боя. Сплошной грохот, очень интенсивный, продолжался до 10.00. Затем очереди стали реже. Били из пулеметов, пушек, автоматов. Слышались одиночные то ли пистолетные, то ли ружейные выстрелы, большей частью со стороны прилегающего сквера (*огонь по безоружным людям из детского парка вели «Бейтар» и ВВ МВД генерала Романова — Авт.*). Танки и БТРы били от меня на

расстоянии около 10-15 метров. Окна были пробиты, сверху полилась вода — очевидно, из пробитой системы отопления. Лежавшие невдалеке трупы покрылись осыпавшейся от выстрелов облицовкой здания.

В 12.00 послышались призывы к защитникам «Белого дома» выйти с поднятыми руками, **им обещали сохранить жизнь**. В мегафон кто-то из милиции призывал: **«Наши! Наши! Прекратите огонь. На БТРах — прекратите огонь.** С 12.00 до 12.30 огня не будет, выходите сдаваться». Его не слушали (а может, **и не слышали**). **И стрельба продолжалась.**

Затем я помогал выносить раненых с площади перед зданием ВС. Это было трудно, ведь стрельба не прекращалась. Но ни защитники здания, ни танкисты (!?) не стреляли в собиравших раненых. Раненые были и у танкистов. На площади было много убитых из тех, кто пришел на баррикады или жил в палатках у здания ВС. Среди них были и молодые женщины. Одна лежала с лицом, ставшим сплошной кровавой маской». (Конец цитаты.)

Расстрел восточных баррикад (атака БТРов в направлении 20-го подъезда).

Показания одного из командиров казачьего батальона — Волкова (рукопись его показаний может быть передана добросовестным следственным органам):

«Утром я находился в бункере (спал). Незадолго до 7 часов утра объявили тревогу. Я выбежал из бункера. Из жилого дома № 5, что находился напротив торца Дома Советов по переулку Глубокий, в направлении 8-го подъезда (точнее — по спортзалу) и по нам стрелял автоматчик...

Я проследовал от бункера мимо 20-го подъезда на переднюю часть Горбатого моста. Примерно в 7.00 — 7.05 к баррикаде подъехала БМП (БМП-2). Ствол ее пушки был опущен, дораздвинув плиты БМП остановилась (люди со стороны стадиона утверждают, что был открыт люк механика-водителя и в нем торчала его голова).

БМП стояла около 3-5 минут рядом с нашими людьми, не подавая никаких признаков того, что через мгновение боевая машина пойдет утюжить баррикады. В это время еще две БМП (*скорее всего, это были БТРы Таманской дивизии — Авт.*) выползли к гостинице «Мир» со стороны Садового кольца по Большому Девятинскому переулку. Недалеко от них выскочили солдаты.

Примерно в 7.10-7.15 БМП резко пошла на баррикады и пробила проход. Ее экипаж через бойницы сразу открыл огонь на поражение с обоих бортов. За ней через баррикады прорвались 5 или 6 БТР, также ведя интенсивный огонь на поражение из всех видов оружия.

С позиции «2» у Горбатого моста парень из Загорска в последние 3 БТРа успел кинуть бутылки с бензином: одна перелетела через БТР, вторая попала на броню машины со стороны здания Верховного Совета (этот БТР, уезжая с площади, горел), третья упала перед БТРом. Еще одна бутылка была кем-то брошена в последний БТР из лесочка перед зданием Верховного Совета, но не попала в него.

Я соскочил с моста и расположился в яме у Горбатого моста перед баррикадой и приготовился бросать бутылки. На позиции «2» (у середины моста со стороны Дома Советов) люди тоже были готовы бросать бутылки с бензином — больше никакого оружия у нас не было. Мы ожидали повторного захода.

В это время две БМП выползли поближе к гостинице «Мир», но к баррикаде не поехали и остановились вне досягаемости броска бутылок с бензином. Люди укрылись в яме перед мостом.

Когда я обратил внимание на 2 БМП у гостиницы «Мир», цепь автоматчиков уже перебежками продвигалась от посольства США к стадиону и баррикаде (*позиция «3» — от стены американского посольства на пересечении Конюшковской улицы и Большого Девятинского переулка — Авт.*). Я командовал, чтобы люди укрылись в 20-м подъезде «Белого дома».

В этот момент часть людей огнем была отсечена у памятника, по площади велся плотный автоматный обстрел.

Я двигался по пути «4» через позицию «2» у моста, где ко мне и присоединился парень из Загорска. Под огнем мы залегли...

В какую-то минутную паузу мы вдвоем выскочили на площадь, но прицельный огонь по площади заставил нас залечь за столбом, так как интенсивная стрельба по нам велась практически в упор — с территории стадиона и со стороны памятника.

В первую же паузу мы вскочили и побежали к 20-му подъезду. В этот момент меня ранило в правую ногу. Сперва я подумал, что пуля только чиркнула по ноге и содрала кожу. Под очередями мы спрятались за стоявшей около 20-го подъезда (*ближе к 19-му. — Авт.*) легковой машиной. Моя брючина была в крови. За машиной лежал еще один баррикадник. Я удивился, что дырок от пули в штанине нет (просто в горячах не разглядел — это я уже обнаружил дома, так как даже в пункте медицинской помощи, где мне сделали потом перевязку, я не разглядел

сквозного ранения).

В коротких паузах во время обстрела я обратился к своим двум товарищам:

— Ныряем в 20-й подъезд!

Парень из Загорска ответил:

— Беги в санбат, а я чуть позже.

Я вбежал в подъезд.

Когда мы еще лежали за машиной, я видел около 40-50 человек (мое теперешнее представление), лежащих на площади и по ее краям. Потом я встретил одного (Сергея), который был среди этих лежащих. Он говорил, что там было много убитых и раненых.»

(Конец цитаты.)

Внутри «Белого дома»

...В это время мы продолжали обход «Белого дома» с приказом Руцкого о вертолетах. По дороге на залитых светом и полностью прозрачных лестничных маршах мы встретили 5 или 6 «барсов» на позиции в лестничном холле пятого этажа. Их командир В. Жак также неожиданно признал в моих спутниках своих старых сослуживцев. Встретившись через несколько лет разлуки, они даже не успели толком поздороваться.

Поразило, что, стоя на самом виду за стеклянной стеной, они загоразивались каким-то легкомысленным стульчиком, 4-го октября за людьми в комнатах «Белого дома», пытавшимися передвигаться по лестницам через огромные окна снайперы-наемники открыли настоящую охоту. Все лестницы «Белого дома» простреливались. О том, как это происходило, лучше всего свидетельствует один эпизод. Когда Руцкой посылал офицеров с приказом: «Огонь не открывать!», их отстреливали одного за другим. Побежал первый — упал на пол, простреленный снайпером. Побежал второй — и тоже был убит.

Как старший и наиболее опытный в этом секторе обороны, командир группы «барсов» сказал, что он проконтролирует выполнение приказа о вертолетах. Держа наперевес десантный автомат, озабоченно спросил нас: «Будете возвращаться этой дорогой?» Мы ответили: «Этой!».

Тогда он попросил: «Когда будете подниматься обратно, обязательно крикните и не забудьте предупредить нас. Штурм ведь, так

что предупредите обязательно, а то откроем по вам огонь!»

В 17 часов 4-го октября он вышел вместе со всеми депутатами под гарантии «Альфы» на парадное крыльцо «Белого дома». В сумерках он смог успешно вывести в город по Краснопресненской набережной группу женщин и мужчин. Из тех, кто уходил по набережной, только его немногочисленной группе и удалось миновать ожидавшие их для расправы засады в окрестных домах.

Когда позднее «барсы» отошли поближе к нашему «начальствующему» закутку, один из них вспомнил про забытые на позиции кроссовки. Заявил, что штурмующим «Белый дом» их не оставит, и вынес кроссовки из-под огня. «Барсы» были серьезны, понимая что приходит конец. Они уже отчетливо осознали, что пленных брать никто не будет, по вискам у них струился пот. Наученные в Вендорах, они рассчитывали только на себя и свои автоматы.

Бой в парадном холле.

После нашего ухода основной бой велся в районе парадной лестницы, где на помощь группе Макашова подошла группа «барсов», прорвавшихся к нам в «Белый дом» 3-го октября.

Приведу полное описание их действий со слов непосредственного участника (с разрешения составителей использованы материалы свидетельств).

Майор Гусев:

...Расставляю ребят на посты — часть на парадной лестнице, часть на балкон, перекрывая перекрестным огнем зал холла. Трифон и Димыч занимают аварийный выход — узкую лестницу, наш последний путь отхода наверх. Еще двое уходят перекрывать коридор со стороны 20 подъезда. А мы с Чигой, поскольку имеем стволы 7,62, спускаемся вниз, в холл, встречать бронетехнику. Не исключено, что противник попытается прорваться на первый этаж под прикрытием БТРов, используя их в качестве тарана, и вот тут-то мы их и встретим. Это не настолько наивно, как кажется. По опыту знаем, что, стреляя в упор в борт, между колесами БТРа, есть шанс пробить броню, заклинить башню, разбить оптику. Жаль, что нет противотанковых гранатометов, всех этих «Мух», «Ос», РПГ. Со мной увязывается какой-то мужик:

— Разрешите командир?

— Ты же без оружия.

— На, смотри! — Показывает бутылку «молоотовского коктейля» с приклеенной к ней запальной спичкой. — Сунутся — пожжем!

— Ладно, давай, — Не хочется объяснять ему, что в случае атаки нам, пожалуй, с первого этажа не выбраться. Напоследок еще раз торопливо втолковываю ребятам: держаться подальше от окон, пока целы стекла (от взрыва стеклянные осколки режут хлеще стальных), огонь вести только наверняка, одиночными выстрелами, из глубины помещений...

Скатываюсь на первый этаж, в холл. Чига уже устроился с другой стороны лестницы за колонной. Следую его примеру и, подтащив за широкую, отделанную мрамором бетонную колонну кресло, пристраиваюсь поудобнее. Начинается самое неприятное: ожидание неизбежной атаки. На душе тягостно — ведь не в душманов, не в румын сейчас придется стрелять, а в своих же, пусть одурманенных, но русских людей, которых политические амбиции нескольких сволочей кинули под пули. Автоматно-пулеметная трескотня начинает нарастать, уже отчетливо слышны выстрелы 30-мм пушек БМП.

Перебежкой достигаю окна и, сдвинув жалюзи, осторожно выглядываю на улицу. В такие минуты жалеешь, что глаза у тебя устроены не как у краба, вместе с глазами и полбашки приходится высовывать.

Время тянется как хорошая резина — медленно и упруго. Сверху по лестнице, ко мне скатывается Калуга.

— Михалыч, я с тобой... Как ты есть мой боевой командир и учитель, я теперь от тебя ни на шаг.

Калуга безнадежен — уже успел где-то перехватить. Но ругаться с ним бессмысленно, он такой, какой есть. Как-то спяну даже среди бела дня откликнулся на предложение полицаев с правого берега Днестра «дать банку» — переплыл реку, навел среди ОПОНовцев шороху: «Я, — говорит, — ефрейтор ВДВ, для вас все равно, что полковник полиции!» Те славно его наугошали и под руки спустили обратно к реке, ногами он уже не шел. Как доплыл до середины реки, где мы его подобрали, и сам не помнит. Однако, перед тем, как окончательно вырубиться, успел довольно толково обрисовать расположение полицейского поста и схему их обороны. — Ладно, сиди не рыпайся!

Калуга пристраивается рядом, прикуривает. Слева от нас, у входа в коридор к почтовому отделению толпятся какие-то милиционеры без оружия. Опасливо поглядывают на окна, по одному уныривают в боковой проход. После них остается несколько шинелей на вешалке и пара бронежилетов на стойке раздевалки. Беру один из них — легкий,

поддеваю под куртку. От пули, конечно, не защитит, однако я больше боюсь осколков и стекла.

По внутренней трансляции разносится громкий призыв: «Депутатам съезда и сотрудникам аппарата собраться в зале заседаний Совета национальностей!» Сзади, за лестницей, начинают перебегать какие-то штатские, женщины, мелькает несколько корреспондентов. И тут — ш-ших! — со стороны, где сидит Чига, от огромного стекла фонтанчиком брызжет стеклянная пыль. — Пригнись, снайпер! — кричит Чига.

Какой, к черту, снайпер! Явно короткая очередь. Пригибаясь, перебегаю к нему, подбираюсь к простреленному окну. На секунду привстаю, сквозь двойное остекление совмещаю пробоины — так и есть, это ударила от моста БРДМка короткой очередью. Четыре пули высоко прошли по потолку, ушли в заднюю стену.

Бездарно стреляет. Сильно хочется пить. Калуга, подхватив электрочайник без шнура, уходит за водой. Напиться не успеваем. Танки!

Они выползают один за другим — покачивая толстенными бревнами пушек. Кажется, «72-ки» или «80-ки»... 125 мм. Серьезный аргумент. Выстраиваются: 5 на набережной, еще 4 или 5 на мосту. — Гляди, народ!

Точно. Мост заполняется так же, как вчера, огромной толпой. Нам на выручку? Видно, как маленькие фигурки облепляют танки. Неужели Москва поднялась?

Неизвестно, ничего неизвестно. Толпа на мосту застывает и в нашу сторону не идет, в ней нет вчерашнего напора. А стрельба ни на минуту не стихает.

Прямо перед нами, на площадке перед подъездом — группа человек десять. Пригибаясь, прикрываясь на открытых местах милицейскими щитами от танковых пушек, перебегают за балюстраду. Стреляют куда-то вправо, в сторону здания у 8-го подъезда. Оттуда острыми искрами приходят ответные трассирующие пули.

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. Танки Кантемировской дивизии на Кутузовском проспекте}

Тьфу, «рембы» чертовы! Без толку только патроны жгут! — орет Чига.

Я полностью с ним солидарен — устроили «Зарницу» из боя.

Наконец, то ли расстреляв патроны, то ли поняв глупость своего положения, все невредимые, слава Богу, убираются куда-то в дом.

Первым начал стрелять с моста левый танк, из крупнокалиберного зенитного пулемета «Утес», очередь ушла куда-то в верхние этажи (*бортовые номера танков, стрелявших с Калининского моста, включая 5-й, находившийся на мосту в резерве, установлены: 148, 187, 348. 350 и 376. — Авт.*).

«Товарищи, на подходе к нам вертолеты с помощью! Держитесь! По вертолетам не стрелять!» — ревет голос трансляции сквозь уже непрерывный автоматный лай.

Вертолеты! Это дело! Вертушки с десантом, да еще если с «НУРСами», «ПТУРСами», пушками — да они все эти танки, всю эту расстреливающую нас ельциноидную кодлу просто в пух разнесут.

Настроение подскакивает на порядок. Если «вертушки» — значит, с нами армия! Краем глаза улавливаю вспышку и серое облако дыма, рванувшееся из ствола левого танка на набережной, и, не отдавая отчета, машинально впечатываюсь спиной в мрамор колонны.

Ба-дах!!! Выстрел и разрыв сливаются в один сплошной гул. Рвет барабанные перепонки, ударом встряхивает вместе со зданием все тело. Летят стекла. Бурое облако сгоревшей взрывчатки и бетонной пыли окутывает все вокруг. Ого! Начали, мать их... Надо бы засечь время, да нет часов.

— Как вы там, все живы?

В ответ сверху испуганно-удивленно-радостно:

— Порядок!

Вроде серьезно никого не зацепило. Но, видимо, это только начало — дело еще будет. То ли кумулятивный, то ли снаряд объемного взрыва рванул как раз на стыке окон второго этажа и кумулятивная струя вспорола только фигурные опоры балюстрады балкона. Теперь такие же снаряды будут срабатывать уже внутри здания, то есть среди нас.

Снова вспышка танкового выстрела. Мы шарахаемся за колонны, но снаряд взрывается где-то значительно выше, в районе 7-8-го этажей.

И тут мы слышим сквозь стрельбу: на мосту толпа начинает скандировать: «Позор! Позор!» (*Замечу, что именно тогда возникла угроза отвода батальона Таманской дивизии и других войск МО от Дома Советов под предлогом, что бронетехника не обеспечена горючим и достаточным количеством боеприпасов. Ситуацию «спас» генерал-полковник Чуранов Владимир Тимофеевич, который срочно подвез и лично проконтролировал заправку танков сводной роты и бронетехники*

дизельным топливом. — Авт.).

Людей оттесняют вниз на набережную, они затапливают весь берег, окружая стоящую там бронетехнику. Это страшная какая-то провокация. Не дай Бог кто-то из наших даст очередь по танкам — положит рикошетом массу людей.

С очищенного моста начинают методично бить танки, неторопливо вгоняя снаряды в тело дома. Сверху непрерывным потоком летят стекла. Ясно, что атаки в нашем направлении сейчас не будет, и мы с Чигой поднимаемся на второй этаж. С трудом перебираемся через заваленную стульями лестницу. Балкон пуст — ребята оттянулись за колонны, лежат за парашютами парадной лестницы. За крайней колонной в кресле с невозмутимым видом сидит Макашов. Укрытие у него так себе: если рванет танковый снаряд, осколками достанет всех, но Альберт Михайлович категорически отказывается уйти в более безопасное место.

Стрельба на минуту стихает. Пригибаясь, пробираюсь к окну. На полу, припорошенном бетонной крошкой, обломки стены, потерянные кем-то резиновая палка и курительная трубка. Подбираю палку, трубку в карман — может, хозяин объявится.

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. Танки Кантемировской дивизии ведут огонь по «Белому дому» с набережной Тараса Шевченко.}

Выглядываю в окно. Танки на мосту молчат, их обтекает толпа народа, идущая в нашу сторону. Наши? Но над ними только власовские триколоры — «Дерьмократы», мать их за ногу... потому и пропустили их. Нам только этого не хватало — не стрелять же в этих дураков!

Вновь взрыв пальбы у мэрии. В кармане заместителя Макашова пищит «уоки-токи» — наши отходят: оборонять СЭВ больше нет возможности. Что же там происходит?

Опять подбираюсь к окну, стараясь не думать о снайперах и танковых пушках. Но танки молчат — там, на мосту что-то происходит. Танки разворачиваются к нам задом, стволами в глубину Кутузовского проспекта. Неужели нам подмога?

— Не стрелять! Вертолеты! «Вертушки» идут! — дублируя приказ, по подъезду разносятся радостные крики: — Наши идут!

Пара «Ми-24» с подвешенными блоками «НУРСов». Ну, сейчас они врежут! Вертолеты закладывают над домом вираж и... мимо уходят

куда-то в сторону Киевского вокзала. Что они — ослепли, что ли?! Следом, ревя, проходит вторая пара и тоже улетает вдаль. Все. Танки опять упирают в нас свои бронированные лбы. Все. Помощи не будет...

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. «Белый дом» горит в результате прямых попаданий танковых снарядов.}

Но мы держимся, сцепив зубы, перевязывая раненых, ни на что больше не надеясь.

Обхожу своих. Трифон с Димычем сидят на пожарной лестнице, щупают стволами уходящий вниз пролет. Раздобыли где-то еще по паре магазинов — и довольны. Впрочем, у меня самого оттягивает карман пара пригоршней патронов, и еще один магазин под ремнем брюк. Окно пожарного входа глядит во внутренний дворик, а там, как ни странно, мирно пытит дизелек, стоит зеленая будка армейской радиостанции. Из нее выходит солдатик, не обращая внимания на сплошной стеклопад вокруг, закуривает, постояв минутку возле колеса, и деловито лезет назад в свою будочку.

Раньше не приходилось видеть действие пуль на такие толстые стекла. В Вендорах по горсовету, в схожих обстоятельствах при штурме здания румынами, тоже били танки и пулеметы, однако там стекла вылетали сразу, через полчаса их не было уже ни в одном окне. Другое дело здесь: от первых пробоин даже крупнокалиберными пулями стекло сперва покрывается сыпью молочных трещинок, откольными пробоинами, но стоит. Стоит прочно, пока коррозия трещин не разест его до какого-то предела, — и затем разом ухает во двор, взрываясь на земле фонтаном белой пыли и льдистым градом крупных осколков.

Взрыв оглушительной стрельбы в коридоре. Срывая с плеча автомат, выскакиваю в его черную пасть. Щупаю стволом пустоту, обдирая плечо о стену, бегу туда, где захлебывается непрерывным лаем наш пулемет, строчат автоматы и, перекрывая их, порой так же густо несется матерщина.

— Чего тут?

— Пытались прорваться. Атаковали прямо по коридору, со стороны 20-го подъезда.

— Кто, ОМОН?

— Не поймешь в темноте...

Прижимаясь к стене, подбираюсь к изгибу коридора, где лежит наш заслон. Дьявол! Ни баррикады, ни укрытия, катанут по коридору

одну «лимонку» — порубят осколками всех. Однако вместо гранаты из темноты крик:

— Эй там, не стреляйте! Мы и не стреляем — патроны приходится беречь. Отвечаем:

— Чего надо?

— Слышь, дайте раненых забрать. Раненых!

— Хрен с вами, забирайте.

— А вы стрелять не будете?

— Дурак! Мы же русские офицеры, слово даем! Забирай! Только вот что, чтоб без дураков! По двое, без оружия! Если какую подлянку задумаете, всех положим!

В коридоре на миг напряженная тишина. Слышно, как шипит сквозь зубы наш пулеметчик (пуля, щелкнув в магазин его РПК рикошетом прошла руку). Но от пулемета он не отходит — вдруг какая неожиданность.

— Ну что, будете своих забирать?

— Да!

— Первые двое, пошли!

В коридоре торопливые шаги, возня, сжатые стоны. Кого-то уволокают... Второго, третьего... Четвертый почти не стонет.

Ну какие же сволочи кинули этих ребят — русских на русские пули. Наш пулеметчик шипит:

— Я по ногам старался... Ну, сволочи, срок придет — всем воздается по делам их.

— Ну, всех вытащили? — в ответ автоматная очередь искрами хлещет по бетону торцевой стены. Коротко и понятно... Но повторно атаковать не рискуют — обожглись. Пулеметчик просит замену: значит, не так уж легко зацепило. Похоже у парня задета кость. Выхожу из коридора и первое, что вижу, — прямо напротив его черного зева, в кресле за колонной устроился Макашов. Сидит без бронежилета, спокойный и даже какой-то сонный.

— Товарищ генерал, уйдите отсюда, пожалуйста, здесь опасно! Удивленно вскидывает на меня глаза.

— Альберт Михайлович, ведь, не дай Бог, прорвутся, первая очередь — ваша. В ответ совершенно невозмутимо:

— А вы их не пропускайте... Ну что с ним делать?!

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. Калининский мост.}

На улице какое-то затишье. От колонны к колонне пробираюсь к окну. БТРы на нашей стороне реки — в ста пятидесяти метрах от подъезда окружены плотной массой людей. Танки больше не стреляют, хотя стрельба у 8-го и 20-го подъездов не стихает. По ступенькам поднимаются какие-то штатские, пригибаются, опасно косятся на окна. Куда дураков несет?

— Начались переговоры...

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. С Калининского моста танки ведут огонь по обитателям Дома Советов.}

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. На уцелевших после разрывов боевых снарядов перекрытиях внутри «Белого дома» журналисты обнаружили кровь.}

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. Все, что осталось от внутренних помещений «Белого дома» и их обитателей после разрывов танковых «болванок».}

Какие переговоры? С кем и кто ведет? Ничего не ясно. Толпа на ступенях все увеличивается. Хоть не стреляют, и то хорошо. Откуда-то приносят мегафон. Устанавливаем его в разбитом окне. Мегафон сипит, свистит, приноровиться к нему довольно сложно. По очереди берем микрофон; если нельзя стрелять, надо говорить, и перекрывая грохот стрельбы на флангах:

— Москвичи! Слушайте слова защитников Верховного Совета! 70 лет назад «Аврора» холостым выстрелом возвестила о приходе к власти *диктатуры* пролетариата! Сейчас на ваших глазах танки Ельцина боевыми снарядами возвещают приход к власти *такой диктатуры*, по сравнению с которой померкнет все, что было...

Микрофон переходит из рук в руки. Мы торопимся успеть высказать все, что накопело в наших душах:

— Солдаты! Вы, предавшие Конституцию, вы, ставшие иудами своего народа, своего Отечества, помните: тридцать сребреников, которые швырнут вам американские холуи за вашу палаческую работу, прожгут вам руки! Опомнитесь, не будьте убийцами! Правда на нашей

стороне!

А за нашими спинами все прибывает и прибывает народ — это отходят безоружные из боковых проходов и крыльев здания, отжимаемые штурмующими войсками. Цокольный этаж в их руках. Первый — нейтральная полоса... Безоружные, женщины, дети... Откуда-то очень много детей. Почему они здесь?! Страшно подумать: если ворвутся автоматчики, покосят всех. Если возобновится танковый обстрел, здесь будет месиво...

И тут же тревожную новость приносит один из бородачей: — Михалыч, они нам в тыл вышли!

Черт, какой здесь тыл может быть? Торопливо идем в черноту коридора. Вслушаюсь. Точно, за опечатанной дверью в какой-то кабинет, выходящей прямо в спину нашему заслону в коридоре, торопливый шорох, сдержанный шепот. Что делать? Как они вообще туда проникли? Не иначе как по карнизу. Мгновение на раздумье — и вот оно решение, возможно, единственное в данной ситуации. Громко, чтобы слышали те, за дверью, команду:

— Если начнут стрелять или вышибать двери, взрывай!

— Как? — в темноте моих знаков не видно, и в голосе казака растерянность: у нас же нет ни мин, ни взрывчатки, ни даже гранат!

— Сразу! — беспеллационно приказываю я, лоя в темноте его руку. До него доходит, и он подыгрывает:

— А как же мы?

— Все равно нам терять нечего. Рви сразу!

— Есть! — громко выкрикивает он.

Мы настороженно вслушиваемся, но с той стороны двери уже не слышно ни звука — тишина могильная. Кажется, сработало! (Действительно, до конца штурма те сидели тихо, как мышки — ни одного выстрела, ни одного удара в дверь. Потом даже переговаривались с нашими, но никакого движения!)

Выхожу обратно в холл. Там оживление — справа от лестницы появилось новое действующее лицо: парламентар от парашютистов. Капитан — весь как на пружинах, тяжеленный бронезилет, чумовой блеск в глазах, не стоит, гарцует, вызывая, по-хозяйски покрикивает:

— Кто здесь старший, а ну ко мне!

Парни упирают ему в бронезилет автоматы:

— Клади оружие!

На парапет балкона ложатся ПМ и здоровенный газовый

револьвер «Айсберг». Капитан, не сбавляя пыла, покрикивает грозным голосом, а от самого прет, как от пивной бочки. Макашов даже не стал с ним разговаривать — только взглянул и отошел, чтоб не терять время зря. Капитана в оборот берут наши автоматчики, Крестonosец, Саша-морпех... Капитан потихоньку сбавляет тон, разговор почти человеческий:

— Ну не сдайтесь, так давайте хоть женщин выведу.

И тут же в ответ, с балкона 3-го этажа на пределе напряжения, почти истерический женский выкрик:

— Нет! Никуда не пойдем! Капитан ретируется...

Бой боем, но пока затишье, не мешало бы и перекусить. Последний раз мы ели ночью. Поднимаюсь по темным лестницам на 6-й этаж. В коридорах носилки с ранеными, несколько неподвижных фигур укрытых тряпьем с головой, — убитые. По дороге спрашивают о том, что происходит внизу. Отвечаю торопливо, односложно, хотя понимаю, что здесь, на этих черных, расстрелянных танковыми снарядами этажах, люди жаждут информации... И только здесь узнаю, что здание уже давно горит.

На 6-м этаже — змеи раскатанных пожарных шлангов, отчетливый запах гари. Пожар никто не тушит: в системах нет воды, огнетушителей не хватило и на 10 минут, — таких очагов возгорания, выражаясь казенным языком, проектанты никак не предусматривали... В столовой могильная тишина и пустота распахнутых холодильников. И здесь я впервые пожалел, что не имею каски, — сквозь стеклянную крышу столовой каждые тридцать секунд обвалью грохочут стекла. побыстрее ретируюсь: неохота получать на маковку полпуда стекла. Придется подтянуть пояса... (окончание свидетельства майора).

...Многие коридоры и лестницы были перекрыты, и мы изрядно поплутали, прежде чем смогли пройти на балкон 14-го подъезда. Закрытые во многих коридорах стеклянные двери мы вначале не решались трогать и искали проход. Кружа по лестницам, наткнулись на охрану одного из входов в «Белый дом» из подвала. Там дежурили трое мужчин среднего возраста. Дверь в самом низу лестничных маршей на дне своеобразного колодца была надежно забаррикадирована. Безоружные постовые были озабочены лишь одним: эмвэдэшники, подкравшись снизу, могут взорвать эти заграждения и ворваться в здание.

При взгляде на них сверху первая мысль: они стали прямо под бросок гранаты, и в случае прорыва сверху обречены. Чтобы их

уничтожить, достаточно выскочить на эту лестницу любому эмвэдэшнику. Попросили ребят продублировать наше сообщение на всех ближайших постах, расположения которых мы даже не знали.

Многие встречавшиеся по дороге сотрудники «Белого дома» и просто случайные безоружные люди были настроены подняться повыше в кабинеты, надеясь переждать там на рабочих местах окончание штурма. Массовым было представление: когда солдаты увидят сидящих как бы за работой мирных граждан, то не станут их убивать. Тщетные эти надежды погубили потом немало людей, чью участь в огне пожара и под пулями «чистильщиков» просто страшно себе представить. По дороге встречалось и немало людей, которые из-за плотной прицельной стрельбы по нижним этажам просто из соображений безопасности пытались перебраться повыше в «стакан».

Более решительные и настроенные сопротивляться баррикадники тоже должны были постепенно с боем отходить на верхние этажи «стакана». Это было предусмотрено еще первым планом обороны: начиная с 7-го этажа «стакана», из-за меньшего количества лестниц гораздо легче организовать оборону там.

Закончив обход «Белого дома», мы вернулись на 5-й этаж к Ачалову и Руцкому. Первым нас встречал Руцкой. Я кратко доложил ему, что приказ выполнен и посты нами оповещены. Видно было, что он пока еще продолжает серьезно относиться к этим вертолетам. Повторил доклад и появившемуся в дверях Ачалову.

Здесь же мы впервые увидели, как скрупулезно работает служба радиоперехватов Руцкого. Одна радиостанция у них была настроена только на перехват сообщений на частотах атакующих. Сотрудник Руцкого, сидя на корточках, подробно записывал все перехваченные сообщения противной стороны. В эфире для обмана собственных армейцев и обоснования танковой стрельбы штаб атакующих в тот день даже устроил недостойную радиоигру. Они сами себе сообщили, что на крышу «Белого дома» в поддержку парламента высадился воздушный десант с вертолетов (судя по внешнему виду эмвэдэшные вертолеты не были переоборудованы для высадки десанта). Это была чистой воды ложь. Открытым текстом в эфире звучали приказы командиров штурма: «Всех уничтожить!.. Пленных не брать!.. Всех на поражение!.. Уничтожать всех, живыми никого не брать!..»

Бесполезны были многочисленные обращения из «Белого дома», в том числе и священнослужителей, например:

— ...К вам обращается Русской Православной Церкви иеромонах Никон. Прошу вас прекратить огонь! В здании полно женщин и детей. Есть уже десятки погибших. Снайперы бьют по окнам, не жалея никого...

(по стенограмме).

В комнате, выходящей во внутренний двор «Белого дома», расположился пограничник из охраны Руцкого. Туда он попал, выломав дверь. В этой комнате раньше размещалось что-то типа буфета для обслуживания руководства. Офицер совершенно не рисовался, был спокоен и даже весел. По-крестьянски обстоятельно расположился на своей последней огневой позиции. Раскладывая вокруг многочисленные автоматные магазины, приговаривал: «Я этим сукам покажу, как пограницы умирают. Мы их всех здесь положим!» Позднее в этой же комнате депутат Борис Исаков, сняв очки, с глубокомысленным видом примерял противогаз. Кто-то не удержался и иронично заметил за его спиной: «Да, Исаков явно не переживет газовую атаку!»

В этот день наш закуток стал невольным свидетелем последних приготовлений уже простившихся с жизнью офицеров, искренних откровений высокопоставленных лиц государства — Руцкого, Хасбулатова, Баранникова.

Так, когда Хасбулатов обратился с вопросом к Руцкому переходить или нет в безопасный бункер, Руцкой отказался перейти в укрытие: «Зачем? Здесь останемся!».

Охрана Руцкого щедро делилась с нами боеприпасами. Андрей и Вильно с их помощью вооружились до зубов. Стоя в уголке, они деловито набивали автоматные магазины и все свои карманы патронами для заключительного боя — сдаваться никто не собирался!

По оценкам ребят, наиболее подъемно действовал на людей подошедший позднее в закуток Уражцев, наломавший в свое время вместе с демократами изрядное количество антиармейских «дров», за что к которому большинство из нас особых симпатий не испытывало. Заряжая своей решимостью, он передергивал затвор пистолета со словами: «Х.. мы им сдадимся!» Баранников здесь же называл главным исполнителем преступлений Лужкова, утверждая, что все организовывала его мафия. Называл его исключительно: «этот бандит!» Говорил: «Бандита Лужкова надо расстрелять!» Было очевидно, что в бытность свою министром безопасности России он много чего интересного узнал про окружение Ельцина. Позднее, после обхода постов подразделений Русского Национального Единства, к нам поднялся Баркашов. Пытаясь спасти своего вестового, он приказывал ему уйти. Стиснув зубы, парнишка, видимо, впервые в жизни отказывался выполнить приказ:

— Немедленно уходи отсюда!

— Не уйду!

— Приказываю, ... уходи отсюда на х... !..

— Не уйду!..

...Мне удалось опять удобно устроиться на стуле. Ачалов поручил мне присматривать за своим автоматом, с которым ему неловко было находиться в комнате начальства. Во время штурма из парламентского руководства наиболее естественно, и спокойно держался наш шеф — генерал-полковник Владислав Ачалов. Если Руцкой нервно суетился, то Хасбулатов, наоборот, выглядел слегка заторможенным. Генерал-полковника несколько часов настойчиво уговаривали уйти с собой какие-то военные.

Генерал решительно отказывался: «Останусь до конца с депутатами! А если у вас есть совесть, придите нам на помощь!»

Вообще никаких слез или причитаний я ни у кого, даже у женщин, не видел и не слышал. Обреченные люди находили в себе силы еще и шутить. Типичной была одна сценка у наших соседей на 6-м этаже, пересказанная мне ее очевидцами из аппарата РОСа (Российского общенародного союза).

В апартаментах Сергея Бабурина под танковый обстрел попали 6-7 человек, все залегли на полу. После очередного танкового выстрела здание Дома Советов ощутимо сотрясается от разрыва снаряда. Все разговоры между лежащими на полу на минуту затихают. Павлов галантно просит оказавшуюся рядом (под соседним проемом) журналистку Ирину Танееву о какой-то мелкой услуге и обращается к Бабурину:

— Сергей Николаевич, куда бежать и что нам делать, если сейчас снаряд попадет в ваш кабинет?

— Подождать, пока пыль осядет, и тогда действовать по обстановке.

— Сергей Николаевич, а пыль от чего? От нас или..? Журналистка вдогонку:

— А если пыль и будет тем, что от нас останется?

— Ну, тогда, по крайней мере, не будет вопросов, куда бежать.

Подобным образом со специфическими шуточками встречали танковые залпы и многие другие люди.

В какой-то момент атаки было слышно, как Руцкой громко комментировал от окна приемной одно загадочное происшествие.

Звучало примерно следующее: «Смотри, вон на набережной 4 БТРа!.. Видишь, они бьют по этим с тыла!.. Им отвечают, б... Смотри, уходят, уходят!.. Ушли в переулки!»

Как мы теперь выяснили, по БТРа таманцев и десантникам 119-го *пдп* стреляли БТРы МВД генерала Анатолия Романова, снайперы Коржакова и «бейтаровцы», получившие официальный приказ выбивать армейских офицеров и ложное сообщение о переходе на сторону парламента «ачаловского» 119-го полка (*Владислав Ачалов, действительно, когда-то служил в 119-м полку, только не в парашютном, а в танковом. — Авт.*). Командиры штурма сознательно пытались разозлить армейцев.

Из справки ГУКВВ МВД РФ за 4 октября 1993 года:

«В 7.30 сводная рота, разворачиваясь на Краснопресненской набережной, подвергалась обстрелу в течении 40-60 минут из гранатометов и крупнокалиберных пулеметов, в результате чего 2 БТРа (бортовые номера 444 и 450) были подбиты, **3 человека убиты** и 6 ранены.»

Таким образом десантники 119-го *пдп* в долгу не остались и за своих пятерых убитых сожгли два БТР-80 ВВ МВД РФ и положили троих эмвэдэшников (заместителя командира полка ОМСДОН п.п-к. А. Савченко, возможно — заместителя комбата С. Грицюка.), хотя сомнительную эту славу «МК» и приписал группе «А» и «Вымпел» (*офицеры «Вымпела» лишь отстрелили из гранатомета одно колесо у этого «взбесившегося» БТРа, который неосмотрительно отъехал от них к месту сосредоточения 119-го пдп. — Авт.*)

Вскоре с задания пришел Григорий и сказал, что мне ведено спуститься в комнату разведчиков на 2-м этаже. Насиженный стул покидать не хотелось, но после краткой перепалки пришлось спуститься вниз.

В комнате меня ждал другой ачаловский завсегдаитый подземелий. Он сообщил, что у них приказ Ачалова спешно сформировать группу. Нужно с важным гражданским гостем прорваться к подземному коллектору и через подземные коммуникации выйти с ним в город. Идти предстоит с грузом. При формировании группы в ее состав разрешено брать любых ребят из штаба. В заключение он сказал, что в числе других они забирают и меня.

Точку в нашем разговоре через несколько минут поставили Андрей и Вильно. Они влетели в комнату вместе с Григорием и рывкнули на меня, что приказы не обсуждаются, что я задаю много вопросов и

долго копаюсь. Андрей сказал, что Ачалов нас благословил на прорыв и пожелал удачи. На прощание Владислав Алексеевич крепко обнял Григория и сам проводил ребят до лестницы 5-го этажа. На мой вопрос о Дмитриии последовал ответ, что его на месте не было, а наше время и так уже все давно вышло, и любое промедление обрекает группу на неудачу.

Прорыв к подземному коллектору

Под командой Григория мы спешно двинулись по коридору к 24-му подъезду. Перед нами была набережная и съезд по пандусу к мэрии и Калининскому мосту. Выбежав отсюда на улицу, мы оказались бы перед БТРами и БМП, как на ладони. Они дружно гвоздили по дому, а одна бронемашина редела буквально в двух шагах от нас то ли прямо под пандусом, то ли в нескольких метрах за ближайшим углом «Белого дома». Постовой милиционер сказал, что мы с ума сошли, если хотим под таким огнем выскочить на улицу. Показал рукой на три трупа баррикадников, лежащих прямо перед нами на пандусе. Ребята те стояли на посту на улице со стороны набережной и не успели добежать до нашего подъезда, как были в спину расстреляны из крупнокалиберных пулеметов БТРов Котенева.

Мы повернули обратно. Григорий сказал, что к нашей цели ближе всего можно было попасть из 24-го подъезда. Теперь же придется проделать под огнем гораздо более длинный путь.

Перешли в 20-й подъезд. На полу залегло около сотни безоружных баррикадников, казаков и раненых, на всех было всего два автомата.

Вскоре стало ясно, что нам предстояло обогнуть «Белый дом» со стороны этого подъезда в зоне прямого обстрела многочисленных БТРов. Из здания было видно, как они ведут огонь на поражение из своих КПВТ калибра 14,5 мм, часть из которых устроилась практически напротив подъезда и вела обстрел здания. Григорий скрупулезно доложил командиру группы о схеме ведения огня и расположении огневых точек. Никаких снайперов, естественно, видно не было, и в спешке о них я просто не вспомнил. Благодаря такой своевременной забывчивости не было и страха перед этой незримой опасностью. Это добавило решительности в последующих действиях.

Показания раненого Волкова об обстановке в районе 20-го подъезда:

«...После того, как в здании Верховного Совета мне оказали медицинскую помощь, я вернулся к дверям 20-го подъезда и расположился в вестибюле. В этот момент с улицы вбежала молодая женщина и стала просить помочь донести раненого. Пока один из казаков хватал белую тряпку, чтобы выйти с ней из здания, женщина уже выскочила на улицу и ее тут же срезала очередь (огонь был очень интенсивный). Парень из подразделения РНЕ крикнул: «Она, кажется, еще живая!» Женщина лежала плашмя на животе в 2-3 метрах от подъезда, ее левая нога конвульсивно дергалась.

В этот момент из-за легковой машины выскочил парень, но не успел он сделать и двух шагов, как был скошен автоматной очередью. Их было двое. Второй решил перекатом подкатиться к дверям подъезда. Уже у самых дверей, когда он попытался их открыть, его ранило в живот или в спину. Он корчился примерно в 1 метре от двери. Помочь ему под таким огнем было невозможно — обстрел значительно усилился, по людям велся шквальный огонь на поражение». (Конец цитаты.)

...По команде командира группы мы с Андреем первыми выскочили из 20-го подъезда и, пригнувшись, перебежками, что было сил, ринулись вдоль «Белого дома» в сторону мэрии. По левую руку были видны трупы убитых баррикадников. Расстреляли и всех молившихся — они лежали прямо на месте молебна. Мимо головы противно и уже знакомо щелкали пули. По звуку выделялись длинные очереди крупнокалиберных пулеметов БТРов и короткие автоматные. Сзади один раз ухнуло из БМП — то ли сподобились на одиночный выстрел из 30-мм пушки, обещанные на Совете Безопасности БМП-2 ГУВД Москвы Владимира Иосифовича Панкратова, то ли долбануло 73-мм орудие БМП-1 Таманской дивизии. Мы с Андреем одновременно упали на углу «Белого дома» за короткий бордюры эстакады, которая вела от гостиницы «Мир» вдоль торца здания парламента к его 24-му подъезду.

Прямо перед нами виднелся Горбатый мост. На остатках баррикад убитые, развороченные очередями люди. Это были безоружные горожане, пытавшиеся укрыться от огня под мостом и в его окрестностях. Еще в начале атаки 5 БТРов проутюжили колесами и огнем 10 пулеметов (штатное вооружение любого БТР — 2 пулемета: один крупнокалиберный КПВТ калибра 14,5 мм и второй — 7,62-мм пулемет Калашникова танковый — ПКТ) кровавую дорожку между западной и восточной баррикадами, атаковав вплотную с 8-м и 20-м подъездами. Один из этих БТРов подошел к мосту и в упор расстрелял из крупнокалиберного пулемета всех спрятавшихся там людей. Возможно,

что именно он вместе с другими бронетранспортерами бил нам в спину со стороны 8-го подъезда. На всем нашем пути убитых было много, все без оружия.

Андрей стал считать БТРы, потом лишь присвистнул и выругался. Только со стороны американского посольства (с Девятинского переулка ближе к Конюшковской улице) метров со 100 от нас стреляли 3 БТРа, еще одна группа из 3 БТРов вела огонь на расстоянии менее 60-100 метров со склона Дружинниковской улицы — района расстрелянной Казачьей заставы. Один БТР стрелял из-за памятника. За каждым БТРом — по 10-20 человек, стрелявших из автоматов короткими очередями. Автоматчики, уже досыта вкусившие крови, явно обалдели от нашей наглости и перенесли на нас огонь с некоторым опозданием. После дерзкой перебежки особенно пристальное внимание нам уделили пулеметчики КПВТ 3 БТРов с Девятинского переулка. Пули цокали по нашему бордюрику и асфальтовой дорожке. На глазах, как в замедленном кино, из одного лежавшего навзничь человека пули вырвали ключья, его тело лишь немного дернулось. Они били на поражение по всем без исключения — по убитым, раненым и по еще живым.

На углу «Белого дома» под этими очередями пытался вжаться в асфальт испуганный юноша-баррикадник, чуть дальше от него (по торцу «Белого дома») залегли прямо на асфальте еще два человека. Андрей успел крикнуть парню, чтобы тот поскорее заползал под бордюр и взял в руки какую-нибудь белую тряпку. Оружия у них, естественно, не было. В свете всего последующего думаю, что никакая белая тряпка ребят, конечно же, не спасла, и этих оставшихся лежать на самом виду совершенно беззащитных людей вскоре убили озверевшие стрелки.

То, что наш рывок переключил внимание этой роты пьяных автоматчиков (*4-я, 5-я, 6-я роты 2-го батальона, саперная или разведрота 119 пдп. — Ред.*) на угол здания, куда они поспешили перенести огонь, слегка облегчило, а может быть, наоборот, затруднило задачу нашим товарищам. Через какие-то секунды рядом с нами один за другим на тротуар попадали заметно запыхавшиеся все остальные офицеры нашей группы. Никого из них не задело.

По следующей команде мы с Андреем чуть ли не ползком обогнули край бордюра, мгновенно рывком перебежали через дорожку и кульбитом, держась с двух сторон за ручки тяжелой сумки, перекинулись через второй бордюр. Он выходил прямо на мэрию, окаймляя заросли кустов и достаточно густых деревьев. За шиворот и на плечи сыпались отстреливаемые веточки, труха и отбитые пулями ошметки стволов. Деревья и кустарник тряслись словно во время сильного ветра; заросли

издавали непрерывный шелест, хотя никакого ветра не было и в помине.

Один за другим в эти заросли свалились и все наши товарищи. Лично для меня это испытание было все равно, что игра в русскую рулетку, и я не переставал удивляться спокойствию наших обстрелянных проводников. Конечного пункта нашего забега я точно не знал и каждый раз вынужден был ориентироваться на достижение конкретной цели. Ее указывал старший группы непосредственно перед очередной командой на перебежку.

По зарослям мы уже более спокойно продвинулись на 50-60 метров вдоль торца «Белого дома» в сторону набережной, чуть-чуть не доходя до 24-го подъезда. Оттуда на глубине примерно двадцати метров от нас в сторону мэрии, в прогалинке, на виду у еще одной группы стреляющих от мэрии БТРов и десантников 1-го и 3-го батальонов 119-го полка на крышке квадратной вентиляционной решетки полулежал разведчик-спелеолог.

Опять по команде перебежками подлетели к этой решетке. Это был вход в вентиляционную шахту. Постовой кратко доложил командиру группы обстановку и сообщил о последних подземных ходах. Затем мы стремительно один за другим запрыгнули в шахту и спустились вниз по лестнице.

Дальше начинались знаменитые «заминированные» ходы подземного коллектора, ведущего отсюда в сторону Плющихи и далее в сторону Новодевичьего монастыря.

У нас на всех в этой крошечной тьме было два фонаря и несколько зажигалок. Мы уходили вдоль подземных коммуникаций горячего водоснабжения — уходили, чтобы потом вернуться. Окончательно наша группа — четыре человека генерал-полковника Ачалова — покинула «Белый дом» поздно вечером 5 октября. Могу сказать лишь одно: рукописные черновики штаба Ачалова и Макашова, неаккуратно оставленные после перехода штаба к Руцкому, нам удалось найти, вынести и уничтожить. Это была единственная оплошность, допущенная нашим секретариатом. При этом официальные документы с подписью Ачалова, книга выдачи оружия и журнал оперативных донесений были заранее изъяты дежурным офицером и должны были быть уничтожены в момент начала атаки.

Судя по тому, что в прокуратуру за получение оружия никого из штабных не вызывали, получавшие оружие в штабе могут спать спокойно — наши записи уничтожены. В той каше не должны были уцелеть и листы выдачи оружия с боевых постов 8-го и 20-го подъездов, даже если их не успели вовремя сжечь. В руках следственной бригады режима оказались лишь ксерокопии документов начальника Департамента

охраны ВС РФ; журнал выдачи и централизованной передачи нам оружия, да добытые сексотами, внедренными в группу Макашова и РНЕ, ксерокопии двух внутренних «секретных» списков учета вооружений этих подразделений за разные дни, которые на свою беду там негласно завели (к этим документам имел доступ лишь узкий круг лиц из окружения Баркашова и Макашова).

Что же касается окружения Ачалова, прокуратура считает, что поимка его людей поможет обнаружить все исчезнувшие автоматы из тех жалких 74 стволов защитников парламента, точнее — из 62. Они, очевидно, забыли перевести в разряд найденных 12 АКС-74У, которые еще 26-го сентября вывез из «Белого дома» Николай Гончар. Странно, что они не ищут оружие там, где оно должно быть, — у мародеров, штурмовавших российский парламент, и пришедших вслед за ними «бейтаровцев». В одной только Софринской бригаде, заступившей в ночь с 4-го на 5 октября в числе других подразделений МВД (Ленинградский ОМОН, Владимирский ОМОН...) и ВВ на охрану Дома Советов, было изъято 19 «наших» штатных автоматов (официально переданных нам Департаментом охраны ВС РФ).

В настоящее время пройти в «Белый дом» через подземный коллектор не представляется возможным — во время комендантского часа прямо под землей надежно заварили оба сухих коллектора. Теперь вблизи наружной границы охраняемой зоны вокруг расстрелянного здания парламента путь подземным ходам перегораживают две глухие металлические заслонки из толстой стали.

...В подземном коллекторе мы встретили группу из трех человек с командиром-спелеологом из руководства подземных проводников полка Маркова. Услышав шаги нашей группы и, видимо, опасаясь нарваться на случайную пулю, последний залег очень своеобразно — его тело практически повторяло все изгибы труб, на которых он распластался. Пришлось поделиться с ними фонариком.

Все обычные выходы наших разведчиков были уже заблокированы. Прямо над первым выходом садила гулками очередями автоматическая 30 мм пушка БМП-2. Над вторым сидели автоматчики. Похожая картина наблюдалась и в других разведанных ранее выходах из подземного коллектора. Многие выходы были надежно заперты. Идти приходилось по колено в воде, иногда погружаясь по грудь. В нескольких местах, накрыв голову полкой куртки, пересекали участки фонтанирующего во все стороны кипятка.

Когда у последнего разведанного выхода над головой мы обнаружили эмвэдэшников, я выбрал и передал Андрею, а он сжег

наиболее опасные бумаги, особенно те, в которых упоминались фамилии защитников парламента. При свете его зажигалки я быстро просматривал бумаги. Сортировали мы их просто — безобидные оставляли, опасные предавали огню. В числе уничтоженных документов был лист самой первой выдачи оружия с фамилиями и адресами, которая проводилась еще во время первой тревоги и ожидания штурма в ночь с 24-го на 25-ое сентября. Орденские книжки и ордена Ивана, переданные им вместе с личным «макарычем» легендарного Костенко, Григорий пообещал вынести и передать его жене. Их уничтожить не стали...

Дальнейший расстрел парламента восстановлен по стенограммам документов — видеохроники и материалов радиоперехвата, дополненных свидетельствами наших товарищей-очевидцев.

Мы располагаем семью 3-х часовыми кассетами документальных видеоматериалов по событиям 21 сентября — 5 октября 1993 года. Свидетельствами-обвинениями руководителей Калмыкии и Ингушетии Кирсана Илюмжинова и Руслана Душева, побывавших в качестве парламентаров-миротворцев в «Белом доме» с 12.00 до 14.00 4 октября 1993 года.

Обстановка в подвале «Белого дома» и бункере приемной Верховного Совета в первую половину дня 4 октября (до 14.30)

Бункер. Первая половина дня 4 октября.

Свидетельствует начальник штаба Добровольческого полка особого назначения:

«Утром 1 октября министром обороны генерал-полковником Ачаловым я был назначен начальником штаба полка вместо снятого с этой должности полковника Леонида Ключникова, и с этого момента действиями полка вокруг Дома Советов командовал я. Еще предстоит разобраться в причинах снятия Ключникова с должности. Мне было приказано исключить его из списков части. Несмотря на это, я ввел в штат полка должность заместителя командира полка и определил его на эту должность. Он исполнял свои обязанности добросовестно, 4-го октября погиб героически у стен Дома Советов, защищая законную власть.

В бункере по подсчетам штаба и по моей личной оценке было не более 800 человек.

С началом штурма мной и офицерами штаба принимались меры по спасению людей и оказанию помощи раненым. Уже в первые минуты штурма по моему приказу подобрали раненых с площади и доставили их в 20-й подъезд, где был развернут пункт по приему раненых и оказанию им первой медицинской помощи. На площади лежало много убитых и раненых. Попытки вынести их не дали ничего кроме новых жертв. Огонь на поражение из пулеметов открывали даже по санитарам в белых халатах и людям с белыми флажками. По входу в бункер время от времени открывали огонь из БТРов. Рядом со мной было несколько человек, а на лестнице, ведущей вниз, находились в готовности бойцы, вооруженные щитами, дубинками и железными прутьями, с задачей не допустить мгновенного проникновения в бункер штурмующих и дать возможность закрыть его бронированные двери внизу. Это были люди мужественные и готовые на все.

Где-то в девятом часу напротив входа встал БТР и начал в упор стрелять из КПВТ по дверям. Наружные двери были дюралевые и простреливались насквозь. Появились новые раненые. Пули рикошетом гуляли по подъезду. Я приказал закрыть наружные двери, всем спуститься в бункер и закрыть бронированные двери. Через эти двери можно попасть в спортивный зал, находящийся наверху. Там были баркашовцы. Несмотря на возражения многих, я дал команду открыть дверь. Когда ее открыли, к нам прошли более десятка баркашовцев и около двухсот человек защитников.

Баркашовцы доложили, что Приемная Верховного Совета, где мы находились, обложена десантниками со всех сторон (*2-й батальон, саперная рота и разведрота 119-го пдп без бронетехники и БТРы МВД и «Бейтар»*. — Авт.) После этого я убедился в правильности своего решения. К этому времени в бункере находились 6 тяжелораненых (один из которых вскоре скончался; при наличии квалифицированной медпомощи его можно было бы спасти) и более 30 легкораненых.

В бункере горели лампы дежурного освещения. Вентиляция не работала. Я приказал всем сесть на пол и прекратить разговоры. Когда люди сидят, организм меньше тратит энергии, а прекращение разговоров экономит запасы воздуха. В это время медики полка оказывали раненым медпомощь и делали все возможное для спасения тяжелораненых. Они лежали прямо на столах и стульях штаба. Тем временем я со своим штабом принимал решение — как быть? С каждой минутой воздуха оставалось меньше и меньше, становилось жарко, людям старшего поколения уже было плохо.

Разведчики полка хорошо знали подземные ходы. По одному — можно было выйти в Дом Советов, по другому — в тоннель метро, на стадион, в зоопарк и т.д. Второй путь был неприемлем, так как выходы охранялись и там могли всех расстрелять без свидетелей, и проход был очень сложный: нужно было спускаться в темноте 30 метров вниз по крутой лестнице с таким количеством людей, вдобавок с ранеными. Оставался первый вариант — выйти в Дом Советов.

Посчитали его более приемлемым: во-первых, мы там продержимся некоторое время в относительной безопасности; во-вторых, теплилась надежда, что к нам за это время подойдет помощь (ни у кого в голове не укладывалось, что, в основном, все военачальники и офицеры высших штабов — клятвопреступники и трусы); в-третьих, мы там будем на виду у всей страны, и Ельцин не решится уничтожить нас (кому поверили?).

Был еще и такой вариант: открыть наружные двери и сдать. Но мы его сразу исключили: ельциноиды могли ворваться, закидать нас боевыми гранатами, отравить газом или расстрелять без свидетелей. Потом вывезти трупы, тайно уничтожить их или закопать.

Но самое главное — среди защитников не было людей, которые хотели бы вот так просто сдать сволочам-предателям.

Итак, я собрал возле бронированных дверей вооруженных палками бойцов и нескольких баркашовцев с оружием. Кроме того, этот выход охранялся одним из взводов 6-й роты. Приказал приоткрыть дверь так, чтобы туда мог пройти человек (двери открывались и закрывались специальной рукояткой и очень медленно). Сразу подул свежий воздух и людям стало легче дышать. Направил вооруженную разведку. В коридорах подземного городка могли действовать подземные подразделения Москвы (есть такие). Разведка вернулась и доложила, что проход свободен. Из этого прохода отходит много ответвлений. На выходах они тоже охранялись пьяными омонотцами, а с нашей стороны двери были закрыты. Я довел до сведения всех порядок выхода и действий в случае встречи с ельциноидами. Объяснил всем сложность маршрута и порядок взаимодействия (помощи).

Приказал крепким ребятам взять одеяла, положить на них раненых и вынести их в Дом Советов, всем оставить омонотские щиты и дубинки, каски и бронежилеты. Сам встал к дверям и контролировал выполнение приказа. Когда все вышли, дал команду закрыть двери. Сам я вышел последним. В этот момент ко мне прибежал боец и доложил, что голова колонны достигла Дома Советов, там стоят милиционеры (из охраны Верховного Совета) и двери не открывают. Я оставил взвод, поставив им задачу до конца закрыть двери и проконтролировать, чтобы

ни один человек не остался в коридорах перехода, и в случае чего оказать помощь нуждающимся.

Дошел до Дома Советов. Дверь открыли, спросили о раненых. Прибежал врач со своей группой. Всех раненых унесли в 20-й подъезд. Оставил возле двери человека, чтобы он направлял всех на первые три этажа. Сам повел людей на 3-й этаж. Своим помощникам приказал расположить всех в коридорах, где было безопаснее, спустился вниз к выходу из перехода. Мне доложили, что все люди вышли. Милиция закрыла двери. Я пошел наверх и доложил своему начальнику об этом.

Выход из бункера в Дом Советов был осуществлен организованно. Все люди вели себя превосходно и выполняли приказы беспрекословно.

А вот насчет всех «беспорядков» в самом Доме Советов нужно еще разбираться и разбираться. Руководил бы там вместо летчика-генерала Ванька-взводный, может, порядку было бы во много крат больше. Разбираться нужно и в причинах нашего поражения. Считаю, что победа была в наших руках, но нас предали...

О себе: в октябре 1993 года уволен из ВС за несоответствие занимаемой должности по морально-психологическим качествам, за активную политическую деятельность и за участие в вооруженном путче на стороне распущенного президентом Верховного Совета».

Свидетельствует заместитель командира Добровольческого полка:

«...Надо уходить из бункера. Отдраивается дверь подземного перехода. Желаящим раздается хлеб, тот, что привезли 3-го вечером и не успели даже попробовать. Пошли. Впереди девушка-спелеолог, разведка, охрана, затем те, кто несет раненых, женщины, штаб во второй половине колонны. Начальник штаба задраивает за собой дверь и проходит вперед, чтобы возглавить колонну и искать выходы. Первый замкомандира полка остается в конце колонны. Группа верующих нараспев негромко читает молитву «Радуйся, радуйся». Еще совсем недавно два священника и вся эта группа ходили по площади с крестным ходом. И вот уцелевшие из них оказались в бункере.

Колонна движется медленно. Полная темнота. Всего два фонарика, из них один «жучок». Отдается команда встать в колонну по одному и положить правую руку на плечо идущему впереди. Отрываться нельзя: полная темнота. Люди идут в неизвестность. Звучат команды: «Шесть ступенек вниз... Шесть ступенек вверх... Осторожно, приступок!» Ноги осторожно ищут ступени и приступки. Передние подсказывают

задним. Паники не чувствуется. Сейчас трудно сказать, сколько длился этот переход. Казалось — вечность.

Наконец вышли на освещенное место. Широкий коридор. Людей группами по 10 человек стали уводить куда-то влево. 10 человек, интервал, снова 10 человек. Можно пройтись и осмотреться. Сзади послышался голос: «6-я рота 2-го батальона — наверх!» (Конец цитаты.)

20-й ПОДЪЕЗД и ПОДВАЛ «БЕЛОГО ДОМА». ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ 4 ОКТЯБРЯ.

Продолжение показаний Волкова (про баррикадников, успевших забежать с улицы в 20-й подъезд; всего несколько десятков человек):

«...Раздалась команда: — Все безоружные в подвал!

Уходить в подвал пришлось чуть ли не ползком, пригнувшись на уровне невысоких подоконников 1-го этажа, под прикрытием стен и простенков, уклоняясь от густого роя жужжащих в вестибюле 20-го подъезда пуль.

Спускаясь вниз, я встретился с генерал-лейтенантом Титовым и спросил об оружии. Под грохот обстрела он назвал мне какую-то мизерную цифру, что фактически означало — оружия нет!

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. «Белый дом». По уставшим от «ратных» трудов танкистам никто не стреляет...}

Примерно через час (после 10.00) стали раздаваться глухие взрывы (потом выяснилось, что это стреляли танки прямой наводкой).

Где-то около 12.00 — 13.00 в подвал, ведя стрельбу из автоматов, ворвались штурмующие (7-м батальон 119-го пдп ворвался в подвал «Белого дома» с улицы со стороны мэрии через два подземных въезда, служивших для завоза автотранспортом продуктов и т.п. — Авт.), но им закричали, что здесь все без оружия, и они прекратили стрельбу. Нас вывели из подвала обратно и уложили на пол в вестибюле 20-го подъезда. Через 40 минут нам разрешили лечь на локти и закуристь.

Между 13.00 и 14.00 начался интенсивный обстрел 1-го этажа. Мы подумали, что нам пришли на помощь, закричали «Ура!». Нас снова загнали в подвал. Но это, оказывается, сами нападавшие лупили по своим. В подвале нас усадили на ноги друг к другу. Один не смог сесть, и

тогда прапорщик ударил его ногой в живот.

Около 14.00 — 14.30 нас повели по простреливаемому подвалу и по двое-трое под дулами автоматов стали выводить на улицу.

Мы зашли с тезкой из Коврова под мост (у меня там оставалась сумка). Около 15.00 нас выгнали из-под моста, и мы с Валерием из Коврова, отойдя по так называемому коридору «Альфы» до церквушки за гостиницей «Мир», наблюдали за расстрелом Верховного Совета до вывода пленных в 16.50».

{*Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. «Белый дом». Еще одно прямое попадание по «красно-коричневым».*}

{*Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. «Белый дом». Защитниками парламента Калининский мост не обстреливался...*}

{*Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. «Белый дом». Танкист-наемник: «Клянусь достойно выполнять воинский долг, защищать свободу, независимость и конституционный строй России...» (из текста воинской присяги).*}

Первый заместитель начальника штаба вспоминает события, произошедшие после их перехода из бункера в подвал «Белого дома» (время примерно 12.00 — 13.00):

«Я прошел вперед, чтобы осмотреться и уточнить обстановку, когда сзади услышал призыв к 6-й роте. А тут в нише туалет. Цивилизация! Решил, посмотрю что за туалет, а заодно и оправлюсь, а потом узнаю, кто там назвал 6-ю роту. Выхожу через пару минут из ниши, слышу: стрельба, окрики. Вляпались! Нас окружили. Кто? (А окружили оставшихся воины 119-го Наро-Фоминского парашютно-десантного полка — **Авт.**) Солдаты и офицеры злые — то ли пьяные, то ли накачанные наркотиками, ну, не похожи они были на нормальных русских солдат. Каратели и те, наверное, держались вежливее. Молодых парней и девушек хватили и уводили за угол в одну из ниш. Затем оттуда слышались короткие автоматные очереди. Вот схватили мужчину лет за 40 в «камуфляже». Тащат, а он упирается, знает, что это конец. В рукав гвардейцу вцепился замкомандира полка: «Ребята, да это же старик!.. У сына взял, чтобы покрасоваться!» Отцепились. Кто-то шепнул: «Командира не выдал, а ведь мог и откупиться!»

Колонна арестованных защитников российского парламента

медленно продвигалась в вестибюль 20-го подъезда, уже захваченного штурмовиками. На лестничной площадке охамевший солдат-грачевец деловито обыскивал пленных, отбирал документы и демонстративно бросал их себе под ноги. Когда один из мужчин попросил его вернуть водительское удостоверение, тот заявил, что оно ему больше не пригодится. Откуда была такая уверенность у рядового солдата? Нас что — уже авансом всех приговорили к смерти? (У здания МО военнослужащие 119-го полка получили четкое напутствие одного генерала: «Перех... их всех там к чертовой матери?» — **Авт.**)

Солдаты и офицеры открыто мародерствовали. Занимавшийся досмотром карманов солдат у одного мужчины снял прямо с ног понравившиеся ему ботинки. Сразу же примерил их на себя, деловито опробовав, удобно ли на ногах сидит обновка. Не ехать же «дембелю» домой в старых сапогах! А тут и ботинки хорошие дармовые и 100 тысяч иудиных денег в кармане.

В вестибюле 20-го подъезда лежали около 800 человек, выведенных из подвала. Руководил охраной начальник тыла 119-го полка подполковник с прыщиком на лице и с пистолетом в дрожащей руке. Как все они дрожали и трусили! Вскоре к нему подсел еще один начальник тыла, тоже подполковник, но уже начальник тыла Добровольческого полка.

Пленные вели себя мужественно и стойко, особенно женщины. Они начали дружно скандировать «Банду Ельцина — под суд!» Все дружно поддержали их. Угрозы начальника тыла, даже стрельба солдат из автоматов над нашими головами не действовали. Когда снаружи стрельба усилилась, и многие, в том числе и штурмовики, решили, что это на помощь пришли псковичи, наш начальник тыла и предложил их начальнику тыла укрыть людей внизу, пообещав за это сберечь жизни этой штурм-группе. Своя шкура оказалась дороже и пленных снова свели в подвал. Но и там продолжал хамить и свирепствовать один молодой лейтенант-гвардеец. Дай такому власть — всех бы перестрелял!

Все же с путчистами около 14.30 удалось договориться и узники из 20-го подъезда были отпущены на свободу. Нас вбрасывали по одному в дико орущую гайдаровскую толпу «кожаных бультерьеров» (бойцов торговой мафии), «демократов» и «бейтаровцев». Люди шли буквально сквозь строй, подвергаясь унижениям и избиениям, но не склоняя головы. Часть ополченцев и командиров, в том числе и почти весь наш штаб, из бункера погнали к 8-му подъезду. С нами обращались более-менее корректно. Но там была «Альфа».

На улице «демократы» ревели от восторга при каждом орудийном выстреле. А чтобы их еще больше «подзавести» на погромные

дела и расправы, снайперы время от времени подстреливали кого-нибудь из них, как зайцев. Били по молодым, в основном в ноги, чтобы живые остались и злее стали. Тут же «случайно» находились добровольные помощники и частные легковые машины с наклеенными на стекла красными крестами. К путчу все было подготовлено» (конец цитаты).

Из результатов расследования действий снайперов ГУО РФ и привлеченных Коржаковым 3 — 4-го октября 1993 года явствует, что их готовил непосредственно он сам, начальник личной охраны Ельцина (в частности, «Столица» № 45, 1994 года). По этим показаниям высокопоставленных работников правоохранительных органов «октябрьским» снайперам был отдан следующий приказ:

— выборочно жертвовать в оцеплении милиционерами или сотрудниками МВД;

— стрелять им только по конечностям — в ноги или в руки. Источник радиостанции «Свобода» в российских спецслужбах утверждает, что приказ Коржакова звучал короче: «Выбивать офицеров!» (Радио «Свобода», 4 октября 1994 года).

«Альфа» и младший сержант Сорокин. («Белый дом» с 14.30 до 18.00)

Ниже приводится полностью (без каких-либо изъятий или купюр) и практически без комментариев стенограмма документальных видеоматериалов телеоператора, снимавшего 4-го октября с парадной лестницы приход группы «А» и «Вымпел» в «Белый дом» и вывод пленных, а также материалы оперативной съемки «Альфы».

Видеоряд: парадная лестница Дома Советов со стороны набережной забита возбужденной агрессивной толпой. На самом верху лестницы находится общественный парламентар — младший сержант милиции без бронежилета, в камуфлированном ватнике и с планшетом через плечо. У молодого сержанта усы и доброе круглое лицо. Несмотря на обстрел, он спокойно ходит поверху лестницы с портативной радиостанцией и с мегафоном в руках. Стоящая ниже на лестнице толпа почтительно его слушается. Как только слушались его все без исключения военные — офицеры группы «А», «Вымпел» и даже холуи из полка президентской охраны с лысым начальником охраны Ельцина Коржаковым, включая его самого!

На площади перед Домом Советов людей нет. Нам удалось установить фамилию этого удивительного человека, взявшего на себя управление у «Белого дома» 4-го октября — Сорокин, младший сержант милиции.

На этих же видеоматериалах видны БТРы и одна БМП у посольства США. В 14.27 в кадр попали 3 БТРа.

В 14.28 на видеоматериалах впервые зафиксированы 3 БМП-2 группы «Альфа». Виден бортовой номер лишь одной из них — № 028 (номера двух других установлены по видеоматериалам оперативной съемки — 027 и 023; по другим видеоматериалам удалось определить и бортовой номер БТРа группы «А» — 031 в момент посадки туда офицеров группы).

14.34. Со стороны мэрии около 24-го подъезда Дома Советов скапливаются штурмующие и толпа погромщиков. Видно, что они совершенно не опасаются выстрелов со стороны защитников парламента и прячутся только от «своих» стрелков, отстреливающих живые мишени с противоположной стороны реки. Дальше на площадь-пандус перед основным входом «Белого дома» (1-й подъезд) они не проходят — соблюдается неписанное соглашение о запретной зоне, полномочным хозяином которой в эти часы был младший сержант.

14.53. Голоса снизу из-за толпы:

— Проход! Проход дайте!

— Спецназ!

14.54. Младший сержант, обращаясь к толпе:

— Пусть будет видно все! А теперь слушайте все меня!

«Бейтаровец»:

— Зачем ты спецназ-то пропускаешь?

Младший сержант, обращаясь к поднимающейся наверх по парадной лестнице группе военных:

— Ребята! Стойте все там! Стоять, ребята! Ваши полномочия? Кто вы такие?

— Мы, сотрудники группы «Альфа». Наши условия: или они сдаются, или через час группа «А» и группа «Вымпел» берут здание штурмом.

Слышатся голоса офицеров групп «А» и «Вымпел», перебивающих друг друга:

— Мы не хотим штурмовать... Нужно их представителя... и вынести раненых... Любого, одного из них!..

Младший сержант:

— Не надо никого с носилками. Ребята с группы «Альфа», пройдите ко мне сюда, пожалуйста! — Обращаясь к толпе: — Все назад! Группа «Альфа» ко мне! Все назад, только группа «Альфа» прошла! Я сказал, всем назад! — Толпа насаждает. — Стоять всем! Вы демократы или кто? Обращаясь к офицеру «Альфы» с просьбой оттеснить толпу: — Ну-ка пару выстрелов сделай! (Звучат два выстрела в воздух).

Голос телеоператора, поднявшегося с группой «А»:

— Не провоцируйте!

Беспорядочная стрельба. Крики:

— Не стрелять!

14.55. Младший сержант, обращаясь к парламентарам группы «А»:

— Оружие вниз все! Оружие вниз! А теперь все слушайте меня, оглянитесь назад и не допустите, чтобы за вами еще кто-нибудь прошел. Вам не нужны заложники (*по контексту — со стороны парламента. — Авт.*), никто?

— Нет!

— Представьтесь, пожалуйста, кто вы такой!

— Подполковник группы «А».

Голоса его офицеров:

— Группа «Альфа» (*объединенная парламентарская группа «А» и «Вымпел» из 10-11 человек. — Авт.*).

14.56. Младший сержант, обращаясь к «Белому дому», кричит в мегафон:

— Кто-нибудь, высуньтесь в окно! С вами будет говорить подполковник группы «Альфа»! (офицер «Вымпела» стоит сзади сержанта лицом к Дому Советов и держит в руке вместо белого флага 40-50 сантиметровый кусок колючей проволоки, обмотанный широким чистым бинтом; рядом с ним подполковник группы «А» Телисаев, который сразу после гибели Геннадия Сергеева представлялся руководителям парламента как Владимир Сергеев или подполковник Комаров).

— ...Пожалуйста, кто-нибудь один ответьте!

Младший сержант, обращаясь к офицерам спецподразделений, снова командует в мегафон:

— Опустите все оружие.

Из «Белого дома» из окна на 3-м этаже, расположенного ближе к выступающему блоку 24-го подъезда, что-то говорят в мегафон.

Отвечает мегафон из «Белого дома», но ничего невозможно разобрать. Офицер группы «Вымпел», обращаясь к «Белому дому»:

— Давайте я к вам пройду один, и поговорим!

Младший сержант дублирует:

— К вам идет подполковник спецназа!

Стоящий по левую руку от него подполковник «Альфы» громко добавляет в адрес «Белого дома»:

— Пойдем вдвоем!

Младший сержант в мегафон:

— Без оружия! — обращаясь к толпе на парадной лестнице, командует: — Все назад!

Голоса офицеров спецназа, оттесняющих разъяренную толпу:

— Все назад! Все назад!..

Тем не менее на площадку перед «Белым домом» с парадной лестницы прорываются несколько журналистов. Вперед вылезли два иностранца — усатый телеоператор с большой видеокамерой в фиолетовом спортивном костюме, поверх одета кожаная куртка, на шее — цепочка, по правую руку — помощник. Их вытесняют обратно на парадную лестницу офицеры спецназа группы «А» и «Вымпел». Говорят на английском.

14.57. Представитель группы «А» бегло, на английском языке:

— I'm telling you — Go back! Go back! It is not your country — it is not your problem! (Я говорю тебе — убирайся вон! Пошел отсюда! Это не твоя страна — не твои проблемы!)

Усатый англоязычный журналист в фиолетовом костюме:

— Anything in Russia is our problem (Все в России — наши проблемы)

— Don't provoke! It's very seriously! (Не провоцируйте! Это все очень серьезно!)

— It is my job... Three years... Vietnam... (Это моя работа!.. Я... 3 года... Вьетнам...)

— No! It's not your game! I know result of your Vietnam! (Нет! Это не твоя игра! Я знаю, чем кончился твой Вьетнам!)

— Назад, назад! Всем назад! — кричит сержант, когда толпа стекает на лестницу. Обращаясь в сторону «Белого дома»:

— Ничего не слышно! — К толпе:

— Замолчите и слушайте!

Слышится внутренняя трансляция из «Белого дома», голос Уражцева:

— Подходит трудовая Россия, трудовая Москва. Они идут к нам на выручку к Дому Советов. Мы победили Гитлера! Мы победили фашизм. Наши отцы и матери работали, чтобы создать такое государство! Наши представители...

14.58. В ответ свист со стороны «Бейтара» и погромщиков. Вперед выходят два офицера спецподразделений «А» и «Вымпел». Младший сержант:

— Ничего не слышно! — кричит в мегафон защитникам «Белого дома»: — К вам идут на переговоры! Не стреляйте! Они без оружия! Вы все скажете им, они выйдут и скажут здесь. Здесь ничего не слышно — народ шумит!

Офицеры подходят к парадному подъезду. Из основного входа к ним навстречу выходят двое. Вижу среди них Крестonosца. Они здороваются, пожимают друг другу руки и заходят вместе в Дом Советов.

{*Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. «Белый дом» горит.*}

14.59. На площади перед «Белым домом» остается один только младший сержант с мегафоном, он прогуливается взад-вперед. На верхней площадке парадной лестницы стоят без оружия спиной к Москва-реке офицеры группы «А» и «Вымпел» в бронежилетах и касках с пуленепробиваемым забралом. У ног демонстративно сложены 10 автоматов. Раздаются выстрелы.

— Не стрелять никому! — кричит младший сержант.

15.04. Из основного входа вышел на парадную лестницу из числа защитников парламента молодой худой медик с бородкой, в круглых очках и в коричневом берете. Через плечо у него висит противогаз, в правой руке любительская самодельная радиостанция. Подходя, медбрат сказал:

— Я сейчас был в подвале. Во время штурма я был на балконе — на моих глазах убили 10 человек, из них двух врачей (во время оказания первой медицинской помощи пострадавшим защитникам парламента был также ранен врач-депутат — член ВС РФ Ельшин. — Авт.). В цоколе на 1-м этаже 20-го подъезда находятся раненые.

Затем что-то передает по радиостанции (неразборчиво).

15.10. Из здания парламента вышел с мегафоном офицер, отойдя от подъезда на 10 метров, объявил:

— Внимание! Никому не подходить к зданию во время переговоров. Никаких провокаций — ни с лестниц, ниоткуда! Всем опустить оружие!

Повернулся и зашел обратно в здание.

Прервем стенограмму и дадим теперь свидетельства изнутри «Белого дома».

{*Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 4 октября 1993 года. 14.58. «Белый дом». Парламентарии спецподразделения «Вымпел» и группы «А» входят в подъезд № 1 Дома Советов.*}

Свидетельствует майор Гусев (от лица защитников «Белого дома»):

Народу перед «Белым домом» все больше. На «пятак» перед подъездом какой-то милицейский чин с мегафоном. Что-то выкрикивает, то в нашу сторону, то оборачивается к толпе. Встаю открыто в окне:

— Эй, парень, чего надо? Подойди, не бойся, мы не кусаемся! Разбираю:

— Стойте! Стойте! Они сдаются, они сейчас выходят!

Интересно, кто это там сдается? Чего это он за нас решает? Надо бы выяснить. Спрашиваю «добро» у Макашова. Генерал сперва вставляет мне «фитиль» за то, что открыто торчал в окне, а потом благословляет на переговоры. На улицу, оставив автоматы вместе со мной выходит Крестonosец. Милицейский чин — маленький, без знаков различия. Козыряю:

— Майор, с кем имею честь беседовать?

Он называет себя. Господи, вот чудеса! На всю площадь — один представитель милиции, и тот оказывается... сержант! Он пытается оттеснить толпу «защитников демократии», пришедших по призыву «мальчиша-плохиша» Гайдара защищать от путчистов «всенародно-избранного!» Спокойно объясняю бедному сержанту, что никто в «Белом доме» пока сдаваться не собирается, что мы согласны вести переговоры о прекращении огня, но при условии его обоюдного прекращения, предоставлении нам прямого эфира и отвода мятежных войск.

Парень явно смущен — вопросы такого уровня не в его

компетенции, а никого из милицейского начальства рядом нету. Отказыряв, поворачиваемся и уходим. Замечаю, что по бокам подъезда толпится огромная масса народа, сдерживаемая омовскими цепями. Неужели они пойдут на такую провокацию? Ударят по нам, укрываясь за спинами безоружных людей? С них станется...

Тем не менее, что-то назревает. Стихает стрельба внутри здания. Явно что-то намечается — то ли переговоры, то ли еще что-то. Ко мне подходит Трифон:

— Михалыч, тут у 20-го подъезда наши девчонки застряли, дай схожу посмотрю, пока тихо.

Проводив его, поднимаюсь наверх, на балкон. Смотрю, как в холл с улицы забегают какие-то личности — по одному, по двое, с сумками в руках. Кто такие? Совершенно неясно. Мы отгоняем их угрозой огня — подозреваем, что под видом штатских проникают готовые к штурму спецназовцы. Появляются медики в белых халатах с красными крестами, передают нам сумки с медикаментами, забирают наших раненых. Внезапно внизу, хлопнуло несколько пистолетных выстрелов. Опять залезаем за перила, выставляем стволы между опор. Появляется «подкрепление» — полтора десятка «камуфлированных» ребят с ПМ в руках — глаза горят, пистолеты со снятыми предохранителями и взведенными курками по-киношному выставлены вперед. Не дай Бог, споткнется, ладно себя подстрелит, но ведь может и кого другого зацепить. Меня самого десять минут назад такой «специалист» чуть на тот свет не отправил: перелезал через баррикаду из стульев, «сучку» со снятым предохранителем тащил за ремень, автомат зацепился спусковым крючком за ножку стула, грохнул выстрел, а он вылупил глаза и стал доказывать нам, что это не он стрелял!

«Помощников» отправляем наверх — охранять зал заседаний. Опять внизу какие-то крики, наши вскинули автоматы, но снизу через стулья лезет белый как полотно... Трифон! Без автомата, в чем-то измазанный...

— Ты откуда? — Буквально передергиваем его через баррикаду. Проклятье! Он весь в крови!

— Михалыч, я в плен попал... Бежал через окно, руками стекла вышибал... И действительно изрезаны ладони, пальцы, запястья... Увожу его к черному ходу, рву индивидуальные пакеты, плотно, не жалея бинта обматываю изуродованные ладони. На полу накапало изрядную лужу крови.

— Где автомат? — спрашиваю его.

— Я же говорю: в плен попал. Напоролся на каких-то хмырей в

камуфляже, принял их за своих, а они уперли в бока стволы, отобрали автомат и доставили на 2-й этаж 20-го подъезда, на «разборку» к какому-то майору.

Тот, к счастью, немного лопухнулся — подпустил казака к себе вплотную, конвоиры в этот момент вышли из комнаты. Трифон, попросив воды, плесканул стакан офицеру в лицо и сиганул в полуразбитое окно... В конце перевязки просит не бинтовать указательные пальцы, чтобы можно было стрелять.

— У тебя же оружия нет.

— Нет, так добуду.

И действительно добыл, неизвестно где. Проходит еще полчаса. Подходят два казака из морозовской сотни:

— Мы попробуем прорваться.

Под окнами подъезда толпы уже нет — ее сменила редкая цепочка отлично экипированных бойцов. Догадываюсь — «Альфа». Они стоят открыто, знают, что мы стрелять не будем.

А вот с той стороны... Несмотря на перемирие, откуда-то из-за реки густо ударили очереди (15.50. — Авт.). Я ехидничаю в мегафон:

— Бойцы «Альфы», ну что это такое... Мы не стреляем, слово держим, а ваши...

В это время парни повернулись спинами к нам, подняли над головой скрещенные руки, стали грозить в сторону стреляющих кулаками. Стрельба мгновенно стихает. Но через две минуты возобновляется уже со стороны моста. Я опять в мегафон:

— «Альфа»! У вас порядок хоть есть или как?... Снова довольно убедительные жесты прекращают стрельбу. Идут переговоры с их командованием — если они сорвутся, тогда будет дело... «Альфа» — это серьезно.

Вижу, как из подъезда выходят двое «альфовцев» и идут к своим. Интересно, до чего договорились. Узнаем... С балкона третьего этажа крики связных:

— Приказ Руцкого и Ачалова — прекратить сопротивление!

Как так?! Какой приказ? Провокация! Казаки смыкаются за моей спиной, и так, кучкой подходим к Макашову. Наш генерал возмущенно кричит:

— Это провокация! Пусть лично прикажет Ачалов! На балконе 3-го этажа кипенье тел, выкрики. Вижу, как кто-то швыряет вниз, на наш балкон, автомат. Это конец. Мы с недоумением и обидой ждем, что скажет Макашов:

— Майор, выясните, что там происходит!

Поднимаюсь на 3-й этаж к залу заседаний. Из него выходят депутаты съезда — потерянные лица, усталость... Вижу идущего навстречу в окружении телохранителей Хасбулатова, у него растерянный вид, серое лицо, вздрагивающие губы.

Бабурин что-то говорит нескольким депутатам вокруг него. В коридоре — Умалатова.

— Ну что, Сажи, все?

Вскидывает на меня свои пронзительные глазищи, взгляд дерзкий, упрямый:

— Будь моя воля... Съезд постановил: «во избежание излишнего кровопролития...»

Итак, все. Десять часов штурма мы выдержали. Выдержали бы еще и больше, но... Ладно. Спускаюсь к своим. Макашов уже получил подтверждение приказа о сдаче, но боже мой, как тяжело выполнить этот последний приказ. На миг мелькает мысль — застрелиться... не будет позора плена. Есть и другой способ, несколько сложнее — собрать побольше патронов, подняться наверх, пока есть время забаррикадироваться на 6-7-м этажах и дать последний бой... Лечь самому и прихватить на тот свет с собой... кого? Зачем?

Ловлю на себе настороженные, выжидающие взгляды своих бородачей-казаков: «Что делать, командир?» Встречаюсь взглядом с Макашовым, и он, словно прочитав мои мысли, чуть кивает головой...

Сидим на цветочном мраморном ящике и молча, как перед дальней дорогой, докуриваем последние сигареты. Автоматы сложены в углу, там же горкой магазины и патроны. Все. Встаем. Проверяем еще раз карманы, чтоб не осталось ничего компрометирующего и по одному, по двое вливаемся в поток выходящих из подъезда людей (окончание показаний).

Продолжение стенограммы видеоматериалов:

15.17. Младший сержант Сорокин:

— Всем отойти назад и внимательно слушать мои распоряжения!

15.18. Младший сержант:

— Я прошу прекратить шум мотора.

15.20. Вышли первые три человека, направились в сторону 24-го подъезда и далее по пандусу к мэрии. Раненый юноша идет, опираясь на своего товарища.

15.21. Выходят парень в плаще с «дипломатом» и девушкой в синем пальто. Они направляются к парадной лестнице. Мужчина идет с незажженной сигаретой в зубах. Подойдя к толпе, он не спеша прикуривает у офицера «Альфы».

15.23. Выходит группа из девяти журналистов с фотоаппаратурой. Они направляются к парадной лестнице. Среди них одна девушка. Идущий первым (в зеленом) показывает карточку аккредитации журналиста.

15.24. Вышли еще три человека и пошли в сторону 24-го подъезда.

15.28. Вдоль реки со стороны Калининского моста к парадной лестнице Дома Советов, перегородив цепью дорогу, приближается рота эмвэдэшников со щитами. Немного не доходя до парадной лестницы, они останавливаются. Вокруг стреляют (с позиций войск).

Прерывая на время стенограмму данного видеодокумента, напомним, что в 15.30 два офицера группы «А» и «Вымпел» (старший — подполковник-полковник Комаров, он же Владимир Сергеев) после встречи с Макашовым, Баранниковым и Андроновым поднялись вместе с двумя последними в зал Совета Национальностей, где и выступили перед депутатами с необычной речью. К сожалению, внутри здания парламента 4-го октября видеосъемка велась лишь несколькими операторами, поэтому хроника событий в самом Доме Советов документируется в основном показаниями свидетелей-депутатов, защитников парламента, материалами радиоперехватов.

О том, как происходили переговоры «Альфы» и «Вымпела» с депутатами, достаточно полно рассказал член Верховного Совета Иван Шашвиашвили в газете «Завтра». Его показания уточнены в личной беседе, подтверждаются другими свидетелями:

Потом в Дом Советов вошла «Альфа». У нас в зале заседаний появился офицер в экипировке, в шлеме без оружия. Он представился Владимиром Сергеевым. Он обратился к нам: «Дорогие отцы и матери, я из группы «Альфа». Вы видите, мы пришли к вам, без оружия. Мы не хотим причинять вам зло и смерть. Вы, находящиеся в этом зале, обречены. Нам дан приказ вас уничтожить, но мы отказываемся это сделать. Нас, «Альф», снова хотят подставить. Я брал дворец Амина в Кабуле, брал Вильнюсскую телебашню, был в Карабахе и Тбилиси. И везде нас подставляли. Сейчас мы не хотим брать грех на душу, а хотим вас вывести живыми. Я предлагаю вам такой вариант: мы делаем коридор, и вы проходите по нему наружу в безопасности. Если кто-нибудь из бандитов попробует в вас выстрелить, мы их подавим огнем. Вам подадут автобусы и развезут по домам. Слово офицера».

Уже тихо, на ухо он мне сказал: «Команда была, весь Дом Советов развалить до последнего камня и все уничтожить, но мы поставили условие — с четырех часов дня прекратить огонь!»

Потом перед нами выступили Баранников и депутат Андронов. Баранников сказал: «Вы честно выполнили свой долг и теперь с чистой совестью можете покинуть здание». «А вы?» — спросили его. «Мы сами примем решение».

Андронов сказал: «У нас есть два выхода. Мы можем остаться здесь и, по существу, покончить жизнь самоубийством. Или же выйти наружу и продолжать борьбу». Депутаты стали выкрикивать: «Надо уходить!» Тут же в зале находились женщины-баррикадницы, которые, когда начался штурм, укрылись от выстрелов в Доме Советов. Они стали выкрикивать: «Не уходите! Сложите головы здесь! Это будет честно!»

Пришел Хасбулатов. Он был спокоен, может быть, бледнее обычного. «Мы сейчас уходим из зала. Многие из вас останутся живы. Мы должны донести до широкой общественности, что с нами произошло. Переворот совершен полностью. Пролилась большая кровь. Вина за это на Ельцине и его окружении. Давайте прощаться».

Сажу Умалатова вышла к нему и при всех его обняла. Они все эти годы были антагонистами, но именно в этот момент между ними произошло примирение, они обнялись.

Депутаты пошли к выходу. Мы решили выходить через 1-й подъезд, который ведет на набережную. Там американское телевидение вело прямой репортаж, и поэтому опасность убийств была меньше. С обратной стороны, у 20-го, 8-го подъездов, где не было телекамер, атакующие зверствовали, вели огонь на поражение.

Олег Румянцев сказал мне: «Как же мы уходим? Надо идти к Руцкому. Он один». Я пригласил Сажу, и мы пошли на пятый этаж.

В коридоре был какой-то ужас, хаос. Были набросаны амуниции, пустые рожки, вещмешки. Откуда? Кто их набросал? У защитников «Белого дома» их не было. Кому-то понадобилось имитировать обилие воинского снаряжения. Нас остановил военный: «Куда?» — «К Руцкому». — «Я полковник Проценко. Иду с вами».

Мы увидели Руцкого в своем кабинете в окружении двадцати человек. Они держались напряженно. Узнав нас, обрадовались и опустили стволы. Офицер «Вымпела» подошел к Руцкому и отдал честь: «Товарищ генерал, полковник Проценко явился с заданием вывести вас из Дома Советов!» — «Какие гарантии, что мы останемся живы?» — спросил Руцкой. — «Слово офицера-афганца. Я буду с вами!»

Минут пятнадцать шли переговоры, где складировать оружие

охраны. Решили здесь, у кабинета. Только Владимир Тараненко, начальник охраны Руцкого сказал: «Я донесу оружие до самого выхода и там сдам». Полковник разрешил и сказал Руцкому «Я Вас уважаю, ценю, поэтому к Вам и пришел».

Мы спустились в вестибюль и подошли к выходу. «Вы в турецкое посольство нас увезете?» — спросил Руцкой. «Нет, — ответил полковник, — но жизнь я вам гарантирую». Тут же был и Хасбулатов, а потом с улицы ввели Макашова. Я спросил у Олега Румянцева: «Что, Олег, доигрались в демократию?» — «Нам казалось, что мы строим правовое государство!» — «Как вы могли его строить, — сказал я, — если в нарушение Конституции разрушили Советский Союз! Мы пожинаем сегодня, то что посеяли два года назад». «Да», — тихо сказал Хасбулатов.

В это время в вестибюль вошел Коржаков, руководитель охраны Ельцина, и кричит: «Руцкой, выходи!» Руцкой не отозвался. Коржаков исчез, и с улицы вошла в вестибюль телевизионная бригада из «Вестей». Стала рыскать, снимать. Полковник Проценко подошел к ним: «А ну, убирайтесь, мать вашу!» — и прогнал.

Потом к первому подъезду на пандус подкатил автобус, в него увели Хасбулатова, Руцкого и Макашова. Нас остановили, не пустили следом. Я увидел, как Хасбулатов отдернул занавеску автобуса и помахал нам. Мы помахали в ответ.

Мы продолжали ждать автобусов, но они не появлялись. Полковник Проценко спросил нас: «Правда, что Дом Советов заминирован?» Я сказал: «Нет, я везде ходил свободно, мин здесь нет».

Мы продолжали ждать, в вестибюле было много народа — депутаты, охрана, много незнакомых мужчин и женщин, которые скопились в Доме Советов за эти дни. Вошел военный, из числа «победителей», и спросил: «Офицеры есть?». Молчание. «Кто здесь военные? Кто хочет служить в спецназе? Выходите!» Я увидел, как полтора-два десятка людей вышли, и их увели.

Наконец нас выпустили. Автобусов, разумеется, не было, и мы спустились по лестнице к набережной. Пошли кто налево, к мосту, кто направо, к «Совинцентру». Мне показалось, что мы уже на свободе. Но когда сравнялись с углом большого жилого дома, выходящего на набережную, вдруг из подъезда выскочили двое с автоматами и закричали на нас: «Стоять! Стрелять будем! Заходи сюда!» И мы под автоматами зашли в этот первый подъезд. Нас пропустили сквозь этот подъезд на внутренний двор, а потом загнали во второй подъезд. У входа стояли милицейские с нарукавными эмблемами московского ОМОНа: «Приготовить всем удостоверения!» В подъезде я увидел жуткую

картину. По одну сторону у стены стояли депутаты, и среди них Исаков, Саенко, а по другую, голые по пояс, избитые люди, и их продолжали избивать. Люди кричали, стонали. Ко мне подскочил омоновец: «Я тебя знаю! Нагляделся на тебя на съезде! Сейчас тебя в расход пускать будем! Возьмите его!»

У меня отобрали все документы: паспорт, депутатское удостоверение, водительские права. «Хоть права оставьте» — «Там, куда мы тебя отправим, права не понадобятся! На небе без прав ездят!» Сзади ко мне подошли и ударили в поясницу автоматом, страшный удар, от которого я полетел вниз по ступенькам, упал и больше не мог разогнуться.

У стены — ребята из числа добровольцев, голые по пояс, избитые, напряженные. Увидел парня из тех, кто откликнулся на призыв идти в спецназ. Он мне крикнул: «Выберешься, позвони жене!»

Ко мне подошли двое омоновцев, взяли за руки, потащили: «Эй, примите этого!» — и кинули дальше, к другим. И меня опять стали бить, лежащего. «Что не танцуешь?» — и били. Кто-то, помню, с песенкой ко мне подошел и стал бить ногами. Затем стал вворачивать в ухо ствол автомата...

Меня выволокли на улицу. Там я глотнул холодного свежего воздуха и разогнулся, встал. Я думал, что меня сейчас расстреляют. «Дайте я встану к стене!» — сказал я мучителям. Встал, прислонился и отключился. Может быть, потерял сознание или наступила прострация.

Очнулся в подъезде, сижу на ступеньках. Думая, если пойду на улицу, то убьют. Надо проситься в квартиру. Начал стучаться, не открывают. Чувствую, что там есть жизнь, но бояться, не пускают.

Потом, ночью, я подходил к окну в квартире, куда меня выпустили. Внизу на улице стоял БТР, и там кого-то били, кто-то без движения лежал на земле, кого-то всю ночь обыскивали, и слышались голоса: «Ого, да у этого тысячи денег! Давай сюда!» Видно, кто-то из аппарата Верховного Совета пробирался, и их отлавливали, били, обирали.

Уже потом я понял, что Коржаков отдал приказ уничтожить всех депутатов. «Нет депутатов — нет проблем». Нас спасла «Альфа». Одно могу сказать: никто из нас не встал на колени.

Продолжение стенограммы видеоматериалов телеоператора, пришедшего с группой «А».

15.49. Из основного входа вышли четыре человека с носилками, за ними — девушка. На носилках лежит убитый или раненый человек —

его тело накрыто вместе с головой.

15.52. Стрельба со стороны гостиницы «Украина» и других мест расположения правительственных войск (с фланговых домов у Москва-реки) усилилась. Толпа с криком сбегает с лестницы. Одни офицеры «Альфы» и «Вымпела» стоят во весь рост на лестнице, машут руками в сторону гостиницы «Украина» и кричат: «Не стреляйте!»

Снизу из толпы подобострастно обращаются к младшему сержанту (сразу в несколько голосов):

— Офицер! Офицер! Может, народ уводить надо? Мало ли чего!

15.53. Офицеры:

— Хватит стрелять!

Собираются кучкой и о чем-то совещаются.

15.57. К сгрудившимся и что-то усиленно обсуждающим офицерам «Альфы» дважды пытается приблизиться неопрятный толстый «бейтаровец». Офицеры грубо его отгоняют.

15.59. Офицер «Альфы», встав на парапет, кричит в бесполезный мегафон:

— Танки на том берегу! Прекратить стрельбу! Остальные офицеры, стоя лицом к гостинице «Украина», машут над головой руками.

Как стало известно из опубликованных свидетельств очевидцев, в эти минуты подполковник «Альфы» из здания парламента приказал в открытом эфире всем прекратить провокационный танковый и пулеметный огонь, демонстративно приказав группе «Альфа» в случае продолжения обстрела открыть ответный огонь на поражение, в том числе, по танкам Кантемировской дивизии, и подавить все огневые точки.

Тут же был убит одиночным провокационным выстрелом из полностью контролируемого правительственными войсками здания (по данным, подтвержденным радио «Свобода», «МН» и Марком Дейчем выстрел был произведен из **спецпомещения ФСК**, откуда с незапамятных времен осуществляется контроль за зданием посольства США, расположенного на последнем этаже фабрики Капранова) офицер группы «А» Геннадий Сергеев. Здание фабрики возвышается напротив скверика на пересечении Верхнепредтеченского переулка и переулка Глубокий. По вспышкам была засечена и огневая точка в гостинице «Мир», которая к этому времени также полностью контролировалась ельцинскими войсками.

По удивительному совпадению он был убит в момент, когда по чьей-то команде (мы обязательно выясним — по чьей именно) начался массированный обстрел «Белого дома» из всех видов оружия, в том числе

и танков, с целью сорвать переговоры «Вымпела» с парламентским руководством. Сергеев был одним из первых, кто имел неосторожность выскочить из БМП и вынести из 14-го подъезда «Белого дома» раненого защитника парламента (с учетом приказов в эфире четыре часа ранее — «работать по Кирсану и Аушеву», «убрать парламентаря», сейчас — «валить... «Альфу», офицера группы «А» Сергеева, вероятнее всего, убил бейтаровец или служивый из ГУО РФ; огневой рубеж в данном помещении был оборудован еще 27 сентября).

3-4-го октября проявилась странная на первый взгляд закономерность, типичная для сценариев классических государственных переворотов, по которой сначала противную сторону собирают в одном месте, а затем выстрелами снайперов так называемой «третьей силы» в обе стороны провоцируют боевую активность, а в нашем случае — активность конкретных частей на расстрел народа. Вот факты, говорящие в пользу изложенной версии:

- 1) 28 сентября — Коржаков получает на армейском складе в Алабино 50 снайперских винтовок и на крышах домов по периметру «Белого дома» появляются снайперы «9-ки» (после октябрьских расстрелов оружие возвращено в обмен на документы).
- 2) 1 октября — Коржаков получает и вывозит в аэропорт «Шереметьево» 52 снайперские винтовки с оружейного склада в Балашихе (сразу после октябрьских событий оружие возвращено в обмен на документы).
- 3) Утро 4-го октября — спровоцированная обстрелом снайперов штурмовая активность и жестокость 119-го *пдп*, потерявшего первых людей на подходах к «Белому дому», в том числе при подходе к зданию СЭВа замкомандира полка Беляева (тяжело ранен снайпером в голову) и замкомандира саперной роты старшего лейтенанта Красникова (убит снайпером в голову); снайпер из первого дома на пересечении набережной и переулка Глубокий тяжело ранил на Краснопресненской набережной замкомвзвода батальона Таманской дивизии.
- 4) Вечер 4-го октября — затянувшееся перемирие, перешедшее в вывод людей из здания так и *не капитулировавшего* парламента, и разящий насмерть офицера группы «А» одиночный выстрел, произведенный из контролируемого правительственными войсками здания.
- 5) Уничтожение списка прибывших и убывших через международный аэропорт «Шереметьево-2» в период с 1 по 5 октября 1993 года, в том числе, загадочно исчезнувших на территории России двух мужских групп «интуристов», команды «регбистов»...

В дополнение к этим фактам напомним три вопроса:

(1) Документально установлены и подтверждаются **факты неоднократного обхода по персональным приказам начальника личной охраны президента г-на Коржакова группой неустановленных лиц**, заявленных им как сотрудники МБ РФ, в сопровождении проводников-сотрудников МВД, **чердаков и крыш** всех тех домов по периметру «Белого дома», с которых в последующем и стреляли снайперы-provokatory (МБ РФ факт прикрепления к «чердачной» группе Коржакова своих сотрудников отрицает!). —

(2) Установлен факт неоднократных контактов **руководителей личной охраны президента** во главе с заместителем управления президентской охраны Борисом Просвириным непосредственно с «подкрышными» **организациями спецслужбы «Моссад» и их представителями** в ходе их первой совместной операции — по компрометации и устранению вице-президента РФ. Невероятный союз оформился в мае 1993 года и окончательно сложился после 18 августа в фазе публичной реализации операции, сознательно осуществлявшейся за границей в обход и без привлечения к этой совместной работе специалистов российских спецслужб (впервые контакты документированы 21-23 июля 1993 года в Цюрихе. Просвиринов вылетел на тайные переговоры за рубеж неоднократно).

(3) **17 сентября в Москве** в качестве граждан России отбыла первая **группа снайперов так называемой «Организации» (переименованного «Бейтара»)**, подчиняющейся напрямую МВД чужого государства, а 5-6-го октября они выехали обратно по израильским паспортам (по брони МБ РФ) поездами через Варшаву, Берлин и Бухарест. Всего по достоверным данным, например, генерал-лейтенанта А. Ф. Дунаева, 3-4-го октября в московских событиях было задействовано более 78 спецназовцев из Израиля. По данным источника в ФСК радио «Свобода» — 100-150, Марк Дейч приводит оценку — 100-110.

На все эти взаимосвязанные вопросы достаточно откровенно ответил сам Ельцин (цитируется по его мемуарам: «Записки президента». Русское издание. М.: «Огонек». 1994 г. с. 12-13):

«Дальнейшая история с «Альфой» и «Вымпелом» развивалась следующим образом. Обе группы отказались принимать участие в операции. Барсукову с трудом удалось их убедить хотя бы просто подойти к Белому дому... Тактика была у Барсукова простая: попытаться подтянуться как можно ближе к зданию, к боевым действиям. Почувствовав порох, гарь, окунувшись в водоворот выстрелов, автоматных очередей, они пойдут и дальше...

...Информация о том, что «Альфа» отказалась выполнить приказ своих командиров, могла дойти до руководства парламента. Это значит, что там воспрянут...

...Барсуков уговорил нескольких добровольцев из «Альфы» сесть на БМП и подойти на них к самому зданию, не пытаясь проникнуть внутрь, а просто осмотреться, чтобы, если все-таки придется действовать, точно знать как. Четыре машины подъехали к «Белому дому», и здесь произошла трагедия. Одна из БМП остановилась около раненого, человек находился в сознании, ему срочно нужна была помощь. Из машины вылез младший лейтенант, подбежал к лежащему, и в это время раздался выстрел снайпера. Пуля попала лейтенанту в спину, прямо под бронезилет. Так погиб Геннадий Сергеев, тридцатилетний офицер, еще одна жертва кровавого понедельника. Раненый, которому он пытался помочь, через несколько минут тоже скончался (*кремлевский стрелок следом добил и его. — Авт.*).

...После того как бойцы «Альфы» узнали, что погиб их товарищ, никого уже не надо было уговаривать. Почти вся команда пошла на освобождение «Белого дома» (конец цитаты).

Яснее не скажешь!

Только вот здесь-то у государственных заговорщиков и вышла маленькая промашка — офицеры группы «А» в первые же минуты определили, что Геннадия Сергеева застрелил снайпер отнюдь не из числа защитников парламента. Им, профессионалам сразу стало ясно, что выстрелы произведены из занятого войсками ГУО и МВД здания фабрики и гостиницы «Мир», а в одной из подавленных ими в ответ огневых точек (в гостинице «Мир», которую засекли по вспышке) среди четырех трупов (подтверждается данным радио «Свобода», материалами Марка Дейча) они обнаружили снайпера в форме подполковника милиции и три трупа с двумя *СВД* в руках, по виду — молодых евреев, определенных нашими офицерами как «бейтаровцы». Среди документов прикрытия у убитых было обнаружено удостоверение сотрудника МВД, значок с символикой РНЕ. И стреляли офицеры «Альфы» и «Вымпела» «без уговоров за погибшего товарища» совсем не в защитников парламента, а вовсе даже наоборот! Несмотря на то, что первичными рапортами оперативников эти факты были документированы, все трупы загадочно и бесследно исчезли из закрытого помещения.

Хотя факт остается фактом — офицеры двух лучших элитных спецподразделений страны, по присяге **обязанные сразу арестовать кремлевского заговорщика**, а в случае необходимости даже взять

штурмом его личные апартаменты в Кремле (3-й этаж известного многим дома), **не решились тогда выполнить свой воинский и гражданский долг**, хотя имели для этого все основания и возможности — как раз в ночь с 3-го на 4-ое октября 1993 года группа «А» со всем своим вооружением ночевала по соседству с государственным преступником (в Кремлевском Дворце съездов), и ее офицеры даже не сдавали оружие при личной встрече с Ельциным, состоявшейся на рассвете 4-го октября. Офицеры спецподразделений лишь разозлили мстительного секретаря обкома демонстрацией непокорности — сначала в 4.00 4-го октября на встрече с ним (кстати, описание Ельциным этой встречи существенно отличается от того, как это описывают сами офицеры «Вымпела» и «Альфы»), и позднее, остановившись у зоопарка (после 9.00) и категорически заявив Барсукову, что дальше без санкции Совета Федерации «Альфа» не пойдет. Ельцин не только не простил им октябрьский саботаж, но даже счел возможным открыто рассказать, как их хитроумно затягивали в «Белый дом».

«Мы чисто по-военному прикинули, — вспоминали сотрудники группы «А». — Если верить Барсукову, то в штурме примут участие, по меньшей мере, 40 тысяч человек, зачем тогда нужны мы? Должны ли мы вообще быть соучастниками государственного переворота? Или нас опять, в какой уже раз, решили подставить?»

Аналогичные настроения наблюдались и среди бойцов группы «Вымпел». С этими и другими вопросами офицеры обратились к своим командирам. Тем временем Барсуков приказал выдвинуться на исходные позиции в район здания Генерального штаба. На Арбатской площади были ясно слышны танковая канонада, автоматные и пулеметные очереди, доносившиеся со стороны здания Верховного Совета. Именно здесь, у здания МО РФ, и родилось решение покончить с кровавым противоборством мирным путем. Группа явно не хотела соглашаться с приказом. Многие офицеры этого и не скрывали. Фактически отказавшись подчиниться приказу идти на штурм, офицеры «Альфы» ставили себя под удар. И, посоветовавшись с «коллегам» из «Вымпела», они выдвинули свой, альтернативный вариант ликвидации конфликта — бескровный.

Начальник ГУО, не зная, что делать в сложившейся ситуации, пытался воздействовать на сотрудников «А» приказами и уговорами:

— Товарищи, пожалуйста... Там же солдаты сражаются... Постреляйте хотя бы...

Стрелять никто не стал. Решили выдвинуться в район «Белого дома» под командованием Герасимова, чтобы на месте разобраться в

обстановке, провести разведку... Отказались участвовать в этом лишь 17 офицеров, сохранивших свою честь и верность присяге.

Продолжение стенограммы видеоматериалов:

16.00. Человек в гражданском приказывает толпе:

— Спуститесь ниже!

Парламентеры группы «Альфа» занимают всю парадную лестницу. 16.01. Младший сержант и офицер «Альфы», обращаясь к панкратовским (или огородниковским) эмвэдэшникам со щитами:

— Стоять, стоять! Милиция, не дергайтесь! Они сами уйдут!

16.02. Младший сержант по переносной радиостанции:

— Направьте скорую помощь к Дому Советов.

Лестница в считанные минуты полностью освобождается.

16.06. Очередной танковый выстрел (из танка сводной роты Таманского полка), канонада.

16.05. Оператор от группы «Альфа» говорит с сержантом:

— С того берега... А вы уверены, что шарашат?..

— **А Вы**, похоже, демократ?.. Глушат!

— **Кто-нибудь... Да правду узнаем!**

Младший сержант мрачно:

— **Правда умрет вместе с ними!**

— **Ну, чего-то и у нас останется.** Ну, рассказывай, рассказывай...

— Что рассказывать-то?

— Ну, как ты приехал, и что потом было.

— Я приехал утром. В 7-м часу раздался первый выстрел БМП, после этого ворвались солдаты. Я хотел, чтобы дело закончилось мирным диалогом.

— Сам по себе?

— Сам по себе, без приказа. Командование с одной и с другой стороны покрывало друг друга по радиостанции матюгами. Вернее, с одной — противоположной парламенту стороны. Никто на мирные переговоры не шел. И мне пришлось самому докричаться, упросить, чтобы ни тот, ни другой не открывал огонь, и вынести раненых с 24-го подъезда, а также вывести пленных.

— А «Альфу» вызвал не ты?

— Нет, «Альфа» пришла сама.

— Не слышал от командира (*группы «А»*). — **Авт.**), откуда он приказ получил?

— Он об этом ничего не сказал!

— Сам пришел?

— Он сказал, что он подполковник и пришел взять «Белый дом».

Пауза, видимо, ничего не происходит. После 17-минутного перерыва продолжается съемка.

Оператор бубнит в камеру:

— Самое главное дату не забывать включить — 17.23 04.93 — надолго запомнится (*по свидетельству самого оператора, он еще не успел перевести на видеокамере таймер на час назад в связи с недавним переходом на «зимнее» время.* — **Авт.**).

На кадре с этими данными хронометража — внизу на опустевшей парадной лестнице стоит в одиночестве младший сержант милиции, настоящий октябрьский Теркин. Добродушный усач с открытым лицом, он с детской простотой просит:

— И меня тоже здесь на память сними.

— Давай!

— И команду «Альфа».

— Я ее уже насквозь всю снял, они уже перестали меня гонять.

После паузы он же:

— Похоже, последние минуты затишья наступили.

16.43. На парадной лестнице внизу — оператор и младший сержант, наверху (если стоять лицом к «Белому дому») 6 офицеров спецподразделения «А» сидят лицом к Москва-реке с левой стороны, 3 стоят лицом к Дому Советов посередине и один справа, прижавшись к барьеру. Больше на парадной лестнице и площадке перед «Белым домом» никого нет.

16.50. Группа из 6 санитаров под пулями по набережной несет в сторону Калининского моста раненого, впереди и сзади бегут люди с белыми тряпками — самодельными флагами.

Следом по парадной лестнице в «Белый дом» 6 врачей бегом несут ящики с медикаментами. Оператор снимает сержанта и комментирует:

— Останется «Белый дом», бронетранспортер, БМП и ты.

Прервем на время стенограмму.

Сегодня можно раскрыть одну из тайн тех дней. В 15.40 вслед за парламентарями в «Белый дом» с 20-го подъезда во главе 6 бойцов спецподразделения «Вымпел» вошел генерал-майор Герасимов, имеющий богатый боевой опыт еще с 1967 года. Зная, что войскам МВД отдан приказ расстреливать сдающихся защитников парламента сразу после выхода их на парадную лестницу «Белого дома» и площадь Свободной России он сумел предотвратить готовящееся преступление. Генерал вышел первым и демонстративно поставил своих бойцов и офицеров группы «А» (командир группы «А» генерал-майор Зайцев незадолго до этого пытался застрелиться и его с трудом смогли отговорить сослуживцы; именно этим и объясняется, что координацию действий спецподразделений «А» и «Вымпел» 4 октября 1993 года, в основном, осуществлял генерал-майор Герасимов).

Продолжение стенограммы видеоматериалов: Наверху одна БМП, внизу 3 автобуса «ПАЗ» и один «ЛАЗ». В 16.54 из Дома Советов пошли люди. Много молодежи и офицеров. Спускаются через коридор из офицеров «Альфы» и «Вымпела» и садятся в автобусы. Офицеры группы «Альфа» обсуждают между собой:

— Вывозить к ближайшему метро?

— Какая станция?

— «Арбатская».

— Там все перекрыто.

— «Смоленская»?

— Да все закрыто — до Курского везите.

16.55. Подполковник... спускается к автобусу.

В 16.56 проверяют заплечный рюкзачок у парня-спасателя в альпинистском синем пуховике с красной подкладкой:

— Юра! Юра Гуляев!.. Того, с сумкой...

— Да-да, ты!

Выходящие из горящего здания парламента идут по парадной лестнице молча, с решительными и весьма суровыми лицами. По краям лестницы выстроились офицеры «Вымпела» и «Альфы». Практически у всех, кто попадает взглядом в объектив телекамеры, потемневшие и непокорные глаза. Приведу стенограмму ответов и замечаний вышедших защитников парламента полностью:

— Пока вы полдня стреляли, мы не одного выстрела не сделали,

— говорит один из выводимых пленных

17.00. По лестнице спускается Саша-морпех, за ним идет Макашов.

17.12. Выходят гражданские. Кто-то из них:

— Никто не собирается стрелять, только одни ваши с крыш стреляют.

17.16. Последними выходят четверо (идут в ряд, справа налево): Павлов, Бабурин, Алексей Сулов (помощник Бабурина), Исаков. Бабурин с Павловым на площадке перед лестницей.

17.17. Стрельба, канонада.

Съемка временно (на 24 минуты) прекращается.

17.41. Затишье, не стреляют. На автобусе подъехал с набережной к основанию парадной лестницы Коржаков — начальник личной охраны Ельцина. Поднялся вместе с провожатым в рыжей кожаной куртке и черных брюках, и стоит с офицерами группы «Альфа» и «Вымпела» перед основным входом в «Белый дом» (1-й подъезд). Здесь же, совершенно не обращая никакого внимания на появившееся из Кремля лысое начальство, продолжает всеми командовать все тот же младший сержант милиции. Обращаясь через мегафон к «Белому дому», он объявляет:

— Если в здании есть раненые, им будет оказана медицинская помощь.

А вот как вопреки очевидному, вопреки многочисленным видеодокументам и здравому смыслу описывает это Ельцин: «Барсуков связался с Ериным, министром внутренних дел, подогнали несколько машин бронетехники. Под огневым прикрытием вошли внутрь здания. Во главе «Альфы» шли Михаил Барсуков и начальник президентской охраны Александр Коржаков» («Записки президента», стр. 13). И вот так Ельцин сочиняет на протяжении всех своих мемуаров.

Про Коржакова бесстрастно рассказывают видеоматериалы. К тому же в открытой печати свидетели показывают, что приехав к «Белому дому» после выхода защитников парламента с «Альфой» к набережной, Коржаков не обращая внимания на данные гарантии свободы и безопасности и стоящих вокруг людей требовал расстрелять всех пленных в форме: «У меня приказ: «ликвидировать всех, кто в форме!». Учитывая аналогичный и еще более жесткий приказ, отданный ранее войскам МВД, возникает вопрос об именах отдававших их должностных лиц.

Что же касается М. И. Барсукова, то он все время штурма провел в безопасном месте — на Конюшковской улице рядом с булочной № 413, доблестно пробавляясь досмотром личных вещей и карманов защитников парламента. Документировано оперативной видеосъемкой:

У булочной Михаил Иванович гоголем наскакивает на какого-то выходящего по коридору «Вымпела» человека:

— Ваши документы!

Депутата Челнокова Барсуков вылавливает лично и направляет в арестантский автобус, не забывая при этом отдавать грозным голосом полицейские приказы:

— Народных депутатов проверьте!

Служивый бросается грудью на подножку автобуса:

— Народные депутаты есть?

— Нет.

Офицеры «Вымпела» сообщают о реакции на расстрел парламента своего приятеля — начальника охраны Руцкого. Обращаются к полковнику Проценке:

— Саша, Саша! Таран плачет стоит, просто рыдает!

— Кто, Тараненко? Прими у него оружие! *(Володя Тараненко был скорее разъярен, чем расстроен; слез не было. — Авт.)*

Продолжение стенограммы видеохроники группы «А». Худощавый офицер из группы Проценко запрашивает по радиостанции командира группы «А» генерала Зайцева:

— «Первый», «Первый»! Ответь основному входу — Баранников и остальные у Вас? *(остальные — это Ачалов, Дунаев, Тарасов и Полозков, обманным путем выведенные из «Белого дома» через 20 подъезд под предлогом выезда на переговоры к правительству Черномырдина. Они были вывезены на БМП-2 к метро «Краснопресненская» по Конюшковской улице к начальнику ГУО РФ М. И. Барсукову и далее, после весьма странного инцидента, на автомобиле прямо в «Лефортово».* — Авт.)

— Мы их держим за углом, отдельно — отвечает «1-й» — Зайцев.

Коржаков, почему-то, в первую очередь спрашивает о Бабурине и настойчиво его ищет, интересуется, где находятся, связанные с ним лидеры оппозиции:

— А вы где этих... Бабурина и всех?.. Исакова.. бл...?

— Да Бабурин здесь, говорят, — просовывается, кивая в сторону парадной лестницы, пожилой доброхот из президентской охраны, небрежно одетый в спортивный костюм, украинскую косоворотку с национальным орнаментом и плащ. На его седой голове с глупыми глазами навывкате — военное камуфлированное кепи.

— Да нет, они вышли сразу, сразу вышли, — пытаюсь быстро заткнуть доброхота и перевести разговор на другую тему, перебивает его полковник Проценко (старший офицер группы «Вымпел»): — На 3-м — 4-м этаже... (несколько слов неразборчиво).

Данное документально зафиксированное обстоятельство должно заинтересовать суд в связи с тем, что буквально через несколько минут после проявленного Коржаковым повышенного интереса к персоне Сергея Бабурина, последнего отделили от всех депутатов и защитников парламента и пытались расстрелять. При этом расстрельщиков взбесило, что Бабурин, в свое время с честью прошедший службу рядовым в Афганистане, пощады просить не стал и, несмотря на сыпавшиеся на него удары (били прикладами автоматов), продолжал улыбаться. Оказавшиеся рядом в этот момент и бросившиеся ему на помощь Алексей Суслов и депутат Исаков были жестоко избиты, но их вмешательство задержало и отложило на несколько минут казнь. В последний момент расстрелять Бабурина помешало случайное появление офицера «Альфы» (документировано свидетельствами трех человек и видеоматериалами, на которых зафиксировано лицо одного добровольца-палача). По мнению очевидцев и по видеоматериалам попыткой устранения Бабурина занимались военнослужащие из полка президентской охраны.

Продолжение стенограммы видеодокументов. 17.58. Коржаков входит в здание. До дверей его сопровождает неустановленный нами пока человек, который на весьма важных президентских встречах и различных видеопленках несколько раз зафиксирован рядом с Ельциным. Похожий на интеллигентного раввина загадочный господин с аккуратной бородкой (назовем его условно «Равви») спокойно стоит у внутренних дверей 1-го подъезда, расположившись справа от них. Влиятельный бородач воспринимается всеми присутствующими офицерами и кремлевскими гостями как должное, и по их поведению видно, что это далеко не рядовой участник событий *(офицерам «Вымпела» группа Коржакова представила его без имени как важного «представителя творческой интеллигенции от Егора Тимуровича»)*.

18.01. Начинается погрузка в автобус захваченного парламента начальства. Почему-то первым выводят Сашу-Морпеха,

предварительно обыскав его в дверях (по видеоматериалам без таймера их недавно с парадной лестницы завели обратно в 1-й подъезд). Следом — генерала Макашова, который первым и заходит в автобус. Морпеха пока отводят в сторону. В автобус заходит офицер «Альфы», за ним Хасбулатов, Руцкой и еще один офицер «Альфы». Начальника охраны Руцкого отводят в сторону. Входит в автобус и Коржаков...

Кто-то из офицеров «Альфы» кричит из автобуса на улицу: — Сергей! Вот этого! В черном берете, возьми тоже! К автобусу подводят Сашу-Морпеха и он заходит как и предыдущие в первую дверь.

18.03. Автобус «ЛАЗ» 82-62 МКВ — у основного входа, за ним БТР № 031 группы «Альфа». Младший сержант милиции командует в мегафон:

— Отошли все от автобуса!

На другой видеопленке за несколько минут до посадки в автобус зафиксирован краткий разговор Руцкого с офицером «Вымпела». Руцкой ожидает автобус в вестибюле 1-го подъезда «Белого дома». Он стоит вместе с офицерами группы «Вымпел» в окружении защитников парламента, рядом Хасбулатов. Руцкой, продолжая какой-то разговор с офицером «Вымпела»:

— Лично?

Офицер отвечает на вопрос Руцкого:

— Мы подчиняемся Главному управлению охраны.

Руцкой:

— Герасимов с вами?.. Напомни ему, как я его вытащил... (далее неразборчиво).

Перед тем, как под конвоем выйти из «Белого дома», Руцкой обратился к окружающим со следующими словами:

— Они могут пойти на все. Скажите, что вы видели нас, что мы не застрелились, чтобы наши трупы потом выдали родственникам. — Обращаясь к полковнику Проценко он добавил:

— Полковник! Вы можете увезти нас в турецкое посольство?

Хасбулатов:

— Какое тебе тут может быть турецкое посольство?!

Руцкой:

— У меня есть записи, кто нас предал, кто все обещал, кто о чем

говорил...

Затем Руцкой подозвал одного из депутатов и попросил того забрать документы, спрятанные им в каком-то укромном месте.

На кадрах видеохроники зафиксирован за несколько минут до попытки расстрела и горький ответ Сергея Бабурина оператору «Альфы» на вопрос последнего: «Что вы сейчас чувствуете?»

Кроме нескольких человек и БМП с бортовым номером 027, на площадке перед горящим «Белым домом» никого больше нет, стреляют. Бабурин отвечает мрачно и явно через силу:

— Я скорблю! За Россию!

И тут же депутат Николай Павлов резко:

— Ты скажи, что Клинтон — подонок и свинья! И больше никогда в России в Америку верить не будут!

— Спасибо! — представитель «Альфы». (Конец хроники)

Между 18.00 и 19.00 по Российскому телевидению объявили, что пожар на верхних этажах «Белого дома» начался в результате прямого попадания в кабинет Ачалова танкового снаряда, и, как они сказали, от его разрыва, скорее всего погиб... генерал-полковник Ачалов. Его жена как сидела у телевизора, так и сползла без памяти на пол. По странному совпадению, одновременно с этой информацией, четырех высокопоставленных генералов (генерала армии Баранникова, генерал-полковника Ачалова, генерал-лейтенантов Дунаева и Тарасова) вместе с депутатом Полозковым подвезли на БМП к зоопарку, где с ними и случился некий странный инцидент. БМП остановилась у забора и весь ее экипаж почему-то неожиданно покинул боевую машину. БМП стояла с работающим мотором, под носом у наших генералов торчал полностью снаряженный курсовой пулемет — машина была в их полном распоряжении... Ачалов случайно оглянулся и заметил наведенный на боевую машину хорошо знакомый ему... луч прицела ПТУР «Фогот». Кто-то с противотанковой управляемой ракетой из окна квартиры на 3-м этаже ближайшего дома нацелился на их БМП. Ачалов приказал всем немедленно покинуть машину, на что осторожный Баранников попытался возразить:

— На улице нас могут снайперы хлопнуть!

— Здесь сейчас всех вместе и хлопнут одним выстрелом, — прозвучал ответ генерал-полковника, после чего, перегнувшись через неловких коллег, он сам открыл люк, и все вылезли из БМП. Вскоре

четыре пассажира БМП увидели, как Баранников дружески обнимался с... Барсуковым.

Вторая видеопленка, на которой зафиксирован в фас и в профиль один из двух незадачливых расстрельщиков Бабурина, избивавший перед этим мальчишек из поэтического молодежного объединения. Съемка прекращена за 60-40 секунд до попытки расстрела Бабурина.

Стенограмма видеодокумента. Видеоряд:

По набережной идет Сергей Бабурин. Выстрел. Слышен радиобмен «Альфы»: «Только что был выстрел из СВД, снайперская винтовка. Как поняли? Прием!»

Бабурина задерживает журналист с просьбой дать оценку происходящему. Депутат стоит в метре от какой-то двери спиной к стене. Бабурин:

— Происходила агония российской демократии, 21-го числа произошел государственный переворот. Сейчас государственный переворот усиленно подкреплен физической ликвидацией парламента и тех, кто выступил на защиту Конституции. Но я думаю, что, к сожалению, это только начало очередной трагедии России.

Стрельба значительно усиливается.

Журналист: — Сергей Николаевич! Как Вы расцениваете перспективы ситуации в России?

— Вы знаете, тут не нужно сильно гадать. Все, очень похоже, идет по сценарию Германии 30-х годов, 33-й — 93-й. Рейхстаг уже горит. Российский рейхстаг. Что будет дальше, я думаю, очевидно всем.

— Сергей Николаевич! Как Вы представляете свою собственную судьбу — личную и общественную?

— Личная судьба, думаю, у нас у всех будет складываться по-разному. Я вполне допускаю, что обещания, данные защитникам Дома Советов, о том, что они все будут доставлены домой как свободные граждане, могут быть не выполнены. И скорее всего будут не выполнены.

Я отношусь к этому спокойно и все же планирую ехать домой. Мне не от кого скрываться в своей стране, тем более, что мне не в чем себя упрекать. А то, что сейчас мы продолжаем разговаривать с вами в военно-полевых условиях...

В дверь вбегает стайка молодых ребят и девочек из поэтического молодежного объединения. Девочка испуганно теребит его за рукав:

— Сергей Николаевич! Товарищ Бабурин! Там ребята остались, их избивают. Помогите, пожалуйста.

— Где они? Там остались?

Бабурин неосмотрительно шагает в темный проем и видит, как автоматчики в соседнем помещении избивают прикладами детей.

Из проема навстречу ребятам тут же выходит молодец в кожаной черной форменной куртке с нашитой на левом рукаве красной эмблемой и горизонтальной нашивкой на правом грудном кармане. Убийца перегораживает детям дорогу, отсекая их от Бабурина, и угрожающе говорит с непередаваемой интонацией ночного грабителя:

— Ну! Какие проблемы?

Именно этот военнослужащий вместе со своим подельником злорадно сказал Бабурину:

— Так это же сам Бабурин! Ты-то нам и нужен. Они запросили по радиостанции у своего начальства:

— Мы взяли Бабурина! Что с ним делать?

— Кончайте его.

(Зафиксировано в материалах радиоперехвата).

В этот момент на выручку Бабурина и бросился Исаков. Детей и оператора прогоняют. Конвоиры начинают спорить, кто из них расстреляет депутата:

— Я его шлепну!

— Нет, я!

При этом он и его товарищ били Бабурина прикладами автоматов и, выбирая место казни, повели его расстреливать обратно к стене внутреннего помещения магазина, у которой и было снято вышеприведенное интервью.

Существуют многочисленные свидетельства и данные судмедэкспертизы о том, как истязали и мучили перед расстрелом людей. Приведу лишь некоторые данные о расстрелах *детей и молодежи*.

Свидетельствует учительница, мать расстрелянного 18-летнего юноши Наталья Павловна Пескова: «Наших детей убивали зверски. Марину Куршеву застрелили на 7-м этаже, стреляя в окно квартиры. Студентка первого курса юридического факультета, красавица, обаятельная девушка. Матюхина Кирилла расстреляли в упор пять омовцев с чулками на глазах. Ребята — студенты электромеханического института — пришли на крышу посмотреть, что же происходит. Но эти звери даже не выслушали их. Ребята кричали:

«Мы студенты, безоружные, мы просто пришли посмотреть, что происходит». Эти звери делали свое дело. Обуха Диму, студента архитектурного института убили в затылок, Женю Виноградова изрешетили пулями, пять пуль в спину, две из них со смещенным центром. Рома Денисов — в школе его называли ходячей энциклопедией, — отличник, *пятнадцати лет*. Его убили в спину. Мой сын Юра получил *четыре* ранения: два в ногу, одна пуля со смещенным центром в живот и одна в спину. наших детей расстреляли, причем зверски, посреди белого дня, в любимом городе, по указу президента...»

Из заявления отца моей знакомой девушки-студентки Наташи Петуховой Юрия Евгеньевича Петухова:

«...Мы, хоронившие наших детей и близких, видели, что наши дети приняли мученическую смерть. Нам известны случаи, когда безоружных раненых людей, в том числе женщин, доставляли в милицию, а затем со следами истязаний — в морг».

{Свидетельство о смерти. Калинин Константин Владимирович. Умер 04.10.93 в возрасте 14 лет... Причина смерти: Огнестрельные пулевые, проникающие ранения грудной клетки и живота с повреждением левого легкого, сердца, кишечника. Москва. Россия}

Просто не поднимается рука описать следы истязаний, обнаруженные на теле 14-летнего Константина Калинина, половина из которых даже не была включена патологоанатомами, принуждаемых руководством ГМУ Москвы массово фальсифицировать медицинские заключения, в официальное свидетельство о смерти мальчика.

На фоне этих зверств, я думаю, не нужно объяснять, что делали с теми, кто был в форме или пытался защищать раненых. Чудом выжила и через полгода даже вышла из больницы молодая 20-летняя девушка, которая наивно собой пыталась загородить раненого защитника парламента.

И это был лишь один из наших свидетелей обвинения (*Валерия Воронцова, 1973 года рождения, запомнившаяся многим баррикадникам своим кратким нравом, покончила с собой летом 1994 года. — Авт.*)...

Из предсмертного письма В. Воронцовой:

«Осенью 93-го я была у «Белого дома». (Может, кто-то помнит

зеленоглазую блондинку Леру). Пришла туда потому, что ненавижу ложь, цинизм, подлость, ограниченность, тупость, человеческую жестокость, хамство — короче, все, что в избытке у г-на Ельцина, его приспешников и его режима. Пришла потому, что верила Руцкому, потому, что всегда уважала Хасбулатова (правда, вначале не понимала, что может быть общего у такого интеллигентного, умного человека с этим ничтожеством как Ельциным).

Держалась я там тихо-скромно, громко не кричала, тележурналистам на глаза не лезла — других дел было много: мужчина по имени Анатолий с пробитой головой, женщина (кажется, ее звали Галина Евгеньевна), у которой внезапно сердце прихватило, да много еще чего...

А когда началась настоящая бойня, на моих глазах убили подругу, с которой мы дружили больше 10 лет... А потом я оказалась между раненым в живот мужчиной и спецназовцем, с перекошенным от ненависти лицом. Я крикнула ему: «Не стреляй, он же ранен!», — на что спецназовец мне ответил: «Ранен, но не убит же...». Я бросилась и заслонила того мужчину, думала — в женщину тот поденок не выстрелит, но пули вошли в мою спину...

А потом, в замызганном, грязном подъезде меня, раненую, все время теряющую сознание, насиловали два омовца. Я до сих пор слышу их слова о том, что, мол, эти мучения «причисляются Руцкому и Хасбулатову, но нам до них не добраться, потому все сполна получишь ты...»

Я пришла в себя через 4 дня в больнице (спасибо тому, кто меня нашел и отправил туда). А вышла из больницы я только 1 марта 1994 года. Вышла, что после ранения в спину не предусматривается. Обычно выезжают в инвалидной коляске. Но я встала на ноги: спасибо врачам. Я снова вошла в эту жизнь, и что же я увидела? Моя страна по-прежнему разворовывается, все ниже склоняет голову перед Америкой. На экранах телевизоров все те же фигуры: от неискренного Алексея II до проституированного Марка Захарова, а на людей, которых я уважаю, выливают двойную порцию грязи.

Отомстит им всем кто-нибудь за мою подругу, которая, умирая у меня на руках, сказала: «А все равно Руцкой — президент», и родители которой до сих пор не знают, где ее тело, где она похоронена, за меня, за других женщин и девочек? Я бы хотела отомстить сама, но я женщина, мне всего 21 год, у меня нет сил и опыта. Я вовсе не жалуясь (наоборот, если бы надо было все повторить, я поступила бы так же, как тогда), но я обращаюсь к здоровым, сильным, умным, честным мужчинам: а если бы на моем месте оказалась ваша сестра, дочь, мать, жена?..

Я спрашиваю у уважаемых мной Александра Владимировича Руцкого и Руслана Имрановича Хасбулатова: неужели вы можете спокойно писать книги или работать на кафедре? Неужели у вас не стынет кровь и не замирает сердце?

Я не знаю, как надо бороться с ельцинским зверьем — с оружием или с воззванием в руках, но лично я знаю, что не смогу жить при этом режиме, руками которого я унижена, оскорблена и раздавлена. Знаете, выйдя из больницы, я не смогла жить в Москве. Не могу видеть этот (мой родной!) город и его жителей. В каждом омоньце я вижу одного из тех двоих. И до сих пор (уже больше полугодика прошло!) я кричу по ночам. Я уехала к знакомым в глухую уральскую деревню, но видите ли, тишина, природа, лес, грибки-ягодки, молочко парное — они ведь не спасают. Я по-прежнему каждую ночь вижу во сне ту бойню. В больнице я так кричала ночами, что будила весь этаж; врач даже назначил мне наркотики...

Еще раз повторяю: я не жалею и ни о чем не жалею. Просто я хочу дожить до часа расплаты. Придет ли он?

Кто-то скажет: это личная трагедия. Да, сегодня, может, и личная, а тогда, в октябре? В меня стрелял не какой-то уголовник, а человек, которого вооружил Ельцин и его режим. А за что меня так жестоко терзали те двое в вонючем грязном подъезде, за что они меня так ненавидели? Они говорили: «За Руцкого и Хасбулатова».

Поймите, октябрьская трагедия не кончилась, для некоторых людей она продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока не поплатятся за содеянное ельцины, филатовы, грачевы, ерины, яковлевы, шахраи, бурбулисы и другие...

С уважением и любовью Валерия Воронцова»

{Фотография. Москва. 4 октября 1993 года. Почерневший «Белый дом».}

{Фотография. Москва. 4 октября 1993 года. Расстреляны безоружные защитники «Белого дома».}

{Фотография. Москва. — 1 октября 1993 года. 9.10. Убит 19-летний защитник «Белого дома» — единственный сын в семье.}

Стенограмма видеоклипов приезда автобуса 82-62 МКВ в следственный изолятор МБ РФ «Лефортово»: Ночь. Внутренний дворик

тюрьмы. Коржаков уже на улице. Стоя несколько в стороне от автобуса с очень довольным выражением лица наблюдает, как из автобуса по очереди выводят титулованных арестантов. Выходят Макашов, за ним — офицер сопровождения, Хасбулатов, следом выходит Руцкой. Макашова с Хасбулатовым сразу уводят в здание. Затем звучит:

— Минуточку.

Руцкой стоит у крыльца чуть впереди автобуса. Вскоре ему вежливо говорят:

— Пройдите, пожалуйста!

Следом вылезает Саша-морпех, и его ведут за Руцким, заводят в отдельную комнату и громко вызывают следователя. Дверь закрывается (Конец стенограммы видеоматериалов).

К 4.00 6-го октября было приказано всем командирам штурма подготовить и сдать наградные списки. Маниакально любил этот час — 4.00 — один высокопоставленный коммунист! Видимо, лавры Гитлера подсознательно не дают покоя его больному мозгу. Характерно, что первый раз разгонять и убивать безоружных россиян он приказал в... 4.00 22 июня 1992 года (у «Останкино»). С 24 сентября он же постоянно настаивал начать штурм осажденного Дома Советов в 4.00. Было предложено это время для начала штурма и 4 октября, и лишь под нажимом командира «Альфы» и представителя руководства «Вымпела» время начала бойни удалось перенести на 6.00...

...Сегодня при взгляде на «Белый дом» на ум приходит, что стены дома всегда несут память о прошлых жильцах. Проклятьем «Белого дома» станут тени расстрелянных, поэтому не будет удачи у новых жильцов и их начинаний. Думаю, что еще очень долго от вселения в самый крупный в мире морг-крематорий будут уклоняться люди с нормальной психикой.

Понимаю, что, выполнив приказ о неприменении оружия 3-го и 4-го октября, мы одержали моральную победу, а команда Ельцина (точнее, стоявшая тогда за ними и цинично подставившая его группа проамериканских «демократов») потерпела политическое и нравственное поражение. Тот переворот в сознании российского обывателя, который не удавалось достичь многочисленными призывами к спасению Отечества, как-то наметил наглядный и небывалый по своей жестокости расстрел парламента, которому нет прецедента во всей мировой истории! Тем не менее мне невыносимо тяжело представлять само это заклятие и последние минуты мужественных наших безоружных товарищей —

офицеров, казаков и баррикадников, когда глумливая и в стельку пьяная эмвэдэшная и президентская солдатня из полка его охраны ставила их к стенке, а «бейтаровцы» садистски убивали даже раненых.

Апофеозом героизма и высоты духа защитников парламента стали Смоленская площадь, прорыв к «Белому дому», мэрия, «Останкино» и штурмуемый парламент, а символом — встречающий бронетранспортер безоружный человек с бутылкой бензина в руках. Их было не один, и не два — десятки. Те герои пробы октября 1993 года, кто без оружия пошел на автоматные и пулеметные очереди из мэрии, кто грудью встал на пути бронемашин и лег под гусеницы танков, кто с бутылкой бензина шел во весь рост на БТРы в «Останкино» и у «Белого дома», могли бы составить славу и цвет любого государства.

Убежден, что никакому спецназу никогда не удастся воспитать у своих бойцов и малой толики того боевого духа, мужества и убежденности, которые мы видели у сотен и тысяч защитников парламента. Трагедия в том, что вся эта могучая сила оказалась совершенно безоружной — у людей не было ничего, чтобы защитить даже самих себя. У меня нет сомнения, что если бы у расстрелянных в парламенте было необходимое оружие, то войска Гайдара-Ельцина побежали бы. И этому есть убедительные доказательства: от одного лишь слуха о подходе на защиту парламента БТРов наемники начинали в панике разбегаться, пытаясь спрятаться за ранеными или трупами расстрелянных.

Тем более, что — вот жестокий парадокс истории! — к утру 4-го октября на стороне Верховного Совета в Москве находилось **больше** вооруженных сил, чем у Ельцина. Достаточно было лишь одному из командиров этих частей решиться открыто вывести войска к зданию Дома Советов, чтобы авантюра государственных изменников с треском провалилась! Но ни один из них не решился — в Москве не нашлось ни одного верного присяге батальона. Честь армии в ночь с 3-го на 4-го октября спасли добровольцы — офицеры Подольского учебного полка во главе со своим командиром полковником Бородиным, капитан 3-го ранга Остапенко со своими матросами из-под Ногинска, неизвестные части, вступившие в бой с бронетехникой Ельцина на дальних подступах к Москве...

Многое пришлось переосмыслить во время осады парламента и чудовищных массовых расстрелов. После «Белого дома» многое стало видеться более отчетливо и ясно. Разные люди вынесли оттуда:

- ♦ терпимость и уважение к личности другого человека, когда ни у кого из нас просто не поднималась рука обидеть пожилых наивных людей и сорвать столь любимый ими красный флаг;

- ♦ уверенность, что в стране все же остались приличные люди и что их не так уж и мало;
- ♦ что правда и Бог на нашей стороне: ведь вернулись из мертвых те, у кого вообще не было ни одного шанса уцелеть, и это неспроста. Видимо, они зачем-то вскоре понадобятся.

Может быть, октябрьская трагедия позволит теперь обывателю лучше рассмотреть всех наших разрушителей. Ведь с тех пор по сусалам каждого из них течет кровь расстрелянных. Кризис в ночь с 3-го на 4-ое октября заставил закулису «засветить» и повязать кровью весь второй эшелон режима — «учеников» Бильдербергского клуба: требовавшего уничтожить детей и женщин Немцова и «500-дневного» авантюриста Явлинского, провозгласившего с экрана ТВ: «Никакой пощады!»; окончательно скомпрометировавшего укротителя регионов вице-преьера Шахрая и советника отрешенного президента Станкевича. В панике многие темные лошадки скинули свои маски и с перекошенными от ненависти лицами публично призывали к немедленной расправе, физическому уничтожению беззащитных сторонников закона и Конституции, открыто поддержали расстрел парламента.

Не получилась у закулисы и задуманная «промежуточная» кремлевская рокировка. Вместе с Ельциным, Гайдаром, Бурбулисом и Шумейко по локти в крови оказалась и их сменная команда из коррумпированных генералов промышленности — Черномырдина, Сосковца, Лобова и ряда других.

Не достигнута и стратегическая цель ГКЧП-2 1993 года — расчленение России, нарушение территориальной целостности нашего государства. ГКЧП-1 1991 года — уничтожение СССР, ГКЧП-2 — ... пшик. Учитывая, насколько легко с помощью ГКЧП-1 удалось уничтожить СССР, у «закулисы» слишком велик соблазн устроить нам ГКЧП-3 и решить вековую геополитическую задачу. Последняя четко сформулирована в девизе Ватикана, впервые услышанном мной в 1989 году в приватном разговоре с профессором иезуитского колледжа: «Уничтожить сатанинскую Русь!»

И еще считаю необходимым получить ответ на три основных и один второстепенный вопрос, учитывая, что по убийствам срока давности нет.

5 октября. Вторник.

4 вопроса по штурму «Белого дома».

Вопрос первый: сколько человек вырвалось живыми из окруженного «Белого дома» по подземным коммуникациям и по верху, не считая сдавшихся десантникам и группе «Альфа»?

Вопрос второй: какова судьба оставшихся в «Белом доме» людей?

Вопрос третий: сколько их было?

Вопрос четвертый: кем убиты штурмующие из ГУО, МО и МВД?

На *первые* два вопроса и на четвертый можно ответить довольно точно.

Факт. *Не сдались и вырвались живыми из «Белого дома» всего около 121-145 человек, из них по подземным коммуникациям 4-го и 5-го октября в разных направлениях вышли около 71(95) человек, около 50 человек с боем прорвались поверху вечером 4-го октября в направлении метро «Краснопресненская».*

Пытаясь скрыть правду о расстрелянных защитниках парламента и их тайно уничтоженных трупах, эмвэдэшный генерал Аркадий Баскаев утверждал, что около 800 «боевиков» ушли по подземным коммуникациям и, заметая следы, добровольно записались в убитые.

Чуть позже я вернусь к этим официально названным МВД цифрам «добровольно исчезнувших» защитников парламента, цифрам, которые, скорее всего, определяет совершенно другая — закрытая статистика.

Пока же берусь опровергнуть ложь МВД о спасшихся и вышедших через подземелья. Утверждаю, что *по подземным коммуникациям вышло не более $12+3+6+43(67)+2+3+2=71(95)$ человек.*

Для того, чтобы вообще обсуждать вопрос о подземных коммуникациях, предварительно следует вспомнить:

(1) о расположении входов и выходов из подземных коллекторов;

(2) о людях, знавших их месторасположение и знавших об отсутствии в подземных ходах мин.

Под нашумевшими подземными ходами «Белого дома» подразумеваются два подземных «сухих» коллектора с трубами горячего водоснабжения, идущих от «Белого дома» вдоль набережной соответственно влево (в сторону Плющихи и далее до Новодевичьего монастыря) и вправо (в сторону Хаммеровского центра). Выход коллектора в сторону станции метро «Краснопресненская» был надежно перекрыт перед границей посольства США.

Были известны два входа в подземные коллекторы через вентиляционные шахты с квадратными решетками. Они располагались на газонах у торцов «Белого дома». Нашими «подземными» штабными разведчиками Ачалова, разведчиками-спелеологами полка баррикадников и Особистом Баранникова использовался вход в первый коллектор. Он располагался на газоне между мэрией и 24-м подъездом «Белого дома», 4-го октября дойти живыми до этих входов на виду у БТРов и снайперов, даже знавшим об их существовании, шансов было очень мало.

Выход на пути метро был только из спортзала и 28-29-го сентября эта сейфовая дверь, как и все остальные выходы в подземные коммуникации, были прочно заблокированы с двух сторон: с одной стороны — баррикадниками, с другой — неизвестными нам группами. Подробности, как все это тогда происходило, описаны в настоящем дневнике за 28 сентября, поскольку из штаба Ачалова тогда посылали с проверкой именно меня. Из-за произведенной тогда двусторонней блокировки дверей 4-го и 5-го октября никто не мог выйти из «Белого дома» или спортзала на железнодорожные пути метрополитена.

Где находились выходы из подвала и подземного этажа «Белого дома» в подземные коллекторы, никому не было известно вплоть до вечера 4-го октября.

Чугунные люки канализационных и всех других подземных колодцев, выходящих на дорожки и тротуары вокруг «Белого дома», из-за угрозы проникновения через них ОМОНа были надежно заклинены снаружи баррикадниками еще 28-29 сентября. Добежать с наименьшим риском для жизни до крышек люков можно было лишь во внутренних дворах «Белого дома» и ближней зоне 14-го подъезда. При этом нужно было всего в нескольких шагах от БМП и БТРов, ведущих огонь на поражение, суметь расклинить люк и, не побоявшись

разрекламированных мин, под огнем успеть нырнуть вниз. В любом случае для спасения необходима была очень большая удача.

Теперь перечислю всех, знавших, как пробиваться к тем или иным входам в подземный коллектор, и способных вывести кого-либо вообще через подземные ходы. Поскольку у защитников парламента не было ни одного миноискателя и практически не было фонарей, они должны были точно знать, что на самом деле никакого минирования подземных коммуникаций не было. Этими людьми были разведывавшие подземные ходы, ходившие по ним на задания и охранявшие лабиринты, а именно:

- ◆ разведчики-спелеологи полка баррикадников;
- ◆ несколько «подземных» разведчиков Ачалова из нашего штаба;
- ◆ «особист» Баранникова (бывший особист полка);
- ◆ руководство Департамента охраны ВС РФ.

4-го октября по подземному коллектору вышли четыре группы:

- ◆ группа сотрудников Департамента охраны ВС РФ с одним раненым (12 человек);
- ◆ группа под руководством командира-спелеолога из разведки полка Маркова (3 человека);
- ◆ наша группа во главе со штабными разведчиками Ачалова (всего 6 человек);
- ◆ группа Особиста, подчинившего себе оставшихся разведчиков-спелеологов (43-67 человек).

5 октября вышли две группы:

- ◆ «Хаммер-группа» из 14-го подъезда (2 человека);
- ◆ группа Дмитрия (3 человека).

Группа командира спелеологов в количестве трех человек, а потом и наша группа во главе со штабной подземной разведкой Ачалова смогли попасть в подземный коллектор через наземный вход в вентиляционную шахту напротив мэрии. Следом смог бы уйти только дежурный постовой — спелеолог, оставшийся лежать у этого входа.

Все остальные из тех, кто был знаком с подземным коллектором, из-за плотного огня БТРов и БМП уже не рискнули или просто не смогли пробиться к этому входу в коллектор. Под командованием Особиста они

с 12.00 до 15.00 4 октября блуждали по подвалу и подземному этажу «Белого дома» в поисках внутреннего входа в коллектор. Им повезло найти дверь в сухой коллектор, выходящий к Новодевичьему монастырю.

Из других прорывавшихся через наружные входы в коллектор пока известны лишь двое отчаянных, которые смогли на виду у БМП около 14-го подъезда добежать до чугунного люка. В составе группы был человек, знакомый с подземным коллектором «Белого дома» с августа 1991 года. Эта группа «Хаммер-центра» смогла сорвать заклиненную крышку, прошла под землей до выхода, расположенного вплотную с Хаммеровским центром, где и переночевала, не поднимаясь наружу. Вылезая утром 5 октября на улицу перед самым крыльцом Хаммеровского центра, они вспугнули эмвэдэшный заслон. Группа Дмитрия, выходявшая через пять часов вслед за ними, уже нарвалась у этого выхода на засаду.

Дверь из подземного этажа «Белого дома» в коллектор «на Плющиху» была найдена только во второй половине дня 4-го октября группой Особиста. Дверь удалось взломать.

Вход из «Белого дома» в подземный коллектор, уходящий в сторону Хаммеровского центра, был случайно обнаружен в полдень 5 октября группой Дмитрия лишь по истечении суток бесплодных поисков.

Обе железные двери были надежно закрыты, но и группе Особиста, и группе Дмитрия удалось их открыть.

Группа офицеров ДО ВС РФ вышла первой в районе Арбата за спиной удивленных солдат из оцепления ВВ МВД (через боковой ход в коллекторе «на Плющиху»). Им даже не пришлось взламывать дверь в подземный коллектор — они ее открыли ключом и, к сожалению, уходя закрыли за собой.

По следам группы Дмитрия и следом за группой Особиста из подземного этажа «Белого дома» практически никто больше не ушел, так как из оставшихся там людей милиционеры отдела специального назначения ДО ВС РФ были арестованы эмвэдэшниками 5 октября в бункере-бомбоубежище (4 человека во главе с подполковником ОСН), как и большинство прятавшихся там рабочих. Отдельного рассмотрения требует судьба оставшихся в подвале «Белого дома» 9 солдат-дзержинцев с двумя офицерами, торжественные похороны, похоже, одного из которых показывали на всю страну.

Поверху из «Белого дома» прорвались всего около 50 человек.

В этой группе был и встреченный мной 4-го октября в парадном подъезде «Белого дома» рядом с Макашовым прибалтийский омоновец. От него мы и узнали подробности их отчаянного броска на БТРы и далее через дворы в сторону улиц Большевикская и Заморенова.

Эти защитники парламента имели достаточный боевой опыт и прорывались организованной группой с оружием в руках. В одном месте они лоб в лоб столкнулись с военнослужащими ВВ МВД и разминулись с ними практически без единого выстрела. Наши ребята проявили выдержку и прошли, не открывая огня, фактически сквозь строй БТРов. Разминулись бочком, взяв на прицел численно превосходящих их эмвэдэшников. Автоматчики же МВД испугались лобового столкновения с опытными людьми и не пожелали испробовать на своей шкуре, что такое стрельба друг по другу в упор.

Обстановка вокруг «Белого дома» 4 октября 1993 года.

В какой обстановке происходил другой прорыв — безоружных людей на Дружинниковской улице примерно в 12.00 4-го октября, свидетельствуют показания девушки очевидца.

«...Утром около 8.00 я попыталась выйти на метро «Баррикадная», но поезд проехал дальше, минуя также и станцию метро «Улица 1905 года». Когда я выбралась на поверхность, увидела, что люди, спешащие то ли на работу, то ли к «Белому дому», давно махнули на транспорт рукой. Из-за дальнего расстояния еще ничего слышно не было, но тоскливое ощущение беды не покидало.

Добираться пешком — значило бы потерять слишком много времени, а автомобильных добровольцев как-то не находилось. Поэтому пришлось пообещать приличную сумму, чтобы подъехать поближе. Но в центре уже на всех подъездах к «Белому дому» стояли пикеты ГАИ. Шофер мой оказался единомышленником и пытался проехать хотя бы дворами. Но попытки были напрасны — в районе гостиницы «Пекин» нас все же изловили. Обреченно водитель газанул назад и не выдержал — вышел к гаишникам: «Мне стыдно за вас, мужики!» Естественно, дальше я не прислушивалась.

По Садовому я бежала со всех ног. Кольцо пустое: одна-две машины на большой скорости проносятся к «Маяковской», в спешке захлопываются палатки, коммерсанты напуганы, служащие какого-то офиса тихо обсуждают что-то у дверей, какие-то молодые люди доброжелательно пытаются меня остановить. И тут до меня доходит — это не привычный утренний гул большого города, это далекая канонада.

Меня душат слезы. Я опоздала.

Уже подбегая к площади Восстания, вижу выезжающие на Садовое кольцо БТРы. Мысленно считаю — 9. На площади полно автобусов. И с той, и с другой стороны Садового кольца народные собрания. Тут уже все стоят молча, угрюмо. Даже не пытаюсь остановиться — может, еще можно *туда* пройти. Сворачиваю к метро «Баррикадная» и удивляюсь — на другой стороне улицы серые шеренги с автоматами, по улице туда-сюда шныряют БТРы, в сквере перед высоткой и на цокольном магазинном этаже полным-полно солдат, около бывшего детского кафе-мороженого стоят два танка, а к станции метро и от нее, хотя она закрыта, «спокойно» идут люди.

Когда я поравнялась с метро, краем глаза уловила бегущих от высотки автоматчиков. Процедуры сжатия людей около метро и последующего избиения я за эти дни видела не раз и знала — спасают только быстрые ноги. В считанные секунды оказалась возле зоопарка и глазам не поверила. «Белого дома» почти не было видно из-за густого дыма. Все трещало, свистело и ухало. И невозможно было поверить, что все это происходит наяву.

За оградой зоопарка, словно звери в клетке, стояли люди. К нашей кучке гонимых от метро опять со всех сторон приближался ОМОН. И кое-кто, карабкаясь на высокое ограждение (более 3-х метров), последовал примеру перескочивших за забор зоопарка. Остальные припустили вдоль ограды, выискивая лазейку. Тех, кого догоняли, избивали и гнали дальше.

Я забежала в первый дворик за зоопарком (за *домом № 4 по улице Красная Пресня*. — Авт.). Здесь уже находилось много людей. Еле отдышалась, как за спиной опять раздались матерные окрики озверевших омоновцев. Одного мужчину сбили с ног и молотят дубинками. Все пустились врассыпную. На первом этаже какое-то коммерческое заведение (*черный вход магазина «Цветы» в доме № 6*. — Авт.). На шум выглядывает женщина маленького роста восточной национальности, за ней мужчина. Натыкаясь на нее, молю пустить переждать, но она сердито захлопывает передо мной дверь (*повторяя недавно этот октябрьский маршрут, я увидел в магазине «Цветы» торговку-коротышку. Ее бизнес процветал — торговля гвоздиками шла бойко, так как на место гибели защитников парламента и таких, как те, кому она отказала в помощи и спасении, сплошным потоком идут люди и покупают в ее заведении траурные букеты. Свидетель вовремя подхватила меня под руку и поскорее увела от людей, у которых не оказалось ни сердца, ни сострадания...* — Авт.).

Из дворика выбегаем на Волков переулок, упирающийся в

Киноцентр. Около него колышется милицейская форма. Они выпускают под ноги нам, бегущим, длинную очередь. Охота идет с двух сторон. Так бегали со двора во двор и прятались, возвращаясь снова и снова к Киноцентру. На каком-то моменте я сломалась от унижения, боли за своих, кого там... села на землю, молюсь, плачу — эмвэдэшники мимо пробежали, наверное, за сумасшедшую приняли.

И вдруг что-то произошло. Омоновцы, как по команде, повернулись в сторону «Белого дома», прячась за углы домов и показывая друг другу направо. Потом из-за Киноцентра появились люди в темной форме с гранатометами на плечах. И пятились они, ко всеобщему нашему восторгу, задом. Кто-то крикнул: «Драпают гады!» И мы все подхватили «Ура!». В ответ от автоматчиков сразу же последовала очередь. Позднее я узнала, что так напугало наших врагов. Это была одна из отчаянных попыток прорыва безоружных демонстрантов по Дружинниковской улице на защиту парламента, когда многочисленные группы молодых людей раз за разом решительно накатывали на расстреливавших их из автоматов эмвэдэшников, что достаточно полно описали свидетели, как например, австралийский журналист Себастьян Джоуб (*а вот как описывается та же ситуация в оперативной сводке МО РФ: «11.30. Доклад командира 2-й мед: «Со стороны тыла скопилась большая толпа, ведет огонь из стрелкового оружия и прорывается к «Белому дому». Милиция и МВД бездействуют».* — Авт.).

И что самое невероятное, на той улочке около Киноцентра людей становилось все больше и больше. Перепугавшийся ОМОН долго не покидал своего укрытия. Одна компания пробралась к нам на машине и включенная на всю громкость магнитола притянула к себе людей. Мы жадно слушали сообщения, как в войну сводки «Совинформбюро». «Белый дом» мы видеть не могли, но в небе над ним стоял дым, пороховые облака, а в них кружащие вертолеты.

Люди немного ожили. Обсуждали вчерашнюю демонстрацию. Один мужчина с живыми глазами сетовал на то, что вчера демонстранты до смерти порезали солдат, и поэтому они так лютуют. Я, естественно, обвинила его во лжи и по праву участника рассказала некоторые подробности. Обладатель «живых глаз» с этого момента не отставал от меня ни на шаг: «Девушка, такая молодая, что же вас сюда привело? Кто у вас в «Белом доме»? Знакомые? Родные?» Мне стало противно — под маской сочувствия скрывался откровенный сексот.

12.00. У меня подкашиваются ноги. По радио передают, что спецподразделения заняты первые 4 этажа. Беспокойство сменяется тоской — все кончено, мои были на 2-м! Теперь надо ехать домой и

ждать. Становится все равно, но надо отвязаться от этого особиста.

Стрельба немного затихает и отдельные отчаянные личности перебежками преодолевают улицу мимо Киноцентра. Рассчитываю верно: кретин-сексот под пули не полезет, и спокойно шагаю к зоопарку. Но ОМОН больше не стреляет, только матерится.

В зоопарке все, как в прошлый раз — люди за решеткой. Направо смотреть не могу и туго соображаю, где сейчас легче поймать машину. Вижу, что мимо метро пробегают люди, и устремляюсь туда, чтобы выйти на Садовое кольцо.

В это время на другой стороне к кафе-мороженому на торце высотки вооруженные солдаты в больших круглых касках выводят пленных. На углу высотного здания стоят два современных танка, таких же, как и те, что нам потом показывало ТВ на Калининском мосту. Пленных с полсотни. Они строем по трое почти бегут, подгоняемые со всех сторон пинками и прикладами. Часть из них гонят к автобусу, а часть ставят к стенке и обыскивают. Замираю на одну минуту, выискивая глазами своих. Я нахожусь около закрытого входа в метро «Баррикадная», когда это происходит. Пятеро с автоматами бегут наперерез, кричат неперебиваемое. Я, конечно, поворачиваюсь, но в голове набат: «Не бежать! Только не бежать!» И сразу получаю прикладом по спине и по голове.

— Тебя, сучка, это не касается?

— У меня нога болит, — огрызаюсь на ходу.

— А на х.. ты... сюда ... с ...ногой ? — в лицо ударяет сильный запах перегара.

Мне с детства говорили, что мое упрямство меня в могилу сведет. Вот, видимо, и момент подоспел. После пинка они подхватывают меня под руки и волочат вверх за метро «Баррикадная» к зданию министерства (*Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов на Баррикадной улице.* — Авт.). Слева, за двухметровым камнем спряталась женщина — солдаты ее, к счастью, не заметили. Вижу, что впереди трое других мерзавцев с автоматами наизготовку окружили школьников — совсем пацанов (человек 8 или 10). А вокруг больше никого нет, если не считать танков у кинотеатра «Пламя», да цепи военных через дорогу. Надо сказать, что раньше всегда бросалось в глаза огромное количество мальчишек, просачивавшихся в сентябрьские дни к «Белому дому».

Особой злостью отличался один эмвэдэшник. Я сначала подумала, что крыша у дяди поехала. Он все время прыгал между нами, избивая прикладом то одного, то другого, и орал, что его братанов

порезали (уловила знакомую фразу шпика) и сейчас он нас... Это производило впечатление особенно в сочетании с лицом — желтой мордой, красными глазами и с пеной на синих губах — он был бешеный. Потом скомандовал всем встать на колени и затем лечь лицом вниз, руки и ноги в стороны, сопровождая ударами ботинок. Увидев, что я стою, подскочил и ударил под коленки. Я не знаю, что бы он еще вытворил, если бы не один светловолосый мальчуган лет 15, не больше.

Отвлекая внимание на себя, он вскочил на ноги белый, как полотно:

— Если ты такой борец, выйди со мной на ринг, а не здесь с автоматом силу показывай!

Дальше был кровавый кошмар. Эта пьяная сволочь кинулась к мальчишке, сбита с ног и стала зверски долбить его дулом автомата прямо в живот, в пах. Мне казалось, что вот-вот произойдет выстрел, так как омоневец держался за курок. Я кричала другим автоматчикам: «Если он его убьет, вам придется всех нас убить!» Может, они были трезвее или мои слова до них дошли, но они оттащили ублюдка и принялись потрошить сумки лежащих на земле мальчишек. Я воспользовалась паузой и побежала, и поэтому не знаю, что стало с моим невольным защитником.

Бессудные расстрелы раненых и пленных

Специального расследования требуют факты бессудных расстрелов раненых и задержанных защитников конституционного строя подразделениями МВД генерала Романова — ОМОН, сводной ротой ОМСДОН и РУОП ГУВД Москвы (из «московской связки»: Рушайло-Панкратов-Лужков), военнослужащими полка президентской охраны и «бейтаровцами» СВА Котенева.

После того, как были обнародованы заключения патологоанатомов (подтвержденные свидетельствами близких) о гибели в результате садистского применения огнестрельного и холодного оружия троих членов Союза офицеров, ответственные за выдачу оружия из МВД неожиданно изменили свои первоначальные показания и стали утверждать, что штык-ножи ими 3-4 октября 1993 года личному составу не выдавались.

Тем не менее, даже поверхностный опрос защитников парламента позволяет сразу назвать ряд уважаемых свидетелей:

- ◆ генерал-майор Юрий Веняминович Колосков (человек в

камуфляжных брюках выведен из его группы в 40 человек низкорослым военнослужащим в хаки и каске-сфере, заведен за угол и застрелен из ПБ. Вернувшись, офицер сообщил: «Убит при попытке к бегству!»);

- ◆ подполковник милиции Михаил Владимирович Руцкой — средний брат А. В. Руцкого (на углу переулка Глубокий и Краснопресненской набережной, убегая от эмвэдэшника с РПК, вынужден был заслониться от пулеметной очереди невысоким оперативником. Оперативник, дежурившим на углу с радиостанцией в гражданское одежде с гарнитурой скрытого ношения, был убит на месте. Руцкой — получил касательное ранение в бок и ранен в ногу. Скрывшись в подъезде Михаил Руцкой видел как из подъезда вытащили троих раздетых по пояс людей и тут же у стены углового дома расстреляли из автоматов. Он также слышал крики (но не видел) насилуемой женщины. В дальнейшем, на подходе к станции метро из проезжавшего мимо омоневского автобуса с разбитыми стеклами шумной компанией одной автоматной очередью были убиты двое молодых людей, которые шли метрах в 100 впереди Михаила.);
- ◆ депутаты Бабурин, Шашвиашвили и другие — свидетели «изъятия» из последней партии задержанных около 15 мужчин, судьба которых нас сильно волнует (неизвестный в камуфляже подошел и спросил: «Кто хочет служить в спецназе? Шаг вперед!». Из строя вышли около 15 человек. Одного из них, молодого подполковника, схватив за руку, попытался удержать Иван Шашвиашвили: «Куда ты, дурачок?!». Бесследно исчезнувший офицер ответил: «Не беспокойтесь, Иван Арчилович! Я думаю, мы с Вами еще встретимся.»);
- ◆ депутаты NN, которые видели расстрел высокого парня в джинсовом костюме и кроссовках, как и успешное преследование на двух милицейских УАЗах бежавшего с пустым АКС-74У по Рочдельской улице гражданского мужчины, завершившееся его убийством;
- ◆ родители Шумского и Петуховой, мать Кости Калинина...

Список может быть продолжен.

Многие задержанные показывают, что при осмотре ладоней по запаху пороха эмвэдэшники выявляли и сразу выводили из строя молодых ребят...

Что говорить, если из последней группы членов ВС РФ депутата Ивана Шашвиашвили не только избили (как и Олега Румянцева) и изъяли

документы, но сбив с ног уже воткнули ствол автомата в ухо, изголавливаясь его пристрелить. Лишь крик Сажи Умалатовой заставил автоматчика сначала запросить начальство «Что делать с депутатами Шашвиашвили, Румянцевым, Умалатовой?..», на что по радиостанции прозвучал четкий приказ: «Депутатам вломить как следует! С остальными поступить по инструкции!» Вряд ли в инструкции МВД было указано «не трогать», скорее — «расстреливать на месте».

Мы никогда не забудем, что массовые октябрьские расстрелы были организованы под рукоплескания и улюлюканья, кричавших во все горло «распни их» штатных «правозащитников» и содержанцев Госдепартамента США, требовавших от Б. Н. Ельцина проявить в Москве «необходимую твердость и жесткость». Удовлетворенно шурилась, получая сводки людских потерь Елена Боннэр. Типичным было и поведение платного функционера дэровцев, председателя Комитета по правам человека (!) Сергея Адамовича Ковалева, рассылавшего в эти часы многочисленные факсы со своим кровожадным обращением к гражданам России, в котором, в частности, говорилось: «...я готов защищать эти права от толпы погромщиков. От осатанелой толпы, которой ее преступные вожаки вручили оружие, превратив ее в острое фашистского мятежа. Завтра ружьики и хасбулатовы... установят свой советский порядок... Все мы были слишком наивны, пытаюсь разрешить кризис путем переговоров с людьми, которые сегодня продемонстрировали свое истинное лицо — лицо отечественного фашизма. Этого нельзя допустить. Все, кто хочет защитить нашу демократию, наше будущее, должны выполнить свой гражданский долг. *Солдаты — верностью законному Президенту и правительству, граждане — спокойной поддержкой их...* 3 октября 1993 года».

И этот беспринципный косноязычный убийца женщин и детей, в своем обращении обвинивший невинно убиенных православных в покушении на права «черных, евреев и демократов...», был незамедлительно назначен указом Ельцина на зарплату *Уполномоченного по правам человека при Президенте РФ!* Назначен, когда не остыла еще кровь расстрелянных! Расщедрился и Госдепартамент США, который в качестве оплаты за верную службу предоставил любимому *сыну* Сергея Адамовича вид на жительство в США, а благодарные американцы — еще и высокооплачиваемую работу единственному отпрыску «спецправозащитника», перебравшемуся на жительство в США.

Результатом кровавых чайний радикалов стали зверски замученные, попавшие еще живыми в руки победителей тяжелораненые

защитники конституционного строя России. Приведем только два заключения судмедэкспертизы по случаю убийства раненых защитников Дома Советов:

«...Произведена судебно-медицинская экспертиза трупа неизвестного мужчины, опознанного как Парнюгин Сергей Иванович, 1972 г. р.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА. Из постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, вынесенного 5.10.93 следователем прокуратуры г.Москвы Леонтьевой, следует, что: «4 октября 1993 года в морг №3 г.Москвы от «Белого дома» с признаками насильственной смерти был доставлен неизвестный мужчина».

ПОВРЕЖДЕНИЯ: В области спинки носа в 0.5 см слева от срединной линии ссадины неопределенной формы размерами 2x1 см. На наружной поверхности *левого коленного сустава* в 56 см от подошвенной поверхности стоп обнаружена *рана звездчатой формы*, представленной тремя лучами. Рана заканчивается в поверхностных мышцах. В области краев раны очаговые темно-красные блестящие кровоизлияния...

На внутренней поверхности *правого коленного сустава* в 55 см от подошвенной поверхности стоп *рана квадратной формы*. Она заканчивается в подкожной жировой клетчатке.

В области верхне-внутреннего квадрата правой ягодицы в 96 см от подошвенной поверхности стоп в 6 см от срединной линии *рана* округлой формы с неровными мелкозубчатыми краями.

В правой *глазничной области сине-багровый кровоподтек* с довольно четкими границами.

В теменной-затылочной области обнаружена рана звездчатой формы, располагающаяся в 1.5 см слева от срединной линии и на 7 см выше наружного затылочного выступа.

В лобно-теменной области в 1.5 справа от срединной линии и на 8.5 см **выше верхнего края правой глазницы обнаружена входная огнестрельная рана** округлой формы...

ВЫВОДЫ.

1. При вскрытии были обнаружены огнестрельные ранения, образовавшиеся при выстреле из огнестрельного оружия, снаряженного пулями.

а) Сквозное **огнестрельное пулевое ранение головы** с повреждениями костей черепа и вещества головного мозга по признаку

опасности для жизни относится к тяжким телесным повреждениям, и наступление смерти находится с ним в прямой связи... Раневой канал проходит в направлении *спереди назад*, несколько справа налево и практически горизонтально.

б) Слепое огнестрельное ранение таза и левого бедра с повреждением прямой кишки, левой ветлушной впадины и головки бедренной кости — по признаку опасности для жизни относятся к тяжким телесным повреждениям, ***однако наступление смерти в прямой причинной связи с ним не находится***. Раневой канал проходит в направлении сзади вперед и сверху вниз.

Смерть гражданина Парнюгина С.И. наступила от сквозного огнестрельного ранения головы с разрушением вещества головного мозга. Были также обнаружены:

— ***резанные раны*** в области обоих коленных суставов, образовавшиеся ***от воздействия острых предметов***, обладающих режущими свойствами;

— ссадина в области спинки носа, образовавшаяся ***от воздействия тупого твердого предмета***.

Судебно-медицинская экспертиза трупа Ермакова Владимира Александровича, 44 лет.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА. «4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА В МОРГ №3 Москвы от «Белого дома» с признаками насильственной смерти доставлен труп Ермакова В.А.».

НАРУЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. ...Снята и осмотрена следующая одежда: куртка кожаная коричневого цвета. Свитер шерстяной коричневый. Рубашка кремовая с длинными рукавами с вертикальными белыми и светло-коричневыми полосками. Футболка белая с короткими рукавами. Джинсы синие с коричневым кожаным ремнем. Брюки синие спортивные, синтетические. Трико черное х/б. Трусы — плавки трикотажные в пестрый бело-синий рисунок. Носки синие шерстяные. Ботинки черные кожаные на резиновой подошве. С трупом доставлен противогаз. На задней-боковой поверхности правой штанины джине в 50 см от низа и 9 см от правого бокового шва вертикально расположено сквозное повреждение ткани щелевидной формы длиной 2,2 см с разволокненными краями, верхний конец повреждения представляется заостренным. Такого же характера и размеров повреждения определяются на подлежащих слоях одежды: спортивных брюках и трико. ***Других повреждений на одежде нет***. На задней поверхности ворота куртки, в области ее спинки, на рубашке и

свитере имеются участки пропитывания кровью, а также наложения подсохшей крови.

По снятии одежды: труп мужчины правильного телосложения, несколько повышенного питания, длиной тела 175 см. На коже лица и волосистой части головы обильные наложения подсохшей крови. Глаза закрыты, роговицы прозрачные, зрачки округлые по 0,4 см, соединительные оболочки глаз бледные, блестящие. В носовых ходах, наружных слуховых проходах, в полости рта значительное количество кровянистого содержимого. Кайма губ сероватая. Слизистая полости рта бледная.

ПОВРЕЖДЕНИЯ. В задних отделах левой теменной области в 2,5 см от средней линии и на 6 см выше наружного затылочного выступа расположена округлая рана диаметром 0,4 см с зубчатыми кровоподтечными краями с кольцевидным пояском осаднения диаметром 0,2 см. При пальпации костей свода черепа определяется резко выраженная патологическая подвижность. ***В левой лобно-скуловой области вертикально расположен участок осаднения 12х3 см темно-красного цвета с западающей поверхностью. На фоне участка осаднения определяются вертикально расположенные царапины. Кроме того, в лобной области слева имеются округлые ссадины диаметром 0,2-0,3 см с темно-красной подсохшей западающей поверхностью.*** В окружности ссадин кровоподтеков нет. На наружно-задней поверхности правого бедра в нижней трети в 55 см от стопы вертикально расположена рана щелевидной формы длиной при сведенных краях 2,1 см, края раны кровоподтечные, зубчатые, с неравномерно выраженными сероватыми пылевидными наложениями. Задний край раны осаднен на ширину до 0,2 см темно-красного цвета. При сопоставлении краев раны у нижнего ее конца определяются три надрыва кожи длиной 0,2-0,3 см с зубчатыми осадненными краями.

Дефекта мягких тканей в зоне этой раны нет. При послойном исследовании правого бедра установлено, что от раны в направлении справа налево и несколько спереди назад и снизу вверх отходит щелевидный раневой канал, проходящий в толще мышц бедра, длиной 5 см, слепо заканчивающийся в толще задней группы мышц бедра, где обнаружен фрагмент оболочки ***пули*** желтого металла в виде пластины 2х0,5 см, деформированной по краям. Других частей пули не обнаружено. В мышцах по ходу раневого канала синюшно-красные кровоизлияния по типу пропитывания.

Имеется многоосколчатый перелом всех костей свода основания черепа, с переходом на переднюю, среднюю и заднюю черепные ямки, а также на кости лицевого черепа. Перелом костей

свода черепа представлен сочетанием меридиальных и экваториальных линий, которые ограничивают множественные фрагменты костей черепа различной формы и размеров. Со стороны основания черепа наиболее обширные повреждения обнаружены расположены в передней черепной ямке. Вещество головного мозга полностью бесструктурное (за исключением мозжечка и стволового отдела), кашицеобразной консистенции, с примесью свертков крови, с множественными костными осколками. Определяется лишь местами рельеф мозга. Какие-либо структуры полушарий мозга и его основания неразличимы.

При пальпации вещества головного мозга в толще его обнаружена часть пули (оболочка без сердечника) со следами от полей нарезки ствола, диаметр пули около 0,5 см; один из концов части пули резко расплюснут, края вывернуты наружу. Других частей пули в полости черепа не обнаружено.

ВЫВОДЫ. На основании судебно-медицинской экспертизы трупа гр-на Ермакова В. А., результата судебно-химического исследования в соответствии с вопросами постановления прихожу к выводам:

1. На трупе гр-на Ермакова В. А. обнаружены огнестрельные пулевые ранения, которые могли образоваться 4 октября 1993 года при выстрелах их огнестрельного оружия, снаряженного пулей:

— слепое огнестрельное **пулевое ранение головы** с повреждением костей черепа, вещества головного мозга.

Раневой канал имел направление: сзади вперед и несколько слева направо, слепо заканчивался в веществе головного мозга, где была обнаружена часть пули (с оболочкой желтого металла), диаметром 0,5 см.

Данное повреждение по признаку опасности для жизни относится к тяжким телесным повреждениям, и наступление смерти находится с ним в прямой причинной связи; — **слепое огнестрельное ранение** мягких тканей правого **бедра**. Входная огнестрельная рана располагалась на наружно-задней поверхности правого бедра в нижней трети в 55 см от подошвенной поверхности стоп, длиной 2,1 см. Раневой канал имел направление справа налево, несколько спереди назад и снизу вверх, слепо заканчивался в толщине мышц правого бедра, где был обнаружен фрагмент оболочки пули желтого металла 2х0,5 см.

Данное повреждение относится к **легким** телесным повреждениям, и наступление смерти в прямой причинной связи с ним не находится.

2. Кроме огнестрельных ранений, при вскрытии трупа

обнаружены ссадины в лобной и левой лобно-скуловой областях, которые образовались *от скользящих воздействий тупых твердых предметов*.

Защитника российского парламента, члена Союза офицеров Владимира Ермакова последний раз видели живым, раненым в бедро 4 октября 1993 года. Сергей Парнюгин был тяжело ранен в живот и перенесен к другим раненым в холл 1-го этажа «Белого дома». Других повреждений на тот момент у них не было...

{Схема подвала приемной Президиума ВС РФ (здание спортзала), составленная полковником Ключниковым}

Подвал «Белого дома» 4-5 октября (показания очевидцев)

Для того, чтобы полностью развеять и другой миф о тысячах спасшихся в подземельях «Белого дома», усиленно формируемый командой Ельцина, — о двух с половиной **тысячах его защитников, отсидевших в подвале «Белого дома» и сдавшихся десантникам**, приведу свидетельства очевидцев, вышедших из подвала Дома Совета 5 октября.

Во второй половине 4-го октября в подземельях «Белого дома» оставались:

- ◆ 11 военнослужащих дивизии Дзержинского — 9 солдат и 2 офицера,
- ◆ группа в 12 человек (из милиционеров Департамента охраны с Александром Бовтом, нескольких охранников Хасбулатова), вышедших по подземному коллектору в районе Арбата;
- ◆ группа из 4 сотрудников ОЧН ДО ВС РФ (во главе с подполковником — начальником отдела специального назначения), закрывшаяся в бомбоубежище и арестованная там 5 октября;
- ◆ 6-8 прячущихся в секциях зала воздуховода местных рабочих, найденных эмвэдэшниками под фальшполами 6 октября;
- ◆ вооруженный автоматом мужчина в берете и его безоружный товарищ,
- ◆ Дмитрий с двумя офицерами,
- ◆ группа неизвестной численности, забаррикадировавшаяся в затопленном позднее Аркадием Баскаевым бункере спортзала и, по

официальным данным, — бесследно исчезнувшая вместе с оставленными там баррикадниками утром трупом.

Показания Дмитрия и капитана ВДВ Смирнова.

Во время обхода «Белого дома» стрельбой по маршевым пролетам Дмитрий и его два товарища-офицера были загнаны в подземную западню. В полдень 5 октября они втроем еще блуждали в поисках спасительного выхода по подземным этажам горящего и расстреливаемого «Белого дома», утратив всякую надежду спастись.

Спустились в подвал и сразу нарвались на милиционеров во главе с Бовтом, переодетых в гражданское и пытающихся капитулировать с самого утра. Неожиданная встреча в темноте сопровождалась лязгом передергиваемых затворов, поэтому милиционеры предосторожности ради стали выкрикивать свой позывной: «Артем! Артем!» (по таблице позывных Департамента охраны — Артем-3, Артем-5 — позывные отдела охраны Дома Советов — ООДС ДО).

Вскоре они попытались избавиться от группы Дмитрия, предложив им поискать выход в противоположном конце подвала, где якобы должен был находиться вход в сухой коллектор. При этом сотрудники Департамента упомянули о существовании двух коллекторов — одного непроходимого «мокрого» и проходимого «сухого» с трубами горячего водоснабжения. Но где располагались входы в них, они сами якобы точно не знали.

Все вместе спустились вниз и пошли по широкой дороге технического этажа. У одного из входов в подвал «Белого дома» они увидели автоматчиков. В отсветах карманных фонарей замелькали солдатские каски и бронежилеты. Один из автоматчиков, напряженно глядяваясь в темноту, громко выкрикнул:

— Стой! Кто такие?

— Мы свои! В ответ с пьяной издевкой:

— А мы 119-й парашютно-десантный полк. — И после паузы:

— Выходи по одному! Оружие держать над головой на вытянутой руке!

Сдаваться не хотелось. Произошла заминка. Первая автоматная очередь в упор вывела всех из оцепенения. Рядом с головой Дмитрия со второй или третьей очереди пули пробили какую-то трубу и оттуда стал бить кипяток. Общий косяк людей распался и растворился в подвальных помещениях. Дороги группы Дмитрия и команды Бовта разошлись.

Преследовать их в подвальной темноте гвардейцы не решились.

После этого подлого случая Дмитрий с ребятами правильно оценили грозящую им перспективу: если им не удастся найти вход в подземный коллектор, живыми их отсюда не выпустят, поскольку никаких пленных в подвале и подземельях «Белого дома» просто не будет. На следующий день у этого входа они увидели большую лужу крови. Лужи крови были и в других местах подвала «Белого дома».

После нескольких часов бесплодных блужданий, четырех взломанных дверей и десятка вывернутых чугунных люков «ливневой» канализации, почти отчаявшись, они вошли в дверь огромного воздуховода. Внутри громающего оцинкованного короба шли во весь рост. Дошли до большого помещения бойлерной, в котором отсиживались семь местных рабочих. Рабочие подробно рассказали все, что знали сами. Посоветовавшись, все вместе приняли решение укрыться в секциях воздуховода, а напоследок осмотреть смежные помещения.

Вышли из воздуховода. Согнув и разломав пополам дюймовую трубу, Дмитрий вооружился своеобразной лопаткой-«заточкой», с помощью которой он смог отодрать от заинтересовавшей их двери гаражный замок. Вошли в какой-то длинный ход, по его сторонам располагались силовые кабели. Длинный ход заканчивался закрытой дверью. Из-за двери слышались голоса. Ребята Дмитрия взяли автоматы на изготовку и спросили:

— Кто такие? Ответа не последовало.

— Сколько человек?

— Мы без оружия! Нас 11 человек!

Отвинтив замок, Дмитрий вошел к ним с автоматом наизготовку:

— Вы кто?

Перед ними стояла группа безоружных и явно деморализованных военнослужащих в форме внутренних войск МВД.

— Мы солдаты дивизии внутренних войск Дзержинского.

Кроме солдат, в этой группе оказались два офицера — майор и старший лейтенант. Надо отдать им должное: офицеры не бросили своих солдат. Из разговора выяснилось, что вчера они перешли на сторону Верховного Совета.

Майор был в фуражке, старший лейтенант — в зимней шапке. Заблудившиеся в темных переходах, они наткнулись на эту дверь с другой стороны. Дзержинцы сказали, что за добровольный переход на сторону парламента их сразу же расстреляют. Они уже знали, что всех в военной форме и камуфляже убивают на месте.

Судя по всему, некоторых из блуждавших в подземном этаже «Белого дома» перебежчиков из дивизии Дзержинского штурмующие действительно расстреляли. Как выяснилось, 7 октября на всю страну ТВ показало торжественные похороны в числе погибших дзержинцев офицера, очень похожего на этого майора (у него было характерно вытянутое лицо). Дмитрий убежден, что необходимо проверить обстоятельства гибели майора дивизии имени Дзержинского Сергея Анатольевича Грицюка, рядовых Олега Михайловича Петрова и Юрия Владимировича Лобова. Журналисты могут поинтересоваться и судьбой симпатичного спутника того майора — старшего лейтенанта дивизии Дзержинского с аккуратными светлыми усиками.

Пошли дальше все вместе. Взломав очередную дверь с надписью «Коллектор», попали в огромное помещение со стенами в два-три этажа. Посередине стоял разобранный автомобиль. Подобно цеху любого завода, наверх в комнату начальства под потолком вела металлическая лестница. Там Дмитрий нашел шкафы с рабочей одеждой и долгожданные схемы подземных коммуникаций «Белого дома». Позже эти синие спецовки сыграли свою спасительную роль.

Просмотрев под светом фонарика все листы схемы, Дмитрий не обнаружил месторасположения выхода из «Белого дома» сухого коллектора — в этой документации все проходные помещения были замкнуты в круговую. Предложив дзержинцам переодеться в рабочую одежду, Дмитрий с ребятами незаметно скрылись от них, не желая рисковать быть скрученными и выданными малознакомыми эмвэдэшниками своим однополчанам. В кромешной темноте оторваться удалось достаточно просто.

Неожиданно троица Дмитрия набрела на трех о чем-то живо переговаривающихся сотрудников Департамента охраны. В темноте милиционеры их не увидели. В отсветах собственных фонарей несмотря на гражданскую одежду, милиционеров выдавала короткая стрижка. Переговорив, они ушли.

Со стороны лестницы на ребят наткнулся невысокий капитан Леша в милицейской шинели и с радиостанцией в руке. Перед этим он выводил наверх людей из подвала сдаваться. Сам он сдаваться не решился и направлялся в бомбоубежище переодеться в гражданское. Сказал, что всех, кто в форме, убивают на месте — сразу ставят к стенке. Это капитан милиции неоднократно слышал по своей радиостанции. Утверждалось, что солдатиков хорошо накачали водкой перед атакой, а что такое пьяная солдатня, никому не надо было объяснять, как и то, что уготовано бедным женщинам. По его словам, в бомбоубежище был телевизор, запас воды и прочее.

Но те, кто оказался за сейфовой дверью в недоступных простым смертным комнатах бомбоубежища, ни с кем не хотели объединяться. Милиция отдела специального назначения прорываться на волю не собиралась и, спокойно пересидев весь штурм в надежном убежище, затем успешно капитулировала 5 октября.

Забывтого капитана они ждали всего пару минут. Тот тщетно названивал в дверной звонок и колотил в дверь минут 15. На слова Дмитрия, что же это за друзья, капитан лишь грустно вздохнул и ушел куда-то наверх переодеться, не скрывая своего намерения сдать. На прощание показал, где находится вторая сейфровая дверь. *(В бункере, где в августе 1991 года трое суток отсиживался Ельцин, закрылись четыре сотрудника отдела специального назначения ДО ВС РФ. — Авт.)*

Появившемуся вскоре около необъятной двери бомбоубежища Особисту, видимо, и рассказали о таинственных людях в гражданской одежде, захлопнувших перед носом всех обитателей подвала надежду на спасение. Рассказывая о коварных охранниках Хасбулатова («МН» № 44 1993), Особист просто не знал, что дверь вела лишь в бомбоубежище и никакая не выводила из «Белого дома».

Вторая сейфровая дверь была также закрыта изнутри. Она соединяла подземным коридором «Белый дом» с подвалом спортзала. Таким образом, можно смело утверждать, что в спортзале в полдень 4-го октября остались живые люди. Надеясь пересидеть штурм, они закрылись изнутри. Живыми их оттуда не выпустили.

Стрельба, крики стали слышны громче. Дмитрий со спутниками решили спрятаться и поспешили вернуться в зал воздуховода к группе местных рабочих. Секции гаражного типа располагались последовательно и скорее всего служили для забора воздуха. У рабочих была ножовка, монтажка, другие инструменты по металлу. Они рассказали о выходе на улицу около кооперативного киоска и предложили разместиться по соседству и переждать. Объяснили, что сейчас, в светлое время, выйти невозможно — рядом стоит БМП.

Первой мыслью было спрятаться в одной из свободных ниш, но и от этой мысли ребята отказались сразу же. Без труда обнаружив прячущихся в нишах рабочих, троица Дмитрия отчетливо понимала, что «чистильщики» так же легко доберутся и до них. Выдавать же себя за рабочих офицерам и Дмитрию было просто глупо. Ребята решили, что в подвале можно пересидеть хоть месяц, тем более что рядом была вода.

Вскоре раздалось звериные крики со стороны парадной лестницы. Прислушавшись, разобрали кровожадные вопли мясников, ожидавших для расправы вывода пленных. В здании и в самом подвале стрельба не стихала еще всю ночь и утро следующего дня до 5.30 — 6.00

часов (ночью стрельба велась из автоматов и пулеметов, иногда громыхали очереди БМП и КПВТ, периоды затишья длились не более 15-20 минут).

В огромном пылеуловителе с ячейками-секциями со стеной один метр на три и высотой около трех метров ребята Дмитрия содрали тряпку и залегли между трубами невдалеке от рабочих. Оборудовали себе наверху с помощью тряпки пылеуловителя неприметное убежище. Было очень холодно. Лежали спина к спине, время от времени расталкивая храпящего товарища. Как выяснилось потом, этой ночью все трое молились.

Замаскировавшись, они сверху наблюдали за перемещениями рабочих и редкими посетителями. От этого занятия их отвлекло только уничтожение одной окладистой бороды. Поскольку ничего режущего у ребят с собой не было, эту операцию проделали следующим образом: один подпаливал бороду огнем зажигалки, второй усиленно задувал вспыхивающую бороду.

Вскоре в оставленную ими нишу забралась еще одна компания. Пришли двое. Парень в берете был с автоматом АКС-74У и деловито снаряжал магазин патронами (возможно, это и был застрелившийся несколькими часами позже на глазах преследователей-омоновцев Вячеслав Анатольевич Бондаренко с завода «Кустанай», 1975 года рождения). Утром 5 октября между 6.00 и 6.30 парень в берете и его товарищ ушли.

Еще через 40 минут ушли и рабочие. Не выдержали бездействия и ребята. Ушел на разведку один из товарищей Дмитрия. Вскоре он вернулся уже выбритым, умытым и в чистой рабочей одежде. Офицер обнаружил станок для бритья и шкафы с робой. Переодевшись и приведя себя в порядок, ребята решили обследовать казематы «Белого дома» дальше. «Копченый» — вчерашний обладатель окладистой бороды — тоже стал похож на человека. Не желая расставаться с бритвенным станком, он на ходу сбрил еще и усы. Прошли склад минеральной воды. В нескольких местах натолкнулись на большие лужи крови. Нашли оторванный погон, рваные окровавленные бинты, были и следы пребывания бойцов РНЕ.

Поднялись повыше — в подвал. Прошли мимо раздевалки, душевой, места разгрузки машин. Через щели заметили, что на газонах «Белого дома» вокруг воздухозаборников и у горловин шахт коллектора расположились в засаде пулеметчики. Вдруг Дмитрий увидел место, в котором из «Белого дома» выходили в подземный коллектор трубы водоснабжения и силовые кабели. Металлическая дверь была закрыта на гаражный замок с выдвинутым на 8-10 см язычком. Рядом валялся

пожарный багор, которым кто-то перед ними тщетно пытался открыть дверь (как нам удалось выяснить, багор оставила группа Особиста, которая с его помощью пыталась 20 часами ранее взломать эту дверь в подземный коллектор; ребята из группы Особиста потом долго удивлялись удачливости своих последователей. — Авт.)

...Дмитрий стал возиться с замком. Спутники-офицеры не верили, что вообще удастся отомкнуть столь крепкие запоры. Тогда мы не знали, что духовник Дмитрия в эти дни раздал всей своей пастве иконки, наказав старушкам молиться день и ночь за наше спасение. Непонятно как, но петли вокруг язычка гаражного замка удалось развести, и спасительная дверь из «Белого дома» в «сухой» коллектор распахнулась. Это произошло около 11.30 5 октября. Как и нам, им пришлось идти по колено, а иногда и по грудь в воде.

В коллекторе Дмитрий обнаружил следы пребывания предыдущей группы: на трубах они оставили изоленку скотч, по всей видимости, когда разбирали сдвоенные рожки и прятали автомат. Это была, по всей видимости, группа «Хаммер-центра», проникшая в коллектор с улицы. Над первым выходом непонятно зачем (очевидно, просто от скуки и избытка боеприпасов) очередями палила по «Белому дому» из автоматической пушки БМП-2 (или БМД-2). Над вторым и третьим расположились автоматчики.

В 13.00 5 октября группа Дмитрия попыталась выйти там же, где выходила группа «Хаммер-центра» из двух человек. К этому времени, наученные столкновением с предыдущей группой, эмвэдэшники спустились под землю и расположились на дне шахты непосредственно в самом коллекторе. Лишь чудом можно объяснить, что, увидев фонарь небрежно расположившихся в засаде автоматчиков, Дмитрий с двумя товарищами погасили свой фонарик.

Возвращаясь в полной тьме к набережной, только благодаря выключенному свету они случайно заметили скрытый заброшенный лаз. Им повезло, что его решетка настолько проржавела, что ее удалось сорвать. Дмитрий и два офицера вылезли прямо на набережную недалеко от плавучего «Казино» на глазах изумленного прохожего. Прошли по набережной подальше от «Белого дома», помылись на спуске к Москва-реке. Миновав стройку, прошли невдалеке от патрульных милиционеров. К счастью, в районе спорт-комплекса ходило много рабочих именно в таких синих робах. Лица и состояние одежды выбравшихся правдоподобно маскировали их под изрядно загулявших ремонтников и рабочих-сантехников. В районе «Белого дома» крутилось достаточное количество подозрительных лиц в штатском.

Пешком дошли до железнодорожной станции и, пропустив одну электричку, доехали до Белорусского вокзала. Имитируя мирную беседу трех пьяниц, ребята засекли в электричке оперативников. Последние были везде, ими был буквально забит весь город — видимо, МВД реализовало какой-то оперативный план тотального наружного наблюдения. На вокзале взяли частника и уехали домой.

На второй вопрос тоже можно ответить точно.

Факт: По убийствам срока давности нет! 4-го октября действовал приказ Ерина-Куликова (МВД), Грачева (МО) и Барсукова (ГУО):

— уничтожить находящиеся в «Белом доме»!

Приказы о поголовном уничтожении и стрельбе на поражение открыто передавали по рациям командиры штурма. Барсуков официально приказал «Альфе» уничтожить находящиеся в «Белом доме», Грачев — танкистам, тулякам и таманцам, Ерин — ОМОНу и дзержинцам. Коржаков уже после вывода пленных на лестницу «Белого дома» публично требовал расстрела защитников парламента: «У меня приказ — ликвидировать всех, кто в форме!»

После выхода депутатов с «Альфой» этот приказ был в точности выполнен. Были уничтожены все оставшиеся защитники парламента за исключением арестованных днем 5 октября в подвале — четырех милиционеров ОСН Департамента охраны и нескольких местных рабочих, а также шестнадцать защитников из заслона 14-го подъезда (арестованных в 3.30 5 октября на 6-м этаже «Белого Дома»). Тела расстрелянных были тайно вывезены и уничтожены.

Доказательство того, что приказ был выполнен, это то, что по официальным данным, ни одного раненого и ни одного трупа в здании парламента НЕ ОБНАРУЖЕНО. Официально объявлены в качестве погибших в «Белом доме» убитые на улице, собранные медбригадами Ю. Хольхина и А. Шестакова.

Доказательства из официальных данных, содержащихся в проправительственных источниках. Напомню их.

По официальным данным, пленных в «Белом доме» за период после выхода депутатов и до окончания штурма было 42 человека.

ЗАВЕЩАНИЕ НЕСДАВШИХСЯ ЗАЩИТНИКОВ БЕЛОГО ДОМА

Сейчас, когда Вы читаете это письмо, нас уже нет в живых. Тела наши прострелянные пулями, сгорают в стенах Белого дома. Но мы хотим обратиться к Вам, которым повезло остаться живыми в этой кровавой бойне. Мы искренне любили Россию, хотели чтобы на нашей родной земле (а уезжать в иноземные края мы не собирались) восстановился наконец-то тот порядок, который Богом определен ей, а название ему — СОБОРНОСТЬ; когда каждый человек имеет равные права и обязанности, а преступить закон не позволено НИКОМУ, в каком бы высоком чине он не был. Конечно мы были наивными простаками, но поверьте, придет время и Россия придет к такому управлению обществом. Теперь за свою доверчивость мы наказаны, нас расстреляют и, наверное, в конце концов предадут, потому что мы были лишь пешками в чьей-то хорошо продуманной игре. Но дух наш, патриотический дух не сломен. Умирать страшно, но нас что-то поддерживает, кто-то невидимый говорит нам: «Вы кровью очищаете свою душу, и теперь сатана ее не достанет. Мертвые вы будете гораздо сильнее живых».

В наши последние минуты мы обращаемся к Вам, граждане России. запомните эти дни, не отводите свой взгляд, когда наши обезображенные тела будут смеясь демонстрировать по телевидению. Все-все запомните и не попадайте в те же ловушки, в которые попали мы. Скорее всего после того, как они расправятся с нами, дело дойдет и до Вас: единоголосное одобрение всего в правящих структурах, повышение цен, воров-коммерсанты и нищие обзодленные работники. Только не на кого будет теперь обижаться. Но все же, дай Бог, чтобы миновала Вас чаша сия.

Простите нас. Мы же прощаем всех, даже тех ребят солдат, которые были посланы нас убивать, они в этом невиновны. Но мы никогда не простим к проклинаем ту бесовскую шайку, которая своей жирной задницей села на шею России. Ми верим, что в конце концов наша Родина освободится от этого сионского ига.

Наши братья и сестры, берегите свою веру, Богом данную. А русским людям завещаем сохранить ПРАВОСЛАВИЕ, не дать затоптать его иностранным проповедникам. Наши души с Вами. РОССИЯ НЕПОБЕДИМА.

4.10.93.

{Из фондов Государственной публичной исторической библиотеки России (Сборник документов 22 сентября — 4 октября 1993 года)}

Сегодня известны 30 пленных — 4 милиционера, десяток рабочих из подвала «Белого дома», 16 защитников парламента, уцелевших из всего заслона 14-го подъезда.

Единственные группы были собраны под охраной «Альфы»

медбригадой Ю. Холькина и А. Шестакова *на улице* и снесены под Калининский мост (бригада Ю. Холькина была организована по инициативе члена Спасательного центра ММА). За два полных дня 4-го и 5-го октября вместе с расстрелянными из БТРов под Горбатым мостом баррикадниками собрано на территории вокруг «Белого дома» 50 трупов и подобрано на улице около 50 раненых, из них более 30 тяжелых («МК» № 234 1993). Всем известно, что половина даже этих трупов бесследно исчезла. Они не попала ни в морги, ни в официальный отчет.

К ночи же 4-го октября медбригады собрала туда чуть меньше тел: «Перед тем, как стемнело, мы насчитали под мостом 41 труп» («МК», № 234 1993). Напомню, что 38 трупов днем отправили в морг на грузовике с прицепом.

Наши свидетели утверждают, что трупов под мостом было значительно больше — к ночи 4-го октября трупы сложили в штабель, который достигал около двух метров в высоту и занимал несколько метров в ширину. Среди мертвых, накрытых полиэтиленовой пленкой, оказалась и раненая девочка, которую показывали днем по ТВ: четверо бегом, петляя, несли из Дома Советов голое худенькое тело, из свежей раны в боку текла кровь.

Пьяные победители в Кремле на радостях приказали ограничить данные официального отчета о количестве погибших защитников парламента этой не столь пугающей и, можно сказать, предписанной из-за океана цифрой, учитывая, что в 18.48 им поступило серьезное предупреждение и ясное указание (вечер 4-го октября, 18.48 по московскому времени, CNN): «...Это рискованная политика для **президента Клинтона**. Косвенным образом он поддержал применение силы, и **это может обернуться против него, если окажется, что количество жертв сегодняшних событий окажется велико**. И тем не менее в конечном итоге эти события должны способствовать упрочению демократии в России (!)»

И это несмотря на то, что еще в 18.00 Волгогонов (член «комиссарского» штаба в ОВС СНГ по управлению войсками МО РФ в обход Грачева, созданный в ночь с 3 на 4 октября В. Черномырдиным в следующем составе: К. Кобец, О. Сосковец, В. Самойлов, Ю. Родионов, М. Полторанин, Д. Волгогонов) публично заявил по ТВ, что по данным их штаба в парламенте на данный момент обнаружено «не менее 800 убитых», а в 16.00 CNN объявило о наличии 500 убитых в «Белом доме».

Для правдоподобия на следующий день (после успешного тайного вывоза трупов защитников парламента из внутреннего дворика Дома Советов на рассвете 5 октября) несколько должностных лиц скорректировали официальную цифру расстрелянных по количеству

собранных с улиц и снесенных под мост трупов, называя цифру — 49 убитых, только убитых уже якобы «в здании». Все кремлевские заговорщики так или иначе в дальнейшем называли цифры, близкие к количеству трупов в штабеле у моста.

{Фотография. Москва. 4 октября 1993 года. Они защищали Россию...}

Точку в этом обмане поставил комендант «Белого дома» из МВД Баскаев, который в старании выслужиться даже назначенную ему сверху цифру убитых в здании разбавил ранеными, официально подведя черту в «40 убитых и раненых», а в апреле 1994 года договорился уже до того, что... «военнослужащие внутренних войск МО ВВ МВД России в период выполнения служебно-боевых задач (по распоряжению командующего А. С. Туликова № 909 от 16.10.1993 г. данный «период», начавшийся 4.10.1993 г., официально закончился в 5.00 18.10.1993 г. — Авт.) в районе «Белого дома» с 18.00 4 октября 1993 г. видели 22 трупа. Эти данные подтверждены документально. Местонахождение трупов было следующим...», и далее Аркадий Баскаев официально объявляет, что 21 труп подобрал на улице и только один труп (!) был обнаружен внутри Дома Советов — «в подъезде № 23» (Москва. Осень-93. с. 517). Видимо, понимая несерьезность подобных утверждений, ответственный за вывоз и сокрытие трупов генерал ссылается на медиков: «Кроме этого, 20-25 раненых и убитых было вынесено бригадами «скорой помощи». Это полностью опровергается свидетельствами медперсонала самой медбригады, которой после 17.00 4-го октября «чистильщики» разрешили найти в «Белый дом».

{Фото ИТАР-ТАСС. Москва. 5 октября 1993 года. «Белый дом». Обед на крови.}

«Свидетельства сотрудников медбригады, «патрулируемой» группой «Альфа» и находившейся в районе стадиона:

— на первых этажах «Белого дома» ни убитых, ни раненых не было... Но выше 7-го («цокольного») этажа «стакана») военные нас уже не пускали, сославшись на то, что там все горит и можно отравиться газами, хотя оттуда доносились выстрелы и крики...

Мы дежурили в здании до 11.00 5 октября» («МК», № 234 1993)

И это сообщается в проправительственной, оправдывающей

палачей хронике событий!

Свидетели — врачи: Ю. Холькин, А. Андреев, А. Воробьев, М. Вайнштейн, В. Крупецков, Е. Маслова, Д. Кошелев.

Последняя, третья медбригада в составе трех врачей (первая бригада — это врачи Спасательного центра ММА, действовавшие внутри Дома Совета) прибыла в район «Белого дома» около 10.00 4 октября и развернула под Калининским мостом на Краснопресненской набережной перевязочную и пункт экстренной медпомощи. С этой бригадой доцента Медицинской академии Андрея Шестакова прибыл следующий транспорт: 2 санитарной машины — из академии и 2-из института трансплантологии. Ни одной санитарной машины начальник ГМУ Москвы Соловьев несмотря на многочисленные просьбы и требования не дал!

{*Фотография. Москва. Октябрь 1993 года. «Белый дом» за решеткой.*}

Бригада Шестакова оказала первую помощь 48 раненым (первый раненый был доставлен «к себе» — в академию; принимала от них раненых и больница № 61), отправила в морги 38 погибших. После отказа Соловьева предоставить машину даже для вывоза тел, по свидетельствам врачей медбригады им все же удалось часть трупов из под моста вывезти *на грузовике с прицепом. Убитых погрузили в три ряда. Тем не менее штабель уменьшился незначительно.*

Фактически отказ в оказании медицинской помощи раненым защитникам парламента 4 октября 1993 года был отмечен со стороны всех официальных «спасательных» структур: и ГМУ, и МЧС, и Красного Креста, и движения «Врачи — без границ»...

Были зафиксированы случаи отказа приема раненых, их гибель уже в больницах от ножевых (фигурируют и проколы шилом жизненно важных органов у раненых, как например, у Германа Пономарева) или огнестрельных ранений, оскорблений и унижения со стороны отдельных врачей. Например, Главный врач НИИ Скорой помощи им. Н. В. Склифосовского В. А. Олейник категорически отказал врачам Спасательного центра устанавливать дополнительные медицинские посты для раненых, называя последних **бандитами и преступниками**.

Невозможно отрицать тот простой факт, что раненых даже с улицы заносили в здание «Белого дома». Их там было столько, что не успевали оказывать медицинскую помощь.

Кроме того, по официальному заявлению 6 октября заведующего

оперативно-информационным отделом Центра экстренной медицинской помощи «врача» Д. К. Некрасова, вывоз трупов из «Белого дома» на этот день еще и не начинался («КП» от 25.11.1993).

В то же время, начиная с 5 октября, согласно официальным данным в московские морги трупы с огнестрельными ранениями из района «Белого дома» и «Останкино» уже больше не поступали.

Можно достоверно утверждать следующее:

- ♦ убиты все оставшиеся выше 6 этажа в «стакане»;
- ♦ находившиеся с 7-го по 14-й этаж (в «стакане») — еще сутки продолжавшего расстрела, добитые раненые и невзятые пленные, умершие от потери крови без оказания медицинской помощи;
- ♦ находившиеся в огне на 15-м этаже и выше до 19-го этажа включительно. Это заживо сгоревшие и задохнувшиеся, легкая добыча снайперов в огне пожара.

Дело в том, что огонь начавшегося на 15-м этаже в районе маршевых лестниц пожара практически сразу отрезал все пути спасения и обрек людей на долгую и мучительную смерть. Эти пять этажей выгорели дотла со всеми своими обитателями. 4- 5-го октября лежавшие на виду обуглившиеся трупы и части разорванных тел были снесены «чистильщиками» в туалеты цокольного этажа 20-го и 8-го подъездов, окна которых выходят во внутренние дворики Дома Советов (западный и восточный), и к которым вплотную и подгонялись крытые труповозки — КАМАЗы и ЗИЛ. Однако расчет на то, что постоянно сновавшие, например, в восточный внутренний дворик через неприметный 19-й подъезд труповозки вывезли все трупы, себя не оправдал. Даже спустя неделю после расстрела парламента при разборе завалов на 15-19-м этажах, образовавшихся в результате танкового обстрела и пожара, находили обуглившиеся останки человеческих тел и обгоревшие трупы.

На тех этажах, где не было пожара, оба лестничных пролета и служебная лестница были непроходимы из-за прицельного заградительного огня и пуль снайперов. Ночью спуститься на 6-й этаж с верхних этажей «стакана» никто не мог. В темноте защитники парламента под инфракрасными прицелами ночного видения «чистильщиков» были практически беззащитны.

О том, что происходило в «стакане», как убивали там безоружных людей и насиловали женщин, могли бы много поведать надписи на стенах. Как известно, на верхние этажи доступ русским рабочим и служащим был категорически запрещен. Очищать стены там доверили турецким рабочим. Не надо объяснять, почему так решили. Запомним лишь, как бесследно уничтожали имена и саму память о

погибших: турки, равнодушно соскребавшие со стен предсмертные послания на незнакомом языке, *содержание которых никогда не отпечатается в их памяти.*

Мальчишки с «черной повязкой» на голове, чьи последние предсмертные очереди достреливаемых напоследок магазинов были выпущены в ночное небо Москвы с верхних этажей «стакана» все же заделали наших сытых замороженных телезрителей, гордые дети, которые просто не могли просить пощады у пьяных глумливых палачей и предпочли вечную свободу позору. Это была их «Брестская крепость» и они защитили свою честь в отличии от некоторых по-зверствовавших ранее руководителей. Из защитников верхних этажей Дома Советов установлен пока лишь один — Анатолий Калинин, убитый в 20 лет, русский, родом из Еревана. Автомат у него был без патронов. Тело было стащено вниз и тайно захоронено вместе с многими другими. Лишь благодаря одному совестливому свидетелю его гибели и расследованию журналиста Шурыгина, его судьба стала достоянием гласности...

Их всех, уже безоружных, с пустыми магазинами расстреливали на месте враз осмелевшие омовцы, замечая: «До последнего отстреливался, сука».

Сам я с пожарниками видел 5 октября в «Белом доме» пару надписей (одну безымянную: «Не сдаемся!») и памятку от Красноярского РНЕ), в местах со следами пулевых отметин на стенах прямо под ними видел на полу лестничных маршей подозрительные лужи, залитые каким-то химическим желеобразным веществом, а в районе 7-го и 11-го этажей на лестнице ощущался сильный кислый запах неветрившегося газа.

По словам технических работников «Белого дома», срочно вызванных на работу 9-го октября, в здании были пробиты пулями все стены комнат напротив дверей и коридоров, мебель, двери, трубы отопления, лестницы, подвальные помещения, места, непростреливаемые снаружи. По характеру пробоин было видно, что штурмующие, без разбора поливали впереди себя все автоматными очередями. Сначала стреляли, затем смотрели. На полу у дверных проемов оказалось огромное количество отстрелянных гильз.

В комнатах среди битого стекла валялись фуражки разного вида, окровавленные бинты и многочисленные тряпки, пропитанные кровью. Одному работнику довелось собрать пять или шесть фуражек, несколько мешков окровавленных тряпок. Кровь была и на осколках стекол. Ковровые дорожки, покрывавшие бесконечные коридоры «Белого дома», оказались местами пропитаны кровью, водой и мочой. Там, где работали пожарники, дорожки были срочно убраны. Каждый солдат и омовец

после взятия штурмом «Белого дома» считал своим прямым долгом и исторической обязанностью помочиться или нагадить прямо в коридорах здания парламента. Сложилась своеобразная «октябрьская традиция», в основу которой легло поведение в Зимнем дворце победившего в октябре 1917 года «человека с ружьем».

На первых этажах со стороны 20-го подъезда некоторое время туалеты почему-то были не просто закрыты, а старательно заколочены досками. Эти помещения под предлогом засорения оставались в таком виде еще несколько недель после штурма, хотя свидетельства очевидцев поясняют, что раненые и убитые при штурме «Белого дома» и в ближайших окрестностях по приказу военных правительственных войск (*это 2-й батальон, разведроты и саперная рота 119-го пдп и четыре их загадочных помощника в кому фляжной форме, назвавших себя омовцами. — Авт.*) сносились именно в туалеты, где их и добивали одиночными выстрелами в голову (кровь с кафельных стен и пола легко отмывается). К очистке таких мест обслуживающий персонал «Белого дома» не привлекался.

На верхние этажи персонал долго не допускали. Но и через неделю различался зловонный запах биологического разложения — из-за характерного запаха разлагающейся органики работники «Белого дома» убирали помещения в респираторах. Им помогали военные и молодые милиционеры из департамента охраны (пожилых срочно отправили на пенсию). Постоянно циркулировали слухи о нахождении все новых и новых трупов и останков сгоревших людей, особенно на 15-19-м этажах. Вся мебель с первого до последнего этажа была выброшена. А в подвальных помещениях, где на дорожках оставались следы многочисленных луж крови, был даже срочно снят асфальт. Сотрудникам «Белого дома» объяснили, что весь асфальт пришлось срочно снять... из-за внезапно обнаруженной в нем сильной радиоактивности.

Первые недели в «Белом доме» работала какая-то воинская часть химвойск министерства обороны, которая с итальянскими химикатами, итальянскими растворами и итальянским оборудованием проводила работы не только снаружи здания по отмывке закопченных стен, но и внутри по устранению следов штурма и его печальных последствий.

Один сотрудник из персонала «Белого дома», задействованный 4-5-го октября на сборе трупов в туалеты цокольного этажа 20-го подъезда и погрузке их (через окна сдвоенного туалета) на грузовики в восточном внутреннем дворике, уже с 6 октября безбожно запил и даже не вышел на службу 9 октября.

Персоналу дали возможность поучаствовать в растаскивании того, что не успели растащить мародеры и солдаты. Вскоре без следа

исчезли все уцелевшие остатки оргтехники, мебели, ковровых покрытий и т. д. (*вороватым оказался г-н Починок, назначенный после своей доблестной перебежки из депутатов в холуи Ельцина не только на должность замминистра финансов РФ, но и для поправки личных дел, как совместитель на хлебную роль ответственного за инвентаризацию собственности ВС РФ в Доме Советов. — Авт.*). В дальнейшем техническому персоналу щедро оплатили все работы и вынужденный отпуск, поэтому, если в первые дни все еще делились между собой увиденным, то после получения щедрых выплат все разговоры на тему октябрьского расстрела прекратились.

О мародерах из правительственных войск и Главного управления охраны РФ разговор особый. Еще при штурме Дома Советов они утащили здоровенный ксерокс из комнаты секретариата Ачалова на 2-м этаже, лопухий «Panasonic» из его кабинета 13-42. Тащили все, что представляло хоть малейшую ценность, не гнушаясь отбирать у конвоируемых женщин жалкие шоколадки и личные вещи. В этом для меня нет ничего удивительного.

Затопленный бункер

На «Объекте 100» — в спортзале размещался полк Маркова, там было очень тепло, даже жарко. Единственный выход из этого бункера на улицу до 6-го октября был закрыт изнутри. Дверь в тоннель метро была заблокирована ОМОНОм со стороны метрополитена. Дверь в подвал «Белого дома» с противоположной стороны в конце сентября закрыта неизвестными, предположительно Департаментом охраны, и заклинена изнутри баррикадниками. В этом бункере остались люди и один труп. Туда пустили воду и не откупоривали до 6-го октября. Пленных, как всегда, не было.

Снаружи их охранял Владимирский ОМОН. Свидетели утверждают, пол был мокрый даже через несколько дней. Оттуда очень удобно вывозить трупы: сейфовая дверь и тут же железнодорожные пути метрополитена в сторону Киевского вокзала. Грузить можно сразу на платформу. Даже если оставшихся в бункере людей не удалось полностью затопить и задушить газами, требует отдельного расследования то, что пока нет ни одного свидетельства вышедших оттуда живыми людей, не известен ни один факт их ареста или выноса трупов.

Точно установлен факт, что уже после полудня 4-го октября все двери в спортзал, включая сейфовые ворота из подвала «Белого дома»,

были закрыты изнутри. Численность забаррикадировавшихся в спортзале людей и их имена никому не известны.

О том, как происходило массовое убийство людей, проговариваются уже и сами участники. Они признают, что солдаты внутренних войск МВД поголовно стали мародерами и убийцами. Приведу лишь один пример.

Как мне сообщили, ночью 5-го октября вернулись 23 БТРа и участники карательной акции в место дислокации дивизии Дзержинского. Все поголовно были сильно пьяны. Заполненные доверху БТРы загнали задом. Из них старослужащие выгружали ящики со спиртным, горы мануфактуры, импортных тряпок, кроссовок и другого содержимого кооперативных ларьков, видеотехники из «Белого дома». На вопросы молодняка не стеснялись говорить правду, типа: «зацепили киоск, там много чего было». По поводу стрельбы: «Я не дурак, куда не лез, лежал за парапетом. Выставил над головой автомат. Не выглядывая, стрелял вокруг, куда придется, только успевал рожки менять». Оказывается, в сам «Белый дом» их не посылали, жизни их ничто не угрожало, но от их беспорядочной стрельбы пострадало много людей в оцеплении и даже за ним. БТРы, нередко не прекращая стрельбы, совершали полный оборот башни, не обращая внимания, куда уходят очереди.

Мне известна фамилия свидетеля такой, например, перепалки двух «героев», когда уже в части в куче тряпья они выудили брюки от хорошего итальянского костюма: «Говорил я тебе, сначала нужно снять пиджак. На х.. стрелял в грудь». Оказалось, в оцеплении из-за одежды застрелили случайного прохожего, на свою беду слишком хорошо одетого. Из попорченного костюма взяли только брюки. Та семья, глава которой неосторожно вышел 4-го октября в хорошем итальянском костюме, и которая затем получила его простреленное из автомата в грудь тело, может найти его двадцатилетнего убийцу. Мы готовы представить справедливому суду фамилию и адрес этого свидетеля.

Сложнее всего ответить на третий вопрос

Факт: Утверждая факт массового убийства оставшихся в «Белом доме» людей и факт тайного вывоза и захоронения их тел, на вопрос о точном количестве уничтоженных людей невозможно ответить без специального расследования.

В любом случае речь идет о многих сотнях расстрелянных в здании «Белого дома».

Можно точно указать количество убитых до расстрела в «Останкино» и расстрела «Белого дома».

ВСЕГО УБИТО ВО ВРЕМЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА с 21 сентября по 5 октября 1993 года в Москве:

с 21 сентября по 2 октября — 22 человека из числа демонстрантов, зевак и рабочих «Белого дома» забиты насмерть ОМОНОм. Фамилии, свидетельские показания и обстоятельства убийств хранились у аппарата и охраны Руцкого.

Убитые 3 октября до штурма мэрии — 7 человек, 34 ранено. Люди убиты у парадного крыльца «Белого дома» и с противоположной стороны здания у 14-го подъезда в результате автоматного пулеметного обстрела из мэрии и гостиницы «Мир».

В «Останкино» по свидетельствам очевидцев с 19.10 3-го октября до 5.45 4-го октября убиты до 200 человек. По официальным данным — 74 трупа. В именном списке следственной группы Генеральной прокуратуры РФ — только 46 имен.

По признанию генералов Куликова и Голубца — на рассвете 5-го октября вокруг ГТРК «Останкино» собрано еще 19 трупов (вопрос: куда они делись?).

В «Белом доме» количество убитых неизвестно. Как очевидец подтверждаю, что в «Белом доме» в ночь с 3-го на 4-ое октября было в несколько раз больше людей, чем потом сдалось десантникам и «Вымпелу». В момент начала атаки за оцепления штурмующих попали лишь единицы, в лучшем случае десятки людей, 4-го октября сам я и мои товарищи из группы Ачалова слышали непосредственно от Руцкого, что в здании на момент начала атаки было около 10 тысяч человек. Даже без учета сотен и тысяч новобранцев, пришедших в «Белый дом» вечером 3-го октября, у нас в столовой Дома Советов утром 3-го октября завтракало более 7 тысяч осажденных защитников парламента. Последнюю цифру легко проверить хотя бы по количеству выдававшихся столовой Дома Советов талонов на питание.

Штатный «геббельс» МВД генерал-майор внутренних войск Аркадий Баскаев — комендант «Белого дома» — лгал, что «4-го и 5-го октября вынесено из здания всего 40 убитых и раненых». Как известно, эти предъявленные у моста трупы убитых были собраны на улице. Олег Сосковец официально заявлял, что за все дни 3-5-го октября убито не

более 150 человек.

Сопоставим еще раз три источника: в официальном перечне — 142 убитых, опубликовано — 147 фамилий. По сообщениям прессы, в правительственном закрытом отчете трех силовых министров фигурирует цифра — 948 убитых. В свете этого крайне зловеще звучит официальное заявление по телевидению того же Аркадия Баскаева, о вырвавшихся через подземелья «Белого дома» и пытающихся замести следы 800 «боевиках», добровольно записавшихся в убитые. По горячим следам и Волкогонов с удовлетворением поспешил сообщить российским телезрителям, что по данным его «комиссарского» штаба в Доме Советов обнаружено «не менее 800 убитых».

Даже по куцей и далеко неполной информации столь нелюбимого защитниками парламента «Мемориала» к годовщине кровавого октября были достоверно установлены факты исчезновения тел и собраны свидетельства гибели уже более 829 защитников парламента и жертв массового расстрела в Останкино (доклад члена «Мемориала» Е. В. Юрченко «Жертвы октябрьских событий: домыслы и факты» на научно-практической конференции «Год после путча» «АК» № 27 октябрь 1994).

Кроме того, необходимо учитывать, что на одного убитого в бою всегда приходится не меньше двух раненых. Очевидно, что при 500 убитых, оставшихся, по многочисленным свидетельствам очевидцев, в здании Дома Советов, там же должно было остаться не менее 1000 раненых.

По официальным данным, около 74 человек убито в «Останкино», 7 — у «Белого дома» 3-го октября, 50 трупов собрано с улиц у Горбатого моста перед «Белым домом» 4-5-го октября.

(Официальные данные: 66 трупов сразу привезли вечером 3 октября из «Останкино» в морг института имени Склифосовского, 52 «крупные полостные операции» до 5.00 4-го октября только в НИИ скорой помощи имени Склифосовского — «НГ» от 20.10 1993; 27 трупов, включая 7 убитых 3 октября у «Белого дома», поступило в морг Боткинской больницы — «МК» от 4.12 1993, там же 3-4 октября скончалось 8 прооперированных из числа раненых; 19 трупов по показаниям генералов Куликова и Голубца собрано в «Останкино» на рассвете 5 октября)

Следовательно, с учетом умерших в госпиталях от тяжелых ранений в первые недели после расстрела парламента эти цифры полностью закрывают официальный перечень из 142-147 убитых. Доказано, что из здания ни раненых, ни трупы официально не выносили. В официальном перечне свидетели опознали лишь несколько трупов из «Белого дома» — пристреленных там раненых, которые еще живыми

попали в руки «чистильщиков», как например, зверски замученный (согласно данным судмедэкспертизы) Владимир Иванович Ермаков.

На глазах сотен живых свидетелей, депутатов России, президентов К. Илюмжинова, Р. Аушева — всего до 1400 свидетелей — трупы не выносили. Когда пленных выводили на пандус, из «Белого дома» вытащили всего лишь несколько раненых.

Из каждой области и края в составе наиболее решительных защитников парламента были десятки мужчин, пробравшихся в «Белый дом» всеми правдами и неправдами. Большинство из них, уходя к нам, не посвящали в свои планы никого, не желая беспокоить родственников, среди них много было холостых. Больше половины баррикадников составляли иногородние. При этом в официальном перечне из 147 убитых 140 составляют москвичи, а как убитые у Дома Советов 4 октября опознаны только 12. По приказу из ГУВД Москвы столичные отделения милиции категорически отказывались принимать заявления и предоставлять какие-либо сведения родственникам погибших при защите парламента из других городов.

В официальной справке за 1993 год, подписанной зампрокурора Москвы и заместителем министра внутренних дел, упоминается более 2200 неопознанных трупов, кремированных за 12 месяцев 1993 года в городе Москве. Для сравнения, за весь 1992 год в Москве было обнаружено всего около 180 неопознанных трупов, а за 11 месяцев 1994 года — немногим более 110 неопознанных трупа.

Всего, по независимым экспертным оценкам и заключению врачей медбригады Дома Советов, убито около 1400-1500 человек. В тайном уничтожении трупов по данным «Мемориала» участвовали следующие коммерческие похоронные бюро: «Аллиер», «Анисмус», «Гранит». Как говорится, «кому война, а кому мать родна». Кроме этого, нами установлено, что часть останков расстрелянных защитников парламента была вывезена и тайно захоронена на одном из военных полигонов в Подмосковье.

На четвертый вопрос журналисты тоже смогут ответить практически точно. Итак, кем же убиты штурмующие из ГУО, МО и МВД?

Факт: 3-5-го октября наемники Ельцина погибали только от собственных пуль. Почти все погибшие, по официальным данным, из числа расстреливавших парламент или демонстрантов в «Останкино» — убиты частями Ерина (МВД) и Барсукова (ГУО).

Официальные данные о потерях и численности войск, участвовавших в государственном перевороте и массовых убийствах:

ГУО (18 000) — всего 1 убитый: убит снайпером ГУО РФ из спецпомещения ФСК!

МО (более 9 000) — всего 6 убитых, из них 6 убиты частями Ельцина (1 — ОМОН, 1 — МВД из БТРа, 3 — ГУО, 1 — взят в «плен» и расстрелян по приказу командиров МВД или ГУО).

МВД и ВВ (более 40 000) — всего 5 убитых, из них 2 убиты или погибли по вине частей Ельцина, 2 — не установлено, 1 — вместе со всем экипажем БТРа уничтожен из гранатомета 119-го пдп.

Защитники парламента практически не стреляли! Не известен ни один погибший от их пуль!

Не уточнены обстоятельства гибели всего 2 военнослужащих — наемников.

Данные о потерях МВД и ВВ приведены лично Ериным (6 человек) на его первой после расстрела «Белого дома» пресс-конференции, официальные потери МО названы Грачевым на пресс-конференции 6-го октября (5 человек). Замечу, что учтенный Грачевым 5-го октября в официальной статистике как погибший 4-го октября заместитель командира 119-го полка подполковник Н. А. Беляев остался жив, он был лишь ранен на подступах к Дому Советов (опять к вопросу о снайперах ГУО РФ из взвода «трассовиков» Коржакова и командированных в Москву 17 и 26 сентября снайперах «Организации» МВД далекого от нас государства).

В здании парламента не погиб ни один из штурмовавших его! Мы можем добавить к этим 12 погибшим десятки фамилий действующих офицеров МВД и МО, убитых на стороне законной власти и парламента. Оставим на совести Ерина и 11 «забытых» милиционеров, погибших 3-4 октября 1993 года:

- ◆ Шишаев и Бойко — 3 октября,
- ◆ младший сержант милиции А. Фарелюк убит правительственным снайпером 4 октября пулей в горло в районе станции метро «1905 года»;
- ◆ С. Коршунов из спецподразделения МосгорУВД, погибший при непонятных обстоятельствах 6-7 октября 1993 года;
- ◆ неизвестный милиционер, убитый пулей в голову в 8.00 на улице Николаева (которую от «Белого дома» отделяет переулок Глубокий и целый квартал жилых домов) снайпером с гостиницы «Украина» и оставленный лежать до 21.00 4 октября в назидание защитникам парламента (старший сержант А. Панков, старший лейтенант А. Маврин, старшина В. Алексеев...).

Ерин не случайно забыл упомянуть погибших постовых милиционеров, поскольку те, в отличие от военнослужащих ОМСДОН и ОМОН, в штурме «Белого дома» не участвовали и практически все были убиты вне зоны поражения Дома Советов. Иначе ему пришлось бы объяснять, как в других районах Москвы или на удалении более 1-1,5 километров от «Белого дома» во внешнем кольце оцепления их могли застрелить защитники парламента.

В апреле 1994 года скончался Глазунов — рядовой Софринской бригады, раненый милиционером у гостиницы «Мир» 3 октября 1993 года. Это имя полностью закрывается список погибших военнослужащих.

Учитывая, что сегодня уже достоверно установлено, что все погибшие из числа штурмовавших парламент (за исключением двоих с неустановленными пока точно обстоятельствами гибели) убиты самими антиконституционными войсками, крайне кощунственным выглядело по российскому телевидению выступление Сергея Филатова, исполненное в стиле незабвенного Агитпропа ЦК КПСС А.Н. Яковлева. Руководитель аппарата Ельцина сообщил телезрителям сенсационную информацию, что на заборе около «Белого дома» появилась надпись: «Я убил пять человек и очень рад!», и войдя в раж, еще долго клеймил позором кровавых боевиков — защитников парламента.

На днях объявился автор этой грязной идеи: «Недаром к Белому дому со всех концов страны стянулись такие романтические, возвышенные люди — **один из них** написал на стене церковной колокольни, **откуда стрелял по людям из снайперской винтовки**: «Я убил пять человек и очень этому рад» (Б.Н. Ельцин, «Записки президента», стр. 391).

Как же Вы так оплошали, Сергей Александрович? Хозяин ведь четко приказал: **из «Белого дома», снайпер, стрелял по людям, с колокольни..**, да и написать ведено было проникновенно: «на стене церковной колокольни». А у Вас — намалевали на прозаичном заборе, да и то далёко не все: «убил пятерых, и очень этому рад». Схалтурили ведь служивые! Не ровен час, еще кто-нибудь не так, как следует, прочтет кремлевское творение!

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ПОТЕРЯХ ИЛИ МИФ О ВЫСТРЕЛАХ СТОРОННИКОВ ПАРЛАМЕНТА

Название частей	Численность	Всего погибших	Кем убиты	За что убиты
-----------------	-------------	----------------	-----------	--------------

Ельцина				
Главное управление охраны РФ — ГУО РФ Барсукова	18000	1 убитый	Снайпером ГУО РФ из спецпомещения ФСК	Офицер группы «Альфа» Геннадий Сергеев выносил из «Белого дома» раненых защитников парламента («МН» № 45 7.11.1993)
Министерство обороны РФ	Более 9000	6 убитых	1 — ОМОНОм	К-н Мильчаков 4 ТД, 28 лет убит в ночь с 4 на 5 октября ОМОНОм (ТВ «Красный квадрат» от 27.11.1993)
			1 — БТР МВД	К-н С. Смирнов — ротный 119-го полка ВДВ убит МВД в спину из КПВТ 14,5 мм. при попытке подбить БТР МВД («МК» № 234 1993 года; опрос сослуживцев)
			3 — снайперами ГУО РФ	замкомроты (саперной) 119-го пдп стл-т Красников убит до начала штурма; рядовой Коровушкин и ефрейтор Хихин 119-го пдп убиты снайперами со стороны сквера, занятого МВД и ГУО РФ.
			1 — задержан и, видимо, расстрелян частями Ельцина	Рядовой Панов задержан частями оцепления 4 октября с документами военнослужащего 119-го полка. По эфиру сообщили, что на стороне Ельцина такого полка нет. Приказ: «Уничтожить!» (по данным из радиоперехвата).
ВВ МВД Дивизия МВД имени Дзержинского и в/ч 3641, 5401, 3335, 5518, 5470 (61	Более 40000	5 убитых и 1 умерший от ран в 1994 году	1 — частью Ельцина после взятия в плен	майор-дзержинец Грицюк перешел на сторону парламента со ст.-л. и 9 солдатами; скрывался в подвале «Белого дома» до 5 октября (по официальной версии — погиб в БТРе с

единица бронетехники : 26 БТРов, 25 БМП-2, 10 спецмашин)				Савченко)
			1 — МВД в «Останкино»	пулеметчик «Витязя» рядовой Н. Ситников, расстреливавший демонстрантов, погиб в техцентре АСК-3, де факто, по вине автоматчика МВД, открывшего огонь с крыши телецентра («НГ» от 20.10.1993)
			3 члена экипажа БТР уничтожены из гранатомета группой — «Вымпел» — 119 пдп	Из сгоревшего экипажа БТРа МВД установлен лишь п/п.-к. Савченко — из БТРа 4 октября расстреливал безоружных у «Белого дома»; БТР уничтожен со всем экипажем из гранатомета группой «Вымпел» (ТВ; признание офицера «Вымпела» в «МК» № 64 1994) или 119 пдп.
			рядовой Глазунов — милиционером С.-З. округа	Рядовой Глазунов Софринской бригады ВВ ранен в спину из автомата сотрудником МВД в 15.50 3 октября 1993 года. Скончался в апреле 1994 года.

Думаю, достаточно установить состав пьяного экипажа эмвэдэшного БТРа, подбитого в колесо спецподразделением «Вымпел» и сгоревшего от гранатомета 119 пдп, чтобы окончательно закрыть вопрос о том, существует ли хотя бы один погибший от рук защитников парламента:

«На всех большое впечатление произвело, когда к нам **подбежал десантник и попросил гранатомет, чтобы отомстить** за своего

замкомвзвода, которому перебило ногу, — **по территории стадиона ездил БТР (БТР МВД под командованием начштаба одной из частей ВВ получил приказ атаковать 119-й пдп, перешедший якобы на сторону парламента, и после этого не только расстрелял Смирнова, но и ранил ряд других офицеров. — Авт.) и поливал без разбору во все стороны. Как оказалось, ребята в нем потеряли связь, обезумели от страха и косили всех подряд.** На стадионе уже лежало несколько трупов, когда гранатометом удалось этот БТР сжечь. **Те, кто в нем был, сгорели»** (из интервью офицера отряда «Вымпел», «МК» № 64 от 6.04 1994).

Напомним, что два армейских офицера убиты ОМОНОм, когда отошли от расположения части на 300 м (ТВ «Аты-баты» от 11.10 1993).

Участие лиц из армейской верхушки в массовых расстрелах объясняется не только личными амбициями, но и нежеланием уже в 1993 году попасть под расстрельные статьи УПК РФ за торговлю оружием и другие крупные коммерческие аферы, но это уже вопрос об «оружейном» спруте.

Не думаю, что среди прочих армейских офицеров были уже ранее научившиеся подрабатывать на заказных убийствах. Подобный бизнес, когда военнотруженики, сдавая дежурство, выезжают отстреливать из табельного оружия прощтрафившихся коммерсантов, еще не получил достаточно широкого распространения. Решились на такое скорее всего опустившиеся и полностью отчаявшиеся люди, семьи которых обнищали именно в результате «реформ» Гайдара. Как недалекие офицеры соблазнились одним «ударом» обеспечить достаток своих семей под шелест купюр того же Гайдара и Кобца, можно только догадываться.

Заблуждением же их было то, что, добровольно поставив на себе крест, они действительно смогут материально облагодетельствовать своих детей и внуков. Уверен, что кровь с этих денег падет на руки их потомства и ничего, кроме несчастий и горя, им не принесет.

4-го октября офицеры-добровольцы Кантемировской дивизии Башмаков С. А., Брулевич В. В., Ермолин А. В., Масленников А. И., Рудой П. К., Петраков А. И., Серябряков В. Б., Русаков и некоторые другие во главе с Поляковым, Бирченко и Бакановым доказали всему миру, что за малую толику «деревянных» по желанию наших бешеных правителей расстреляют из танков кого угодно: детей, женщин, парламента.

Отличившиеся в Москве 4 октября офицеры 12-го тп 4-й тд и далее пошли по «западному контрактному» пути. 26 ноября 1994 года

экипажи трех танковых колонн, вошедших на деньги Ельцина и ФСК в Грозный брать штурмом местный «Белый дом» «для оппозиции Хасбулатова», при первых же выстрелах побросали свои танки и сдались в плен. Из стрелявших за деньги 4 октября 1993 года из танков Т-80 по Дому Советов офицеров-наемников, 26 ноября 1994 года к дудаевцам перебежали сразу *четыре командира тех танковых Кантемировских экипажей*. Демонстрируя типичное поведение наемников, «танкисты» выдали всех своих нанимателей (они нанимались стрелять из танков за 6 миллионов рублей на нос), с обидой рассказывая, что ФСК обещало им безопасную прогулку и легкую победу (видимо, как и в Москве в 1993 году — над женщинами и детьми), а «те» вдруг тоже стали стрелять... Среди сдавшихся чеченцам наемников оказался капитан Русаков (в октябре 1993 года — старший лейтенант 12-го *мл 4-й тд*).

В октябре 1993 года именно этот танкист-наемник с экрана ТВ самодовольно признался в том, что еще в 17.00 4 октября 1993 года всю лупил по «Белому дому» из своего танка Т-80, а на вопрос телекомментатора «Аты-баты» о судьбе женщин и детей в Доме Советов ответил просто: «А моя жена дома сидит и никуда не лезет...».

Западным же кукловодам в пору призадуматься о том, что в России лиха беда начало. Теперь и у них уже нет никакой гарантии, что не будет следующего расстрела какого-нибудь удаленного и ставшего неудобным парламента. Наши властные безумцы могут в этом случае оплатить и использование ядерного оружия.

Вечная слава героям, павшим за Россию!

Анафема палачам России!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 21 СЕНТЯБРЯ — 5 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА.

ФАКТЫ:

21 сентября 1993 года Ельциным совершен государственный переворот. В соответствии с Конституцией и заключением Конституционного Суда, Ельцин и силовые министры законно отстранены от исполнения обязанностей. Руцкой и новые министры приступили к исполнению возложенных на них по закону обязанностей.

Оружия у защитников парламента практически не было! Всего выдано автоматического оружия: 74 автомата АКС-74У, 5 РПК-74.

Начиная с 24-го сентября, Ельцин практически каждую ночь пытался организовать вооруженный штурм парламента; бойня откладывалась и переносилась на следующую ночь по не зависящим от него обстоятельствам.

Первое официальное предупреждение о том, что будет предпринят штурм «Белого дома» в случае отказа подчиниться, сделано 24-го сентября. В тот же день X (чрезвычайным) Съездом Народных депутатов было принято решение об одновременных перевыборах депутатов и президента не позднее марта 1994 года.

Российский Дом Советов был окружен «спиралью Бруно», автоматчиками и бронетранспортерами, осуществлена полная блокада парламента: 21 сентября отключены все виды связи, 23 сентября — отключены свет, тепло и горячая вода, 28 сентября полностью блокирован вход людей и въезд транспорта, подвоз продовольствия и медикаментов (например, 27 сентября), не пропускали машины «Скорой помощи», даже к людям с такими, например, диагнозами: «острое нарушение мозгового кровообращения» (27.09), «перелом шейного отдела позвоночника» (28.09), «нестабильная стенокардия» (1.10). Температура в здании

опустилась ниже 8 градусов, на улице днем — до -9 и -12 градусов Цельсия.

«Выводы: В медицинском плане чрезвычайная ситуация в «Белом доме» возникла не 4 октября, а 27 сентября, когда несколько тысяч человек, в силу своих убеждений не покидающих осажденный район, круглосуточно дежурящие на баррикадах в любую погоду, лишены элементарных удобств вследствие отключений электроэнергии, связи, отопления, подвергающиеся постоянному нервному и физическому перенапряжению, оказались волею руководства Главного медицинского управления г. Москвы и ЦЭМП лишены права на медицинскую помощь. Мы не можем назвать это иначе, как должностным преступлением. Мы утверждаем, что если бы ГМУ и ЦЭМП организовали своевременный подвоз медикаментов, необходимого мед. оборудования, организовали постоянное дежурство в зоне оцепления, а не снаружи, бригады скорой помощи, даже если бы были просто нейтральны в оказании помощи пострадавшим, количество жертв в ходе событий 3-4 октября было бы значительно меньше.»

(Информационный материал по состоянию медицинского обеспечения защитников Верховного Совета РФ с 21 сентября по 4 октября 1993 г. Из доклада, подготовленного врачами Спасательного центра Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова)

29 сентября правительство РФ и Москвы предъявили ультиматум — до 4-го октября всем покинуть Дом Советов, в противном случае — «тяжкие последствия». 30 сентября 62 субъекта Федерации поддержали парламент и предъявили Ельцину ультиматум с требованием одновременных перевыборов. Решающее заседание Совета Федераций назначено на 18.00 3-го октября. На 16.00 3 октября было назначено продолжение переговоров под эгидой Русской Православной Церкви.

Ельцин высказался против идеи досрочных одновременных перевыборов. Черномырдин тоже ответил отказом на требование мирного решения, заявив, что у них есть «другое решение». Решение расстрелять парламент к 4 октября было принято между 29 и 30 сентября, подготовка велась открыто.

30 сентября Шахрай назначается руководителем группы по правовому обеспечению указа № 1400 с поручением завершить работы именно к 4 октября. 1 октября Полторанин разослал письмо

главным редакторам с приказом-требованием «с пониманием отнестись к тем мерам, которые предпримет Президент 4-го октября», и «не драматизировать их возможные последствия». Днем 3 октября во все больницы Москвы по указанию ГУВД из Главного медицинского управления Москвы поступили телефонограммы о планируемом поступлении раненых.

Обосновать расстрел парламента должна была специально подготовленная провокация; по приказу «и.о. мэра» эмвэдэшникам поручалось палочной войной спровоцировать демонстрантов на ответное насилие.

3 октября от трети до полумиллиона безоружных горожан вышло в поддержку парламента от Октябрьской площади Москвы. Демонстранты организованной колонной пошли к «Белому дому» и «Останкино».

После прорыва демонстрантов к «Белому дому» по людям на парадной лестнице и у 20-го подъезда парламента был открыт пулеметно-автоматный огонь на поражение. Автоматчики МВД от мэрии по приказу пошли в атаку на «Белый дом». Стрельбой из мэрии и гостиницы «Мир» у дверей «Белого дома» убито 7 человек, 34 ранено. Это был первый массовый расстрел и начало штурма парламента. Непредвиденная пауза в 15 часов была вызвана как переходом на сторону парламента двух рот Софринской бригады вместе с 200 военнослужащими ОМСДОНа, так и решительными действиями демонстрантов.

В 15.00 3 октября Ерин приказал МВД открыть огонь на поражение по сотням тысяч безоружных людей. В 16.00 Ельцин подписал указ № 1575 и освободил армию от уголовной ответственности за нарушения закона, а Грачев приказал армейским частям присоединиться к расстрельщикам из МВД.

Расстрел сторонников парламента был санкционирован Ельциным и руководством МВД и все последующее с 16.00 3 октября уже не имело никакого значения.

В 16.05 после обстрела парламента и убийства первых людей Руцкой отдал приказ о штурме мэрии и походе в «Останкино».

Мэрия (с того момента, как первый демонстрант вошел в ее двери) была взята без единого выстрела. 3 октября действовал категорический приказ Руцкого и Ачалова о неприменении оружия. Кровавопролития в мэрии удалось избежать благодаря Макашову.

Дорога на «Останкино» была перекрыта превосходящими вооруженными частями дивизии МВД имени Дзержинского на грузовиках и БТРах.

Автоколонна демонстрантов останавливалась перед ними. По приказу командующего ВВ А. С. Куликова эту колонну войска МВД добровольно пропустили. МВД было известно, что в колонне всего два десятка человек с оружием.

Пропустив колонну на «Останкино», у улицы Чехова войска МВД на грузовиках и 10 БТРах «Витязя» обогнали колонну демонстрантов и ушли вперед в засаду в «Останкино», где разместились за зданием техцентра.

У телецентра «Останкино» 3 октября с 17.45 до 19.10 полтора часа шел мирный митинг с требованием предоставления эфира парламенту. Никаких попыток штурма или проникновения в здание телецентра демонстрантами не предпринималось. Несмотря на требование Макашова выйти на переговоры Брагин не явился.

Демонстранты с официальными полномочиями предупредили всех об ответственности за любой выстрел, особое внимание уделив спецназовцам. Сообщили им, что идет безоружная демонстрация в двести тысяч человек. Макашов гарантировал командиру группы БТРов «Витязя», что со стороны демонстрантов не будет сделан ни один выстрел.

К началу расстрела в «Останкино» было менее 4 тысяч безоружных демонстрантов, прибывших на автотранспорте, их охраняли 18 вооруженных человек. Телецентр охраняли 25 БТР МВД и более 510 (690) автоматчиков ВВ МВД.

Около 19.00 руководство милицейской охраны техцентра АСК-3 по собственной инициативе вышло на переговоры, где объявило Макашову о готовности перейти под юрисдикцию Верховного Совета и передать техцентр его официальным

представителям. Офицер милиции был схвачен на улице офицером дивизии Дзержинского и силой удерживался в здании техцентра.

Противодействующие милиции спецназовцы «Витязя» от переговоров уклонялись. После того, как грузовик протаранил входные двери в техцентр, генерал Макашов без оружия один вышел в вестибюль на переговоры. Он предложил спецназовцам не препятствовать законной власти и дал им время свободно покинуть здание. Сурово предупредил о недопустимости любого выстрела.

Первый выстрел в «Останкино» был сделан с крыши телецентра АСК-1 спецназом «Витязь»! Стреляли без предупреждения. Приказ на открытие огня лично отдал генерал-майор ВВ Павел Голубец.

Выстрелом был тяжело ранен демонстрант у входа в техцентр АСК-3. Милиция техцентра с торца здания вторично сообщила о своем переходе на сторону парламента и вызвала Макашова.

Через две минуты после первого выстрела спецназовцы МВД из холла АСК-3 бросили две-три гранаты под ноги толпы и из двух зданий скоординировано стали расстреливать людей на улице Королева. Из техцентра стреляли на поражение из пулемета и автоматов, с крыши телецентра огонь вели четыре автоматчика. Группа людей у входа в АСК-3 была уничтожена полностью, там уцелел только один человек.

Из вооруженной охраны автоколонны более половины было убито на месте, оставшиеся в живых во время затишья к 21.00 ушли из «Останкино» через рошу.

Приказа на открытие ответного огня Макашов не отдавал и никто из демонстрантов не стрелял. Стрельба солдат МВД по безоружным людям, раненым и санитарам продолжалась вплоть до подхода двухсоттысячной мирной демонстрации. Стрельба по появляющимся и движущимся целям ночью в условиях ограниченной видимости — руководитель стрельбы на участке — подполковник Лысюк.

После расстрела демонстрантов у корпуса АСК-3 (техцентр) к зданию телецентра АСК-1 подошла двухсоттысячная колонна безоружных демонстрантов с Октябрьской площади. Мирную демонстрацию встретили пулеметными и автоматными очередями в упор.

Шесть делегатов-демонстрантов из офицеров и сотрудников МВД вышли на переговоры с «Витязем» и потребовали немедленно прекратить огонь, объяснили, что на улице — исключительно безоружные люди. «Витязи» прекратили на полчаса огонь и условием продолжения переговоров выдвинули требование, чтобы все вышли за ограду здания телецентра. Как только обманутые люди вышли за ограду, их стали методично расстреливать из стрелкового оружия и из БТРов. Расстрел продолжался до 5.45 4-го октября. Одиночные выстрелы раздавались до 12.00. Расстреливали и раненых, и санитаров, и машины «Скорой помощи».

Штурм и расстрел парламента 4-го октября 1993 года начался внезапно, без какого-либо объявления или предварительного предупреждения.

Никаких предложений сдаться или вывести из здания женщин и детей атакующие не делали.

Никаких ультиматумов о капитуляции парламенту не выдвигалось.

Первыми очередями из БТР было убито около 40 безоружных человек.

По данным Руцкого, в «Белом доме» на момент начала атаки находилось до 10 тысяч человек, в том числе женщины и дети.

Неоднократные требования Руцкого прекратить огонь по «Белому дому» и дать возможность вывести из здания Дома Советов женщин и детей на штурмующих действия не возымели — огонь не прекращался в течение 10 часов! За это время руководителями акции не было сделано ни одного предложения расстреливаемым в Доме Советов людям сдаться, им не давали возможности вывести из под огня женщин и детей, что приходилось делать под обстрелом, с потерями.

4-го октября бронетехнику и войска на расстрел парламента направили с небывалым и ничем не обоснованным перевесом:

На каждый автомат защитников парламента в бой бросили ровно по три единицы бронетехники — по две пушки и по два танковых пулемета (по одному крупнокалиберному пулемету и по одному пулемету Калашникова), по одному снайперу.

Убивать отдельного ребенка, женщину или мужчину в Доме Советов выделяли по целому взводу или отделению пьяных

автоматчиков.

Не сдались и вырвались живыми из «Белого дома» всего около 121-145 человек, из них по подземным коммуникациям 4-го и 5-го октября в разных направлениях вышли около 71 (95) человек, около 50 человек с боем прорвались поверху 4-го октября в направлении метро «Краснопресненская».

По убийствам срока давности нет! 4-го октября действовал приказ Ерина-Куликова (МВД), Грачева (МО) и Барсукова (ГУО): — уничтожить находящихся в «Белом доме»! Приказы о поголовном уничтожении и стрельбе на поражение открыто передавали по рациям командиры штурма. Барсуков официально приказал «Альфе» уничтожить находящихся в «Белом доме», Грачев — танкистам, тулякам и таманцам, Ерин — ОМОНу и дзержинцам. Коржаков уже после вывода пленных на лестницу «Белого дома» публично требовал расстрела защитников парламента: «У меня приказ — ликвидировать всех, кто в форме!»

После выхода депутатов с «Альфой» этот приказ был в точности выполнен. Были уничтожены все оставшиеся защитники парламента за исключением арестованных днем 5 октября в подвале — четырех милиционеров ОСН Департамента охраны и нескольких местных рабочих, а также шестнадцати защитников из заслона 14-го подъезда (арестованных в 3.30 5 октября на 6-м этаже «Белого Дома»). Тела расстрелянных были тайно вывезены и уничтожены.

Доказательство того, что приказ был выполнен, это то, что по официальным данным, ни одного раненого и ни одного трупа в здании парламента НЕ ОБНАРУЖЕНО. Официально объявлены в качестве погибших в «Белом доме» убитые на улице, собранные медбригадами Ю. Хольхина и А. Шестакова.

Признавая факт массового убийства оставшихся в «Белом доме» людей и факт тайного вывоза и захоронения их тел, на вопрос о точном количестве уничтоженных людей невозможно ответить без специального расследования.

В любом случае речь идет о сотнях расстрелянных в здании «Белого дома».

3-5-го октября наемники Ельцина погибали только от собственных пуль! Почти все погибшие, по официальным данным, из числа расстреливавших парламент или демонстрантов в «Останкино» — убиты частями Ерина (МВД) и Барсукова (ГУО).

Официальные данные о потерях и численности войск, участвовавших в государственном перевороте и массовых убийствах:

ГУО (18 000) — всего 1 убитый: убит снайпером ГУО РФ из полностью контролируемого ГУО и МВД помещения!

МО (более 9 000) — всего 6 убитых, из них 6 убиты частями Ельцина (1 — ОМОН, 1 — МВД из БТРа, 3 — ГУО, 1 — взят в «плен» и, видимо, расстрелян по приказу командиров МВД или ГУО)!

МВД и ВВ (более 40 000) — всего 5 убитых (и один — смертельно раненый), из них 3 убиты или погибли по вине частей Ельцина, 2 — не установлено, 1 — вместе со всем экипажем БТРа уничтожен из гранатомета 119 *пдп*.

Защитники парламента практически не стреляли! Не известен ни один погибший от их пуль!

Не уточнены обстоятельства гибели всего 2 военнослужащих — наемников.

Жертвы массового расстрела в «Останкино» (официальный список)

Амирханов Тамерлан Шарифович, 1931 года рождения
Белозеров Игорь Юрьевич, 1961
Бодров Игорь Валентинович, 1969
Бураки Андрей Константинович, 1972
Гоголев Виктор Валентинович, 1967
Губичев Николай Николаевич, 1955
Гуськов Максим Александрович, 1968
Давыдов Заврят Каюмович, 1945
Данкен Терри Майкл, 1964
Дудник Дмитрий Михайлович, 1973
Евдокимов Юрий Александрович, 1967
Житомирский Александр Сергеевич, 1975
Журавский Вячеслав Викторович, 1964
Зотов Сергей Яковлевич, 1952
Иванов Василий Борисович, 1965
Игнатъев Иван Николаевич, 1972
Кобяков Виктор Николаевич, 1960
Красильников Сергей Николаевич, 1948
Краюшкин Евгений Дмитриевич, 1942
Кудрявцев Олег Владимирович, 1968
Кузьмин Сергей Валерьевич, 1976
Малкин Евгений Евгеньевич, 1958
Марков Евгений Викторович, 1976
Михайлов Юрий Егорович, 1958
Мокин Сергей Ильич, 1960
Моргунов Игорь Владимирович, 1963
Никитин Евгений Юрьевич, 1970
Пек Рори, 1956
Петухова Наталья Юрьевна, 1970
Пономарев Герман Петрович, 1933
Ситников Николай Юрьевич, 1974

Скопан Иван, 1944
Сокушев Анатолий Семенович, 1945
Темлянцев Юрий Анатольевич, 1962
Титоренко Александр Константинович, 1972
Хайбулин Станислав Маратович, 1969
Хакимов Камиль Абдулович, 1950
Цымбалов Виктор Николаевич, 1942
Чижиков Константин Дмитриевич, 1918
Чистяков Сергей Анатольевич, 1957
Шабалин Александр Михайлович, 1961
Шандаринов Сергей Анатольевич, 1972
Шишков Валентин Валентинович, 1953
Шлыков Павел Александрович, 1972
Шумский Алексей Юрьевич, 1966
Яременко Дмитрий Геннадьевич, 1975
...
Всего до 200 человек.

Имена остальных пока неизвестны.

Жертвы массового расстрела у «Белого дома» (официальный список)

Абахов Валентин Алексеевич, 1949-4.10.1993
Абрашин Алексей Анатольевич, 1965
Адамлюк Олег Юозфович, 1973
Алексеев Владимир Семенович, 1951
Альенков Сергей Михайлович, 1975
Артамонов Дмитрий Николаевич, 1975
Балдин Николай Иванович, 1957
Бойко Александр Иванович, 1960-3.10.1993 г.
Боярский Евгений Станиславович, 1956
Бригов Владимир Петрович, 1941
Бронюс Юргеленис Жуно, 1940
Быков Владимир Иванович, 1930
Валевич Виктор Иванович, 1946
Веревкин Роман Владимирович, 1976
Виноградов Евгений Александрович, 1975
Воробьев Александр Вениаминович, 1957
Вылков Владимир Юрьевич, 1958
Грицюк Сергей Анатольевич, 1963
Гулин Андрей Константинович, 1960
Девонисский Алексей Викторович, 1956
Демидов Юрий Иванович, 1943
Денискин Андрей Алексеевич, 1969
Денисов Роман Владимирович, 1978
Дроздов Михаил Михайлович, 1954
Дузь Сергей Васильевич, 1951
Евдокименко Валентин Иванович, 1948
Еговцев Юрий Леонидович, 1946
Ермаков Владимир Александрович, 1949
Жилко Владимир Владимирович, 1939
Иванов Олег Владимирович, 1976
Калинин Константин Константинович, 1979

Катков Виктор Иванович, 1958
Климов Юрий Петрович, 1951
Ключников Леонид Александрович, 1939
Ковалев Виктор Алексеевич, 1962
Козлов Дмитрий Валерьевич, 1968
Коровушкин Роман Сергеевич, 1974
Короченский Анатолий Анатольевич, 1957
Коршунов Сергей Иванович, 1971
Красников Константин Кириллович, 1968
Кудяшев Анатолий Михайлович, 1970
Курышева Марина Владимировна, 1976
Кургин Михаил Алексеевич, 1947
Куренной Анатолий Николаевич, 1941
Лейбин Юрий Викторович, 1945
Лившиц Игорь Елизарович, 1933
Лобов Юрий Владимирович, 1972
Маврин Александр Иванович, 1958
Маневич Анатолий Наумович, 1952
Марченко Дмитрий Валерьевич, 1965
Матюхин Кирилл Викторович, 1975
Мильчаков Александр Николаевич, 1965
Михайлов Александр Валерьевич, 1971
Морозов Анатолий Васильевич, 1938
Мошаров Павел Анатольевич, 1971
Нелюбов Сергей Владимирович, 1970
Новокас Сергей Николаевич, 1972
Обух Дмитрий Валерьевич, 1975
Павлов Владимир Анатольевич, 1963
Панков Александр Егорович, 1953
Панов Владислав Викторович, 1973
Пантелеев Игорь Владимирович, 1973
Папин Игорь Вячеславович, 1955
Парнюгин Сергей Иванович, 1972
Песков Юрий Евгеньевич, 1975

Пестряков Дмитрий Вадимович, 1965
Петров Олег Михайлович, 1974
Пименов Юрий Александрович, 1954
Полстянова Зинаида Алексеевна, 1943
Романов Алексей Александрович, 1959
Рубан Александр Владимирович, 1960
Руднев Анатолий Семенович, 1944
Савченко Александр Романович, 1956
Сайгидова Патимат Гатиромогомедовна, 1969
Салиб Ассаф, 1969
Светозаров Валентин Степанович, 1947
Селезнев Геннадий Анатольевич, 1968
Сергеев Геннадий Николаевич, 1963
Сидельников Александр Васильевич, 1955
Смирнов Александр Вениаминович, 1953
Смирнов Сергей Олегович, 1965
Спиридонов Борис Викторович, 1957
Спицин Андрей Юрьевич, 1964
Сурский Анатолий Михайлович, 1947
Тимофеев Александр Львович, 1958
Фадеев Дмитрий Иванович, 1935
Фарелюк Антон Михайлович, 1972
Фимин Василий Николаевич, 1962
Хануш Фади, 1962
Хихин Сергей Анатольевич, 1974
Хлопонин Сергей Владимирович, 1960
Хусаинов Мялик Хайдарович, 1961
Чельшев Михаил Михайлович, 1943
Челяков Николай Николаевич, 1949
Чернышев Александр Владимирович, 1960
Чопоров Василий Дмитриевич, 1941
Шалимов Юрий Викторович, 1963
Шевырев Станислав Владимирович, 1945
Шишаев Иван Дмитриевич, 1942-3.10.1993 г.

Юдин Геннадий Васильевич, 1938
Бондаренко Вячеслав Анатольевич, 1975-5.10.1993 г.
Калинин Анатолий, 1973-5.10.1993 г. Глазунов (3.10.1993 г. смертельно ранен), 1972 — апрель 1994 г.
Воронцова Валерия (истерзана 4.10.1993 г.), 1973 — август 1994 г.
...
Всего до 1500 убитых

«Пикадилья»

«Пикадилья»:

— В бое быков: короткие копы, уколами которых тореадоры разъяряют быка.

— В работе спецслужб термином «пикадилья» обозначается прием, используемый при необходимости вывести из состояния неустойчивого равновесия две противоборствующие силы, когда скрытыми ударами в обе стороны так называемой «третьей силой» провоцируется резкая эскалация конфликта.

Первоначально в ожидании ареста были написаны свидетельские показания, призванные исключить появление от моего имени ложных «признаний». Тогда в конце 1993 года Кремль открыто объявил об организации показательного процесса над участниками «октябрьского мятежа», а следственная группа начала фабриковать соответствующую версию. Отдавая дань памяти павших, я также ставил целью создания настоящего документа — разобраться в происшедшем и выяснить очередность ключевых событий.

Восстановленная на основе моего личного дневника хроника кровавого октября 1993 года оказалась достаточно полной. В результате для дальнейшей работы именно мне были переданы сохранившиеся разрозненные материалы штаба обороны Дома Советов (в дополнение к уже имевшимся), а офицерами, командирами и руководителями ряда служб обороны парламента даны необходимые личные пояснения. Кроме того, группой наших генералов был организован сбор данных по линии СВР, ГРУ, ФСК и МВД. Достоверность информации спецслужб, поступавшей из неизвестных мне источников, гарантировалась исключительно словом офицера.

После публикации части настоящей рукописи выяснилось, что все переданные мне служебные материалы оказались абсолютно достоверными и полностью подтвердились независимыми исследователями (в частности, передачей радиостанции «Свобода» от 4.10.1994 г.; Марком Дейчем в статье «Снайперы в октябре», «Столица», № 45, 1994 г.). Главным открытием стала московская «пикадилья» — использование начальником личной охраны Ельцина (через связи и

первоначальное посредничество высокопоставленных «демократов»!) иностранных снайперов-гастролеров во время государственного переворота 21 сентября — 5 октября 1993 года. Эта так называемая «третья сила» сыграла немаловажную роль в резком изменении позиции армии, придерживавшейся нейтралитета, и МВД с его деморализованными и колеблющимися частями.

(Документировано взаимодействие Боксера через Заславского непосредственно с Гайдаром; Якубовского с Просвириным; не скрывается ведущая роль, которую сыграли Гайдар, Явлинский, Бурбулис и иже с ними, провоцировавшие и подталкивавшие Ельцина к «решительным действиям» — массовым расстрелам).

Сенсационные обвинения Коржакова со стороны прозападных кругов объясняются лишь тем, что мировая закулиса сегодня уже готова заменить Ельцина на новую фигуру — как говорится, «мавр сделал свое дело — мавр должен уходить» (на начальника СБ первого лица России у мировой «закулисы» другого компромата в нужный момент под рукой не оказалось). Видимо, не за горами и новые громкие разоблачения, особенно — ближайших лиц из его окружения и их истинной роли в государственном перевороте 1993 года, которые окончательно прольют свет на тайные пружины тех событий...

При восстановлении хроники, в основу которой лег личный дневник и отрывочные, сохранившиеся записи, мною были опрошены:

- ◆ офицеры штабной разведки генерал-полковника В. А. Ачалова, его секретариата, особого отдела и группы охраны;
- ◆ офицеры группы генерал-полковника Макашова А. М.;
- ◆ руководство штаба и ряда подразделений добровольческого (безоружного) полка защиты Конституции;
- ◆ сотрудники особого отдела полка и министра безопасности генерала армии В. П. Баранникова;
- ◆ сотрудники МВД из охраны и.о. министра внутренних дел генерал-лейтенанта А. Ф. Дунаева;
- ◆ офицер Службы внешней разведки РФ;
- ◆ лица, в числе первых получившие оружие и чрезвычайные полномочия от исполняющего обязанности Президента России Руцкого и Председателя Верховного Совета Хасбулатова;
- ◆ лица, ведавшие учетом и выдачей оружия защитникам парламента с баланса министерства обороны;

- ◆ лица из первой колонны демонстрантов, прорвавшейся с Октябрьской площади к Дому Советов;
- ◆ лица, попавшие под обстрел у «Белого дома» и участвовавшие в освобождении мэрии от автоматчиков;
- ◆ лица, возглавившие автоколонну от мэрии на «Останкино»;
- ◆ лица, организовавшие и обеспечивавшие порядок во второй колонне демонстрантов, следовавшей от Октябрьской площади к Новому Арбату и далее в «Останкино»;
- ◆ лица, непосредственно участвовавшие в переговорах с подразделением «Витязь», командиром группы БТР и начальником милицейской охраны корпуса «АСК-3» ГТРК на различных этапах кровавой трагедии у телецентра в «Останкино»;
- ◆ постовые расстрелянных утром 4-го октября наружных постов у баррикад и «Казачьей заставы»;
- ◆ командиры, обеспечивавшие вывод группы (около 800 человек с 5 ранеными) из бункера Приемной Президиума Верховного Совета в подвал «Белого дома»;
- ◆ лица, вышедшие из «Белого дома» 4-го и 5-го октября 1993 года по подземным коммуникациям;
- ◆ сотрудник технических служб жизнеобеспечения здания Верховного Совета;
- ◆ врачи-добровольцы из «Белого дома»;
- ◆ случайные свидетели,
- ◆ всего 56 человек, из них 23 — в дни осады парламента получивших оружие.

Считаю своим долгом перед погибшими в дни государственного переворота рассказать, как это было на самом деле. Это наши мертвые — наша горькая память и история! Они были не последними людьми нашего государства, которые трагичной простотой своей жертвы за несбыточную Россию затмили и политиков, и оказавшихся недостойными их случайных вождей.

Предлагаю тем немногим, кто с оружием в руках защищал Закон и Конституцию, в особенности, членам Союза офицеров, казакам, офицерам парламентского полка и бойцам подразделений Русского Национального Единства, последовать нашему примеру и в будущем дать официальные показания, дополнить хронику событий известными вам фактами.

Незаконченный переворот: причины и последствия¹

«... И все это, как живая вода, нужно было нам, гордой и яростной нации, которая восстав для великих дел, хочет жить вечно и глядеть на солнце орлиными очами!»

Л. М. Леонов, 1944 г.

Впервой половине дня 4 октября 1993 года на шестом этаже Дома Советов под звуки канонады танковых пушек навсегда закончился один теоретический диспут. По крайней мере, для меня. Тогда, в моменты относительного затишья, когда можно было говорить и слышать, когда не звенели разбиваемые пулеметными очередями оконные стекла, я, лежа на полу, сказал лежащему рядом коллеге и другу С. Н. Бабурину, что давний спор наш закончен. А суть его была очень проста и одновременно актуальна. В нас, русских депутатов, называемых в прессе патриотами, национал-патриотами, националистами, стреляли русские солдаты и офицеры. Мы их видели собственными глазами. Знаю, что кто-то видел засланных из-за рубежа американских агентов, кто-то видел бейтаровцев, а я видел, как русские стреляли в русских...

Спор наш, как должно быть понятно, был о русском национальном самосознании, и я утверждал тогда, как утверждаю и сейчас: только при отсутствии национального самосознания русские могли стрелять в русских и только укорененное и развитое национальное самосознание исключает повторение подобной трагедии в будущем. Для меня и раньше это было аксиомой, совершенно очевидной вещью, получившей такое страшное подтверждение во время шестичасового пребывания в простреливаемом снайперами и пулеметами кабинете С. Н. Бабурина. Я никогда не уставал повторять, что единственная прочная

¹ Настоящая аналитическая статья Николая Александровича Павлова была опубликована в августе 1994 года («АК» № 24(45)). Н. Павлов — бывший член ВС РФ, один из координаторов фракции «Россия» и блока оппозиционных фракций «Российское единство». Был одним из 6 (!) депутатов ВС РФ, голосовавших против ратификации беловежских соглашений (Бабурин, Исаков, Павлов, Константинов, Лысов и С. Полозков), и единственным, кто голосовал против отставки председателя Совета Министров Н. Рыжкова.

гарантия мира в России это воспитание русского национального самосознания. Но это только часть проблемы, хотя и очень важная. Вторая же часть еще важнее: государство, образующееся как результат исторического творчества нации, существует тогда и только тогда, когда у государствообразующей нации существует выраженное и действенное *национальное самосознание*. Его исчезновение, разрушение, постепенная эрозия неизбежно влекут за собой ослабление политико-государственной воли и как результат изменение природы государства: отчуждение от него большинства нации, окончательный крах государства и растворение самой нации среди других племен и народов. То, что происходит с русскими сегодня, является одним из неизбежных этапов этого трагического процесса. Убежден, что процесс еще обратим.

Сегодня наступили времена, когда русский народ поставлен перед необходимостью выбора. Бремя выбора в любом случае будет нелегким, независимо от того, что выберет русская нация. Сам же выбор очень ограничен: либо стать реликтом, диаспорой, раствориться среди сотен других наций, либо через сверхусилие, неистовую бескомпромиссную борьбу стать Великой Русской Нацией, обеспечить свое историческое существование и процветание.

Истошающие душу последние 5-6 лет отвратили от политических проблем огромный слой активных людей, что выразилось в отказе от участия в выборах в декабре 1993 года более половины населения, а весной 1994 года почти двух третей. Но выхода нет. Политикой заниматься придется, придется научиться заниматься политикой, если только мы хотим выстоять и победить в развернутой против русских национальной войне. Я убежден, что русские как нация, а Россия как государство столкнулись в последние годы с самым серьезным вызовом за всю свою историю. Речь уже идет не только о независимости государства, его развитии, сколько о самом существовании русских как нации, а России как единого государства. События последних полутора лет, безусловно, знаменуют собой качественно новый этап в развитии политической ситуации и требуют ясного ответа на вопросы: что произошло в сентябре-октябре 1993 года, почему это стало возможным и что делать дальше?

1. Почему они в нас стреляли?

Человеку, который был в Доме Советов с 21 сентября по 4 октября 1993 года, спал на сдвинутых стульях, не имел связи с семьей, ходил без лифта на 13-й этаж к себе в кабинет со свечой в руке, даже

днем, и пролежал безоружным под огнем снайперов, пулеметов и танков почти 6 часов на полу кабинета, очень трудно быть беспристрастным. Думаю, что большинство моих коллег-депутатов и всех других участников событий испытывают аналогичные чувства. Именно поэтому так мало аналитических материалов появилось из-под пера непосредственных участников этой трагедии. Слишком болит душа за происшедшее, звучат в ушах голоса избиваемых и расстреливаемых безоружных людей во дворе дома, куда нас вечером 4 октября вывела доблестная «Альфа», сдав в руки палачей.

Новые события, как в чудовищном по величине калейдоскопе, отодвигают происшедшее, отвлекают внимание на новые факты политической жизни, и порой закрадывается кощунственная мысль, что все общество хочет забыть это массовое убийство в центре Москвы. К чести нашего народа это не так. Массовые акции во время 6-месячной годовщины трагедии ясно продемонстрировали настроения простых людей. И хотя власти сделали все, чтобы вычеркнуть кровавую бойню из народной памяти, хотя часть парламентской оппозиции дрогнула и отказалась от своего же предыдущего решения о создании комиссии по событиям 3-4 октября 1993 года, люди хотят знать правду.

Поэтому несмотря на всю похабность нынешней ситуации, несмотря на омерзительную ложь журналистов и высоких должностных лиц, несмотря на «стыдливое умолчание» многих бывших активных оппозиционеров, успокоивших свою совесть мягкими креслами, анализировать политическую ситуацию лета и осени 1993 года необходимо. Иначе нам придется довольствоваться и принять как истину истерику «раскаявшегося марксиста» по фамилии Гайдар и его поделщиков о «коммуно-фашистском мятеже»...

Итак — почему же «коллективный Распутин» вообще решился на переворот? Кому и чем угрожали Верховный Совет и Съезд, и наконец, какова во всем этом роль самого Ельцина?

Для правильного ответа на эти вопросы нужно учесть два главных фактора, о которых зачастую забывает большинство пишущих на эту тему.

Во-первых, необходимо отметить факт назначения X Съезда народных депутатов России на 17 ноября 1993 года. На этом Съезде планировалось рассмотреть всего два, но зато ключевых для политической обстановки в стране вопроса:

1. О социально-экономической ситуации и программе правительства по стабилизации экономики.
2. О проекте новой Конституции.

Во-вторых, необходимо учитывать напряженность политического поля, на фоне которого проходила подготовка к Съезду, жесткость действий Верховного Совета, правительства и команды Ельцина.

Безусловно, 1993 год в целом был годом сплочения и активизации оппозиционных нынешнему курсу сил. Только в Москве прошли массовые демонстрации и митинги 23 февраля, 22 и 28 марта, 24 апреля, 1 и 9 мая, 22 июня, 20 и 21 августа. Это только наиболее крупные, в которых мне довелось непосредственно участвовать, а были еще и пикеты, и собрания общественности, и множество партийных форумов. Важно подчеркнуть, что за исключением 1 мая, когда власти спровоцировали столкновение и устроили побоище мирной демонстрации, все остальные массовые акции прошли исключительно организованно. Со стороны властей не было предъявлено ни одного официального предупреждения за нарушение каких-либо норм. Хотя с противоположной стороны будущих вдохновителей и пособников палачей опасные тенденции нарастали. Бутафорские виселицы на Васильевском спуске в дни работы IX Съезда и совсем нешуточное избивание в тот же день одного из депутатов ясно показали всем истинные настроения тех, кто бесстыдно продолжает величать себя демократами. Символом отказа от минимального соблюдения законности даже в чисто внешних формах стало открытие так называемого конституционного совещания, когда миллионы телезрителей увидели истинное лицо «правового» государства и поведение «новых конституционалистов». Я имею в виду эпизод, которого, очевидно, не знала мировая история, когда охрана президента буквально вытащила из зала неугодного оппонента, представлявшего высший законодательный орган страны, судью Ю. М. Слободкина, автора проекта Конституции, поддержанного к тому времени почти миллионом подписей граждан. А Генеральный прокурор страны В. Степанков при попытке напомнить охранникам о соблюдении депутатской неприкосновенности просто был физически отброшен в сторону, получив при этом даже удары. И все это происходило при огромном стечении народа, прессы, перед глазами президента и руководителей правительства, наконец, при трансляции на всю страну. А что же наши «либералы»? Они в очередной раз промолчали, поскольку Ю. Слободкин был не «их», только посетовали на нравы, позубоскалили о потерянном ботинке...

Таким образом всем понимающим людям было недвусмысленно продемонстрировано, что после репетиции на VII Съезде в декабре 1992 года и телевиступления Ельцина 20 марта 1993 года с объявлением о введении в стране «особого порядка управления», сорванного коллективными усилиями оппозиции и части верных тогда закону и

Конституции должностных лиц «коллективный Распутин» встал на путь непосредственной подготовки полномасштабного государственного переворота. Теперь понятно, что эта подготовка велась по нескольким направлениям.

Первое. Максимальная дискредитация законодательной ветви власти. После IX Съезда добавилась дискредитация Конституционного суда и вице-президента.

Второе. Привлечение западных специалистов по политической рекламе, тотальный контроль над радио и телевидением. Странная пассивность руководства Верховного Совета и недостаточная скоординированность действий оппозиции помогли режиму получить удовлетворительные результаты на референдуме 25 апреля 1993 года. Эти результаты опять же с помощью беспардонной лжи были представлены как невероятная победа — поддержка всем народом проводимого режимом курса. Однако произошла осечка в главном: несмотря на все старания, по вопросу о досрочных выборах депутатов не удалось дотянуть до требуемых по Закону о референдуме 50% от числа избирателей. То есть, с точки зрения закона, вопрос о досрочных выборах теперь поднимать никто не имел права. Тогда-то и было придумано «конституционное совещание» из назначенных «коллективным Распутиным» дизайнеров, ликвидаторов коммунальных квартир и прочих «крупных конституционалистов». Но, поскольку обойти глав администрации краев и областей было нельзя, то пришлось пригласить и их. И вот тут-то вскрылась масса противоречий, вплоть до отказа подписать якобы согласованный текст проекта Конституции. В частности, глава администрации Тюменской области, несмотря на откровенное давление на него, текст не подписал. Параллельно с этим была предпринята попытка конституировать Совет Федерации, прежде всего как альтернативу законному Верховному Совету. И опять осечка. Собравшись 18 сентября, то есть непосредственно перед переворотом, главы областей и республик отказались учреждать Совета Федерации на условиях Ельцина и его окружения...

Таким образом можно констатировать на основании совершенно непреложных фактов полный политический проигрыш режима к концу сентября 1993 года. Все незаконные, хотя пока и мирные, инициативы президентских аналитиков в политической сфере потерпели сокрушительное поражение.

В области экономики дело обстояло еще хуже. Напомню, что в декабре 1992 года на VII Съезде после утверждения Черномырдина премьером правительству было дано поручение в течение 3-х месяцев представить в Верховный Совет конкретную программу стабилизации

экономики и дальнейшего плана реформ. Попутно замечу, что Черномырдин стал премьером исключительно благодаря голосам оппозиции и почти шесть месяцев в его адрес со стороны парламентской оппозиции критика практически отсутствовала. Это я пишу для тех, кто сегодня в Думе и Совете Федерации надеется наладить «конструктивное взаимодействие» с клятвопреступниками.

Разумеется, никакой программы в установленный Съездом срок представлено не было. Бесконечные судорожные политические движения отвлекали «коллективного Распутина» от столь трудной темы, да и в правительстве была ситуация «лебедя, рака и щуки». В частности, попытка Черномырдина только заикнуться о введении ограниченного контроля над ценами немедленно была пресечена командой Гайдара. Приглашение Черномырдина в Верховный Совет летом, то есть через полгода после Съезда, закончилось тем, что он направил письмо с просьбой отложить еще рассмотрение этих вопросов и прислала вместо себя вице-преьера О. Лобова. Наконец, в августе состоялось расширенное заседание правительства, на котором от Верховного Совета присутствовал Ю. Воронин и во время которого была публичная полемика между ним и Черномырдиным. Все наблюдателя помнят слова премьера в адрес Воронина о том, что «не надо нам здесь устраивать ликбез». Думаю, что к тому времени процесс подготовки переворота был уже развернут и Черномырдин больше не нуждался в нормальных отношениях с парламентом. Программа действий правительства на этом заседании все-таки утверждена и документ наконец-то поступил в Верховный Совет.

Трудно однозначно прогнозировать его судьбу, если бы дело дошло до обсуждения, но я думаю, что ни Верховный Совет, ни Съезд в таком виде эту программу правительства утверждать бы не стали. Ничего нового по сравнению с гайдаровским периодом она не содержала и несла в себе все противоречия и колебания, которыми была отмечена деятельность правительства Черномырдина весь 1993 год. И уж тем меньше шансов имел этот проект для утверждения на Съезде после скандального возвращения в правительство Гайдара. Скандального, поскольку Ельцин объявил об этом откровенно угрожающим тоном, во время визита в одну из «придворных» дивизий.

Сегодня, когда подведены итоги 1 квартала 1994 года и было официально заявлено о спаде промышленного производства еще на 30%, стал ясно виден результат действий правительства по этой самой никем не утвержденной «программе»...

В Верховном Совете в этот период произошло резкое ослабление позиций будущих пособников палачей. После декабрьского (1992) и

мартовского (1993) демаршей Ельцина даже часть правоверных ельцинистов заколебалась. Этому способствовала совершенно дуболомная практика чиновников из администрации президента, которые в старом партийном духе бросились выполнять новую (после марта) установку по покупке депутатов должностями в исполнительных структурах. Разумеется, вся предыдущая назойливая болтовня о необходимости разделения властей в правовом государстве была тут же забыта. Ничего, кроме подозрений в подготовке переворота, раздражения и презрения к инициаторам этих предложений, такая практика в этот период на вызывала и вела только к росту оппозиционных настроений. И все-таки, несмотря на все эти «труды менял» травлю Верховного Совета в прессе, регулярные угрозы разгона, в парламенте нарастали прежде всего прагматически, а отнюдь не «экстремистские» настроения. После избрания В. Исправникова заместителем Хасбулатова, В. Соколова председателем Совета Республики, а В. Мазаева председателем комиссии по экономической реформе, «прагматическое» направление резко усилилось. По инициативе Верховного Совета (*идея совещания была выдвинута Н. Павловым, которому пришлось более 40 минут объяснять Председателю ВС РФ перспективы и политические последствия такого мероприятия.* — **И. И.**) было проведено в июле 1993 года 1 Всероссийское экономическое совещание, на которое, кстати, членам правительства не разрешили явиться, хотя первоначально оно планировалось как совместное с правительством. На осень готовилось второе такое совещание, как этап в подготовке к X Съезду.

То что в Верховном Совете в этот период были преобладающими прагматические настроения, доказывается простым фактом. В. Исаков при избрании его председателем комитета по конституционной реформе прошел минимальным количеством голосов. Это человек, в профессиональной компетенции которого никто из его политических оппонентов не сомневался! Осторожность у многих депутатов вызывали именно его политические позиции, якобы слишком радикальные. Вообще надо заметить, что, несмотря на известную ожесточенность, дискуссии с «раскаявшимися марксистами» шли в рамках одной программы, а именно — рыночной, если говорить об экономике. За что, кстати, парламентскую оппозицию клеймили «слева» не меньше, чем режим.

Только уж совсем рептильные служители агитпрома нынешнего режима могли утверждать, что такие радикальные оппозиционеры, как М. Астафьев или И. Константинов хотя бы «возврата назад» к планово-распределительной системе. Люди, которые в отличие от номенклатурных коммунистов типа Гайдара, не состояли ни одного дня в инкубаторе «перестройщиков» и за свои политические убеждения страдавшие не под одеялом или на кухне, а в реальных столкновениях с

репрессивными органами (как, например И. Константинов), просто в принципе не могли желать «возврата назад».

Хочу подчеркнуть еще раз, что несмотря на рост авторитета принципиальной оппозиции в Верховном Совете, ничего похожего на ее доминирование даже в самый последний период существования парламента не было. Я это говорю не с целью опять снять долю ответственности с радикальной оппозиции, а лишь исключительно для показа всей полноты политической изоляции Ельцина, осуществленной «коллективным Распутиным» еще в 1992 году. Ведь кто-то подтолкнул Ельцина публично заявить, что в Верховном Совете командует Фронт национального спасения, хотя подобная ситуация в принципе исключалась самим составом депутатов.

Наибольшую опасность для режима представляли отнюдь не радикалы, а именно «прагматики» поскольку они в этот период вплотную занимались тремя ключевыми вопросами: приватизацией, бюджетом и налогами. Центральным здесь был, конечно, вопрос о дальнейшей программе приватизации. Непрерывные пресс-конференции Чубайса летом 1993 года с нелепыми обвинениями в адрес Верховного Совета о торможении приватизации четко высветили главную заботу «раскаявшихся марксистов». Итоги приватизации за 1992 год, а теперь уже и за 1993 год показали преступную порочность избранных подходов. Эффективность производства не выросла, доходов государство не получило, собственности широкие слои трудящихся не получили. Приватизация стала не «народной», как вещал об этом Чубайс, а номенклатурно-криминальной. Собственность, оцениваемая триллионами рублей, уплывала за бесценок, а гигантские взятки оседали в карманах чиновников и мафии. Это сегодня слишком хорошо известно, чтобы подробно писать еще раз. Для нашей темы важно то, что поправки к Закону о приватизации реально могли быть приняты уже осенью 1993 года и тогда криминально-номенклатурной приватизации был бы нанесен сильнейший удар.

Спор вокруг бюджета, представленного правительством как всегда с огромным опозданием, носил еще более показательный характер. Представленный правительством проект был в Верховном Совете существенно переработан и принят. И тут последовали заявления Ельцина и министра финансов Б. Федорова, что они его исполнять не будут (!?), так как он подрывает экономическую стабильность. Интересно, что на последнем рассмотрении проекта бюджета в Верховном Совете Б. Федоров не смог ответить на простой вопрос: какую конкретно статью расходов он предлагает урезать.

Здесь уместно вспомнить о рассуждениях Гайдара после его

выступления в должность фактически главы правительства, когда он, возможно, и сам еще верил в свой демократизм. На вопрос, при каких политических обстоятельствах его правительство могло бы уйти в отставку, Гайдар сказал, что это может быть в случае не утверждения парламентом бюджета, представленного правительством. То есть сказал так, как написано в книжках про демократию. Ему тогда, видимо, просто в голову не приходило, что супердемократический парламент и Съезд могут так быстро перемениться.

Ведь еще в октябре 1991 года на 5 Съезде за дополнительные полномочия Ельцину и несуществующую программу реформ проголосовало едва ли не 90% депутатов. Ну а когда дошло до реального несогласия Верховного Совета с проектом представленного бюджета, Гайдар быстро вспомнил старые знания, прочно усвоенные от классиков: караул устал, отключить телефоны, массы хотят жить по-новому, не надо нас тянуть назад...

Спор вокруг бюджета вскрыл со всей определенностью, что правительство не может или не хочет собрать налоги, думает только о сокращении расходной части бюджета, то есть о дальнейшем уничтожении ВПК, науки, культуры, образования, здравоохранения, только на словах говоря о поддержке предпринимательства и структурной реформе, и уж вовсе не беспокоится об источнике бюджетных поступлений, о собственно производстве. Правительство продолжило практику сокрытия валютного бюджета, не предусмотрело никаких мер против методичного слива валютного капитала за пределы России. Истеричность внешне невозмутимого Б. Федорова заметила тогда даже «Независимая газета», написав после его очередной отставки: «Мраморно-монументальное заявление вдруг сменяется оскорблением». Летом 1993 года во время обсуждения бюджета он просто убежал прямо с трибуны Верховного Совета, в связи с чем было принято обращение к Ельцину с требованием его отставки.

Наконец, последний штрих для полной картины политического фона перед планировавшимся Съездом.

Вопрос о налогах. Публичное заявление Хасбулатова о необходимости снизить налоги на 50% с товаропроизводителей не могло остаться незамеченным. Это был сигнал как для правительства, так и для всего общества, что Верховный Совет от общих критических замечаний в адрес «реформаторов» переходит к выработке своей конкретной экономической программы. И такая работа уже велась во многих структурах парламента с привлечением широкого круга ученых и практиков. Итог этой работы и должен был быть рассмотрен на X Съезде народных депутатов России 17 ноября 1993 года.

Все эти политические коллизии происходили в условиях нарастающего скандала по делам о коррупции в высших эшелонах власти. Готовность Верховного Совета заниматься этими вопросами была в этот период максимальна. С легкостью прошло, например, мое предложение дать поручение соответствующим комитетам подготовить документы об обязательном публичном декларировании доходов всеми высшими должностными лицами и депутатами. В первом чтении были приняты законы о борьбе с коррупцией и госслужбе. Эта тема была все лето центральной на ТВ и в прессе.

Было ясно, что на Съезде вряд ли удастся эти проблемы обойти, тем более что помимо комиссии во главе с А. В. Руцким существовала комиссия Съезда.

Еще одно обстоятельство, о котором часто забывают, анализируя причины переворота, это частичный прорыв информационной монополии на радио и телевидении летом 1993 года. Появился парламентский час на радио и телевидении, а «Российская газета» начала становиться рупором прагматической оппозиции. И хотя тоталитарные плюралисты в регионах, где только могли, отключали парламентское радио и ТВ, но в центре России информационная блокада была сломана. Кроме того, было принято положение о Федеральном совете по обеспечению свободы слова на государственном телевидении и поправки к закону о печати, что обещало в скором времени прорыв информационной блокады и на основных каналах телевидения.

Вот, в общих чертах, панорама того политического поля, на котором должен был в ноябре 1993 года начать работу X Съезд народных депутатов России. Если добавить сюда планируемые профсоюзами многочисленные акции протеста по всей стране, обращения как к президенту, так и к Съезду, то нетрудно представить его Итог.

Кто конкретно видел в предстоящем Съезде неумолимую угрозу для себя?

1. Все правительство в целом, поскольку вотум недоверия правительству Черномырдина на X Съезде народных депутатов России был более чем вероятен.
2. Персонально министр внутренних дел Ерин, отставки которого Верховный Совет требовал после доклада специальной парламентской комиссии по событиям 1 мая 1993 года. Напомню, что в соответствии с действующим тогда законом 4 министра назначаются президентом с согласия Верховного Совета. Это министры внутренних дел, обороны, безопасности и иностранных дел. Из этой четверки Ерин и Козырев точно не могла рассчитывать на подтверждение своих полномочий Верховным Советом, статус

Грачева был под большим вопросом и только Голушко вряд ли бы вызвал возражения как совсем новый человек на министерском посту.

3. Персонально Черномырдин, поскольку при нарастании кризиса неплатежей, отказе платить за уже произведенную продукцию ВПК и аграрникам, продолжающемся спаде производства от правительства не исходило никаких инициатив, кроме бесконечной конфронтации с парламентом. Поэтому в случае отставки правительства шанс быть вновь утвержденным в должности премьера у Черномырдина даже при хорошем отношении к нему Ельцина был очень невелик.
4. Вся группа безответственных вице-премьеров. Теоретически не исключалась возможность принятия поправок к Конституции, предусматривающих согласие Верховного Совета на назначение президентом вице-премьеров. А это означает, что такие убогие фигуры, как Чубайс и Федоров, не могли не волноваться за свои посты.
5. Наконец X Съезда народных депутатов России очень опасался всякий, кто так или иначе мог быть уличен в причастности к коррупции. А то, что по материалам Руцкого и материалам съездовской комиссии можно было назвать немало таких имен, было известно очень многим.

И еще два немаловажных внешних фактора. Они хорошо известны спецаналитикам, особенно западным, но мало обсуждались у нас в связи с переворотом.

Первый. Нарастание в Верховном Совете критики в адрес СНГ, вплоть до готовности денонсировать Беловежские соглашения, незаконно ратифицированные в свое время. Обращение по этому вопросу в Конституционный суд большой группы депутатов было принято, но так и не было ими рассмотрено. Убежден, что Конституционный суд просто не решался приступить к рассмотрению, поскольку было совершенно очевидно, что только Съезд или референдум могли решать вопрос о ликвидации СССР. Попытки протащить на нескольких съездах одобрение беловежских соглашений с треском провалились, и в Конституции осталось упоминание о СССР, несмотря на все уговоры депутатов со стороны Филатова и Хасбулатова. Более того, в августе 1993 года в Верховный Совет приехала группа депутатов Белоруссии с предложением обсудить возможные совместные инициативы по воссозданию единого государства. После этого решением Верховного Совета была создана специальная комиссия, а в сентябре группа депутатов во главе с С. Бабуриным выехала в Минск для проведения

консультаций с представителями наиболее влиятельных фракций парламента Белоруссии. На этих консультациях речь шла именно об отмене Беловежских соглашений и поиске механизмов объединения не в эфемерный экономический союз, а в единое государство.

Совершенно очевидно, что как «коллективный Распутин» в Москве, так и его заокеанские вдохновители не могли это оставить без внимания. Ведь под угрозой остались усилия многих десятилетий по расчленению и окончательной ликвидации ненавистной им исторической России. Было от чего взволноваться.

Второй фактор. Это судьба договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), подписанного Ельциным еще с Д. Бушем. Он поступил на ратификацию в Верховный Совет, и уже первые парламентские слушания по этому вопросу показали крайне отрицательную оценку договора со стороны многих депутатских фракций. Стало ясно, что перспектива ратификации договора более чем сомнительна. Время, когда ратификацию любого договора можно было провести «с колес», безвозвратно ушло. Депутаты научились работать с текстами документов, организовывать независимую экспертизу. Имело значение и отношение к тем, кто должен был представлять договор, т.е. министрам обороны и иностранных дел, а также председателям комитетов по обороне и международным делам. Все они, в большей или меньшей степени, к осени 1993 года доверие утратили. Так что шансов на ратификацию договора было крайне мало, и это не могло не беспокоить, военно-политические силы Запада, заинтересованные в нашем окончательном разоружении.

Таким образом, к осени 1993 года целый ряд факторов как внутреннего, так и внешнего характера совпал по своей направленности.

Угрожал ли предстоящий Съезд лично Ельцину, то есть была ли у него личная заинтересованность в устранении Съезда и Верховного Совета? Я готов спорить с кем угодно, что даже в повестку Съезда вопрос об отрешении Ельцина от должности включен бы не был. Максимум, что могло произойти, это утверждение поправок к Конституции, предусматривающих согласование с Верховным Советом назначений вице-премьеров и внесение в Конституцию особого параграфа с требованием проверки состояния здоровья у высших должностных лиц государства. Я это говорю как человек, принимавший участие практически во всех совещаниях принципиальной оппозиции в парламенте. Одновременно с В. Исаковым была подготовлена поправка к Конституции, исключающая статью, позволяющую Съезду принять к рассмотрению любой вопрос внутренней и внешней политики, что давало основания кричать на всех углах о «всевластии Советов». Кстати, эту

статью использовали только один раз — для введения поста Президента! У меня не вызывает сомнений, что все планы оппозиции были хорошо известны в окружении Ельцина, тем более, что их никто не скрывал. Но я также убежден, что начиная с лета 1992 года ближайшее окружение президента стало сознательно изолировать его с целью не допустить прямого контакта с оппозицией. Изоляция и дезинформация! Эта практика продолжается, похоже, и сегодня. Поэтому можно смело утверждать, что переворот и устранение парламента и Съезда были выгодны, даже необходимы прежде всего «коллективному Распутину», внешним противникам России, а никак не самому Ельцину. Одновременно переворот был выгоден врагам российской государственности, а также людям, желающим устранить как парламента, так и лично Ельцина. Все они пока остались в тени, а вся ответственность за стрельбу по безоружным людям у «Останкино» и Дома Советов в историческом плане легла на Ельцина и Черномырдина. Сегодня эти люди выдают себя тем, что подчеркнута дистанцируются от Ельцина. Завтра они будут подвергать его уничтожающей критике, которая и не снилась «непримиримой оппозиции». Чтобы представить, как это будет, достаточно прочесть «Независимую газету» (№ 81, 29.04.94 г.), где грубо высмеиваются инициативы Ельцина по привлечению бундесвера к миротворческим операциям в Югославии и СНГ, изложенные им в интервью журналу «Шпигель».

Таким образом, даже краткий анализ развития событий в 1993 году показывает, что политическую борьбу оппозиция образца 93-го года в самой ближайшей перспективе выигрывала. Выигрывала в рамках Закона и Конституции. Нужно, наконец, понять, что именно политическая победа оппозиции и заставила режим отбросить болтовню о приверженности «правовому государству» и обратиться к силе. Ошибки же и просчеты оппозиции, которые, безусловно, были и остаются, являются самостоятельной проблемой и будут рассмотрены в отдельной статье.

Теперь же необходимо четко рассмотреть, что же дал власть имущим переворот.

2. Чего достиг режим расстрелом безоружных людей?

Есть во всем происшедшем какая-то тайна. Государственные перевороты совершались во многих странах, и в подавляющем большинстве случаев они имели видимые, вполне зримые результаты и последствия. Первоначально казалось, что нынешний переворот

закончится вполне классически. Многие близорукие государственники даже хотели этого и уже готовились оправдать пролитую кровь необходимостью укрепить государство и навести порядок. Классическая схема в таких случаях предусматривает, в частности, запрет на длительное время оппозиционных органов печати и партий, отмену выборов, роспуск законодательных органов в регионах с сепаратистскими тенденциями, усиление централизма и активную борьбу с преступностью, в том числе в верхних эшелонах власти, наконец, интернирование наиболее активной части оппозиции. Это все было тем более вероятно, что, несмотря на повсеместное осуждение переворота со стороны Советов и большинства политических партий, массового протеста населения не последовало. Да, прошли десятки митингов в регионах. Да, в Москве был наполовину организованный, наполовину стихийный протест некоторой части населения. Однако, серьезной угрозы режиму все это не несло, особенно после демонстративной стрельбы из танков по парламентам, незаконного задержания охраной Ельцина и о. президента и председателя Верховного Совета, введения в Москву войск. Введение полной монополии на информацию, полностью исключало какую-либо возможность объяснить население и армии реальную ситуацию. Первоначально режим действовал по классической схеме: газеты были закрыты, партии в своей деятельности приостановлены, часть лидеров оппозиции оказалась в изоляции.

Что же мы видим через полгода после расстрела парламента и гибели сотен безоружных людей. Мы видим, во-первых, новый парламента. Но новый ли он? Да, в нем лидер фракции «Коммунисты России» Верховного Совета И. Рыбкин стал уже не лидером одной из фракций, а председателем одной из палат. В этом «новом» парламенте нет таких людей, как И. Константинов, М. Афанасьев, Б. Тарасов, И. Челноков и некоторых других активных критиков нынешнего курса, но в нем В. Илюхин возглавляет комитет по безопасности, а В. Зоркальцев — комитет по связям с партиями и общественными организациями. В этом «новом» парламенте В. Исаков точно также, как и в старом, возглавляет комитет по конституционной реформе, а С. Бабурин — новую фракцию независимых депутатов «Российский путь». Наконец в Думе появились такие люди, как Ю. Власов, Г. Зюганов, В. Жириновский и А. Невзоров. В Совет Федерации избрано более 30% «бывших» народных депутатов России, в том числе такие яркие представители «старой» оппозиции, как А. Тулеев, О. Смолин, В. Любимов.

А что в прессе? К традиционным критикам режима из газет «Правда», «Советская Россия», «День» (теперь «Завтра») прибавились «либеральные» критики из «Независимой газеты», «Сегодня» и «Новой ежедневной газеты». Плюс усилилась критика в солидных западных

изданиях.

Снова проводятся митинги, 1 мая те же, что и в прошлом году. Люди прошли тем же «незаконным» маршрутом и почему-то без всяких эксцессов, шахтеры как всегда опять собираются бастовать, а члены ГКЧП В. Стародубцев и А. Лукьянов заседают уже не в суде, а в палатах парламента. Более того, лексика министров Шохина и Козырева мало чем отличается от иных резолюций оппозиции образца 1991-92 годов, а и. о. мэра Москвы Ю. Лужков так клеймит Чубайса за его «народную» приватизацию в «Независимой газете», что я грешным делом вспоминаю Конгресс фронта национального спасения и звучавшие там речи.

Сознавая все это, не можешь отделаться от ощущения какого-то дурного сна. Ведь неизбежно возникает вопрос: зачем же тогда расстреливали в 7 часов утра 4 октября 1993 года из пулеметов безоружных людей, сидящих у костров? Расстреливали садистки, хладнокровно, без предупреждения. Кое-кто из вдохновителей и пособников палачей, пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре, что-то там бормочет о принятой новой Конституции. Да, новая конституция во многих отношениях лучше прежней, но ведь все понимают, что она принята незаконно и никаких проблем не решила, а только породила их. Ведь достаточно напечатать в газетах конституцию Татарии и принятую уже после переворота (!) конституцию Башкирии, чтобы доказать, что проташенная на крови людей новая конституция абсолютно не работает с момента ее принятия. Ведь конституции целого ряда республик России находятся в вопиющем противоречии с ней и никто их не отменяет. Более того, в правительственных кругах на эту тему боятся даже заговаривать, потому что цель истинных кукловодов и организаторов переворота очевидна. Цель эта стара как мир и заключается только в исключительном расчленении России. Только по этой причине и была продолжена игра в демократию. Нельзя же всерьез утверждать, что люди, отдававшие приказы на зверское избиение депутатов и расстрелы безоружных людей и пленных, вдруг остановились в своем людоедстве из-за приверженности демократии. Что-то сорвалось в задуманном плане, какие-то вещи получились не до конца. Убежден, что для политологической критики нет сегодня задачи важнее, чем вскрыть все обстоятельства и цели переворота, исчерпывающе ответить на вопрос — почему переворот вдруг приобрел такую странную форму. В разных периодических изданиях назывались следующие причины:

1. Искренняя приверженность демократии самого Ельцина и части его окружения.

Теоретически допустимо, но практикой последних лет полностью

опровергнуто.

2. Опасение, что будет нарастать широкое народное недовольство.

Этот фактор полностью исключить нельзя, но нельзя придавать ему и слишком большое значение — власть прекрасно понимала, что какое-либо широкое оппозиционное движение возможно только после длительной временной паузы.

3. Несогласие Запада поддерживать недемократический режим.

Теоретически фактор возможен только при условии, что защита конкретной формы демократии совпадает с какими-то планами Запада. Однако, если тоталитаризм выгоден США, то эта страна закроет глаза на любое душегубство, как это было при большевиках, и как это было недавно продемонстрировано на примере Молдавии и Грузии. Конечно, вряд ли Запад был заинтересован в безусловной победе Ельцина. Запад хорошо усвоил уроки из истории СССР, что любой авторитарный режим в России рано или поздно начинает эволюционировать в сторону национально-государственных интересов. Демократия же, даже ограниченная, представляет значительно большие возможности влиять на российскую политику.

4. В ходе переворота достигнуты лишь какие-то промежуточные цели.

Это, пожалуй, наиболее правильное объяснение. Если Исходить из того, что целью переворота являлось отнюдь не укрепление единой российской государственности, ликвидация пресловутого двоевластия и так называемого всевластия Советов, а нечто совсем другое, то становится понятна странная остановка переворота и последующий «разгул демократии».

Можно возразить, что часть видимых целей, преследуемых «коллективным Распутиным», достигнута. Приостановлены дела о коррупции, все коррупционеры остались в политической элите. Однако, если исходить из того, что понятие «коллективный Распутин» всего лишь эфемеризм, за которым скрываются люди с зачастую совершенно несовпадающими целями, то придется признать другое. ***Истинная цель значительно части вдохновителей переворота заключалась как в устранении оппозиции, так и в максимальной дискредитации Ельцина с последующим его устранением, как это было в 1991 году с Горбачевым.***

И тогда можно было, ослабив центральную власть и максимально используя властные амбиции региональных лидеров, запустить процесс управляемой дезинтеграции России. Наивно думать, что

самоконституцирование Совета глав регионов в критические дни сентября-октября простая случайность, хотя внешне этот Совет пытался выполнить благородную функцию примирителя ветвей федеральной власти. План дезинтеграции сорвался, государственность ослабла, но устояла, а цели расчленителей останутся прежними. Политическая палитра после переворота значительно осложнилась. Отказ подписать договор об общественном согласии таких людей, как Г. Попов и Г. Явлинский, должен заставить задуматься все силы народной оппозиции о выборе тактики и стратегии и ни в коем случае не впасть в эйфорию от обретения новых «союзников».

Последствия переворота в экономической области еще более парадоксальны, чем в политической. Того, чего добивалась «старая» оппозиция, помог достичь переворот. Гайдар, Федоров, Бурбулис, Полторанин не имеют больше к правительству никакого отношения. Но ведь Съезд распускали не для того, чтобы убрать Гайдара и Федорова, депутаты как раз этого и требовали. Распустили Съезд как тормоз на пути реформ! И что же?

Выше я уже писал, что за первый квартал спад промышленного производства составил 30% от уровня прошлого года. Отсюда вывод, что все те проблемы, которые якобы мешал решать Верховный Совет, не удалось решить и после его разгона. И сегодня только уж совсем глупый человек не понимает, что нужны не трескучие фразы Черномырдина о необходимости работать, а его отставка и стратегическое изменение курса.

3. Что же делать дальше?

Сложившаяся после странно закончившегося государственного переворота политическая ситуация, значительное усложнение расстановки политических сил в обществе с неизбежностью ставят вопрос перед национальной оппозицией о новой тактике и стратегии борьбы. Первые векторы такой тактики уже начали проявляться, и они, к сожалению, не вселяют оптимизма. Думская оппозиция в лице КПРФ, АПР, частично ЛДПР пока что избрала тактику максимально «лояльной» оппозиции. Как говорил в свое время кадет П. Милюков, являвшийся, как известно, конституционным монархистом: «Мы оппозиция Его Величества, а не оппозиция Его Величеству!». Не думаю, что нынешняя думская оппозиция считает себя «конституционными ельцинистами», но ведет она себя пока именно так. И вся трагедия не в том, что ей не с чем будет выйти на новые выборы. Истинная трагедия и опасность в том, что

во имя в мире в Думе подрывается мир в стране. Зюганов, Лапшин и Жириновский должны понять, что 30% спада в 1 квартале и останавливающиеся по всей стране заводы это и их рук дело. Ведь вся оппозиция, включая и независимых депутатов, шла на выборы с требованием стратегического пересмотра курса. И что же? За четыре месяца вопрос об этом даже не поставлен! Правительству Черномырдина Дума не проголосовала ни «доверия», ни «недоверия». Но это означает всего лишь молчаливую, если не сказать трусливую солидарность с проводимым курсом.

Впрочем, в мою задачу сейчас не входит сколько-нибудь детальный анализ действий именно оппозиции. Этому будет посвящена отдельная статья. Моя цель привлечь внимание всех ответственных политиков — государственников к некоторым тревожным тенденциям прежде всего по проблеме государственности.

Очевидно всем, что Российская Федерация сегодня является ленинско-сталинско-хрущевским обрубок исторической России ~и русские с этим не смирятся никогда. Какой выход из этой ситуации? В оппозиционных кругах на этот счет существуют два различных подхода.

Первый можно условно обозначить как «классический имперский, или державный». Он сводится к необходимости восстановления единого государства в границах СССР. Его исповедуют практически все направления коммунистов и большинство некоммунистических организаций, декларирующих свою патриотическую ориентацию. Различия касаются тактики достижения этой цели, формы будущего устройства государства и его названия. Спор, в частности, идет о том, будет ли это СССР или Российское государство, федерация или государство унитарное, состоится объединение через механизм референдумов или посредством экономического давления со стороны Российской Федерации.

Второй подход сводится к непризнанию нынешних границ РФ как совершенно искусственных и предполагает либо объединение с Украиной, Белоруссией и Казахстаном, либо отделение от этих республик территорий с русским населением и присоединение их к РФ. Такой подход можно условно назвать «умеренно имперским или национал-реформистским».

Существует и третий вариант решения проблемы, представляющий, на мой взгляд, большую опасность для судеб российской государственности. Это план восстановления псевдогосударства в виде СНГ, либо даже конфедерации. Такой подход можно обозначить как «псевдоинтеграционизм, или химерическая государственность». Бросается в глаза, что в последнее время ностальгия

по единому государству (чаще говорят о культурном, экономическом и других «единых пространствах») зазвучало из уст вчерашних активных разрушителей этого самого «единого пространства». Недавно к этой кампании ностальгии многословно, как всегда, подключился клятвопреступник № 1 по фамилии Горбачев, выступив по Санкт-Петербургскому телевидению. Характерно, что он специально подчеркнул утопичность идеи восстановления именно единого государства, но всячески ратовал за объединение в конфедерацию.

Что стоит за всем этим? Только ли традиционная для российских либералов утопичность сознания, выражающаяся в полном непонимании природы и роли государства вообще, а в особенности значения государства для России и русских. Думается, что это, безусловно, имеет место, но характерно только для искренних или наивных либералов. У большинства же либеральных «акул» просматривается и другое: желание любой ценой, даже путем прямого заимствования лозунгов и идей из ненавистного лагеря «красно-коричневых», не допустить укрепления российской государственности хотя бы в границах РФ. Любой ценой не дать России сосредоточиться!

Опасность этого подхода еще и в том, что объединительная риторика псевдоинтегралов радует многих простых людей как знак наступающего прозрения вчерашних противников. Ведь очень трудно бывает заметить разницу между призывами к единому сильному государству и объединению в «единое экономическое, культурное, оборонное пространство». Но и это еще не все. Псевдообъединение с государствами-новородами из СНГ на не вполне понятной основе представляет огромную угрозу для территориального и государственного единства Российской Федерации и целостности русской нации. Сегодня мало кто вспоминает о решениях ВС СССР апреля 1990 года, в результате которых российские автономии были практически приравнены к союзным республикам. Тогда Горбачев делал вид, что пытается сохранить Союз ценой дезинтеграции его национального и государственного ядра, т.е. Российской Федерации. После этого, уже на уровне Съезда народных депутатов РСФСР и его комиссий по Союзному договору, была целая битва за то, в каком качестве будут российские автономии подписывать этот договор. Битва была потому, что часть российских «суверенов» претендовала подписывать его совершенно самостоятельно. Все эти эпизоды не были, разумеется, случайными, и о них политикам-государственникам забывать ни в коем случае нельзя. Борьба с нынешним курсом должна вестись во имя России, а не вопреки ее интересам. Слова русского солдата и философа А. Зиновьева «целились в коммунистов, а попали в Россию» неплохо бы приложить и к сегодняшней политической ситуации.

Какой же из обозначенных вариантов следует признать наиболее приемлемым?

Для меня на этот счет уже давно не существует сомнений. Русский политик в этом выборе может руководствоваться только и исключительно интересами своей нации и народов, связавших свою историческую судьбу с русскими прочно и без обмана. Необходимо сделать все, чтобы состоялось воссоединение Российской Федерации с Украиной, Белоруссией и Казахстаном в единое государство. В случае отказа этих республик альтернативой такому объединению должно служить признание нынешних границ спорными и проведение референдумов на спорных территориях. Чем скорее будет оставлена утопия украинизации 12 млн. русских на Украине, тем лучше будет и украинцам, и русским. Делать это надо без угроз, без всяких силовых жестов, но твердо, а главное, последовательно. Пример отношений ФРГ и ГДР необходимо изучить и использовать. Экспансии из Галиции антиукраинских, антирусских и антиправославных сил должен быть дан спокойный, но ясный отпор. В полной мере это касается и Казахстана. Казахам уже сегодня необходимо публично напоминать об их южном соседе, в котором проживает 1 млрд. 180 млн. человек и в котором только один автономный округ. Со всеми остальными участниками СНГ нужно строить добрососедские отношения исключительно на основе взаимной выгоды. Иной вариант решения при вымирании русских около 1 млн. только за 1993 год могут исповедовать либо неисправимые догматики, либо откровенные русоненавистники, хотя и с «имперским, евразийским или интернационалистским сознанием».

Итак, в области проблем российской государственности необходимо избежать нескольких ловушек.

Первая — это химера псевдообъединения. Надо повторять и повторять, что сегодня русским объединением ради объединения не нужно, более того — оно губительно.

Вторая ловушка — это химера псевдодемократии и оппозиционности любой ценой именно на этой основе. Чем больше будет углубляться кризис, тем сильнее понадобится власть для его преодоления. Национальной оппозиции необходимо выработать свой жесткий конкретный курс, свои приоритеты, по которым должно оцениваться каждое действие властей. Разумеется, такой подход не имеет ничего общего с нынешними действиями думской оппозиции. Требование письменно обещанных Ельциным в соответствующем указе выборов президента должно постоянно звучать на спокойной правовой основе, так же как требование отставки правительства Черномырдина. Вместе с тем это не должно превращаться в самоцель.

Третья ловушка — это химера новых «союзников» из числа псевдолибералов и псевдоинтеграционистов горбачевского толка. Сегодня именно они первыми кинулись в сторону от Ельцина, а завтра окажутся в первых рядах его самых злобных и беспощадных критиков. Убежден, что ни одного деятеля советских десятилетий так не развенчивали, как это будут делать с Ельциным. И делать это будет именно его вчерашние слуги и подхалимы. Собственно, этот процесс уже частично начался. Это вовсе не означает, что в пику им мы должны пересмотреть свои взгляды. Просто надо всегда помнить, что эти же люди еще вчера науськивали Ельцина разогнать Съезд, что именно они обеспечивали идеологическое обоснование разрушению Союза. Сегодня их цели не изменились, их ненависть к государству вообще, а к России в особенности остается прежней.

Два слова об экономике. Почему-то считается, что это и есть главный вопрос. Рискую подвергнуться критике, но смело берусь утверждать, что это не так. Главный вопрос — это наличие политико-государственной воли, верховной власти. За 1993 год, только по официальным данным, из России вывезено около 15,5 млрд. долларов. По сравнению с 1990 годом спад в различных отраслях промышленности от 30% до 50%. Смертность в России превысила рождаемость на 803 тыс. человек! Какие еще нужны аргументы для нормального человека, что необходим фундаментальный пересмотр всего того, что по-прежнему называется реформами?

Рецепты, в том числе и западный опыт тех же США времен Рузвельта, имеются. Сочетание жесткого государственного регулирования в стратегических для государства отраслях и сферах жизнедеятельности с экономическим стимулированием производителей всех форм собственности. Выделение государственных приоритетов, среди которых на первом месте должны быть высокотехнологические отрасли промышленности, наука и образование. Национальная оппозиция должна, наконец, выбить карту экономических реформ из рук дилетантов и просто воров. Серьезные эксперты оппозиции должны сформулировать новый экономический курс и ясным языком довести его до сведения самых широких слоев населения.

В заключение, позволю себе процитировать еще раз А. Зиновьева:

«Россия захвачена. Хотите свободы, выход — война, любыми доступными средствами война. А на войне — действовать только военными методами против предателей». Это говорит не юный экстремист, а человек, прошедший всю войну, высланный партбюрократией из СССР, написавший десятки книг по философии и политике,

проживший на Западе два десятилетия. Услышат ли его крик души наши власти и оппозиция? А если услышат, то поймут ли, что если ничего не менять, то завтра так будут думать и, главное, действовать миллионы. Господи! Сохрани Россию!

20 июня 1994 года.

Николай Павлов.